

**ПРЕДИСЛОВИЕ К КОЛЛЕКТИВНОЙ
МОНОГРАФИИ «МЕЖДУНАРОДНЫЕ
СВЯЗИ КАЗАХСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В
ПЕРИОД НЕЗАВИСИМОСТИ»
(готовится к печати)**

Изучение современного литературного процесса невозможно без внимания к проблемам взаимосвязей и взаимовлияний, причём, как известно, каждая историко-литературная эпоха имеет свою специфику, в том числе в области литературных взаимосвязей, которые, в свою очередь, могут быть едва заметны, завуалированы и сложно опосредованы. В период независимости литературные связи и влияния национальных литератур основаны, по-прежнему, на культурных и литературных контактах между народами и суверенными государствами, хотя духовные связи между независимыми государствами, к сожалению, были ослаблены и материалов для изучения становилось меньше. Казахстан, выдвинув в 1994 году идею евразийства, стремился не прерывать эти связи, всегда придавая особое значение диалогу культур и цивилизаций. Принята специальная программа «Путь в Европу», в которой определены конкретные задачи по взаимодействию с европейскими странами и институтами в экономическом, политическом и культурном сотрудничестве. По предложению Президента нашего государства Генеральная Ассамблея ООН объявила 2010 год Международным годом сближения культур.

Коллективная монография отдела мировой литературы и международных связей «Международные связи казахской литературы в период независимости» – итог двухлетней работы отдела по программе фундаментальных исследований за 2007-2008 годы. Её актуальность обусловлена возрастанием гуманитарного и культурного сотрудничества между Казахстаном и странами дальнего и ближнего зарубежья в связи с усилением интеграционных процессов.

Интегративные тенденции в общемировом литературном процессе отражены в предыдущем издании – «Литературно-

Важнейшая задача цивилизации – научить человека мыслить.

Томас Алва Эдисон

художественный диалог» (Алматы, 2008 г.), подготовленном Институтом литературы и искусства им. М.О. Ауэзова МОН РК и Институтом мировой литературы им. А.М. Горького РАН. На современном этапе именно художественно-эстетическая культура является основой устойчивого духовного развития общества. Литература развивается ярко и интенсивно, включаясь в диалог культур, так как писатели, живущие в разных странах и имеющие различные мировоззрения, участвуют в диалоге как современники, вступают, по мнению академика НАН РК С.А. Каскабасова, в переключку двух и более культур. Диалог становится всё более явственным, насыщеннее и весомее.

Учёные-литературоведы Казахстана, России, Румынии и Молдовы представили современный национальный литературный процесс как часть мирового литературного процесса, в котором ярко проявляется диалог Востока и Запада. Трудно переоценить роль и значение русской литературной классики как одного из генераторов (К. Султанов) наряду с восточной и арабо-мусульманской традициями становления наших национальных культур, как носителя и проводника идеи универсализма. Более широкая трактовка коммуникативных функций национальной (нерусской) литературы, испытавшей в своём формировании духовное притяжение русской литературы, позволила бы утвердить в системе представлений о её динамике и гносеологических возможностях понятие «мировая литература» как рабочую категорию и необходимое звено в иерархии взаимосвязанных уровней (национальное – региональное – мировое). Диалогичность как внутреннее свойство национальных культур придаёт литературному процессу международный характер.

В серии «Международные связи казахской литературы» увидели свет сборники «Мир Абая», «Мир Ауэзова», «Мир Нурпеисова» (под редакцией д.ф.н., профессора М.Х. Мадановой). «Мир Абая» включает пятьдесят публикаций с английского, хинди, чешского, венгерского, немецкого, французского, китайского, турецкого и монгольского языков. Авторы статей – Ж. Буйон, Ж. Расль, Р. Дор, А. Фишлер,

А. Беннигсен, Ш.Л. Келькежей, Т. Виннер и др. «Мир Ауэзова» содержит шестьдесят откликов с английского, французского, хинди, фарси, греческого, китайского, арабского и тюркских языков. Оригинально раскрывают богатство палитры казахского прозаика Л. Арагон, Ж. Буйон, А. Гатти, А. Фишлер, К. Пужоль, Р. Дор, Т. Виннер и т.д. В «Мир Нурпеисова» вошли рецензии, послесловия и отклики на произведения современного казахского писателя Ж. Буйона, Т. Тадеа, П. Кирхнера, Л. Петерса, В. Нойберта, О. Шуберта, Э. Тиле, У. Брауна, Г. Циглера, К. Обермюллер, Л. Кошута, Р. Кейфер, К. Одежана, Л. Дени, Л. Арагона, А. Стиля, А. Филипп и многих других критиков и литературоведов Бельгии, Болгарии, Германии, Испании, Китая, Люксембурга, Словакии и Франции.

Статьи коллективной монографии «Международные связи казахской литературы в период независимости» носят обобщённо-теоретический и историографический характер или обращены к конкретному материалу и посвящены рассмотрению произведений в сопоставительном плане. В исследованиях сотрудников отдела мировой литературы и международных связей Института литературы и искусства им. М.О. Ауэзова МОН РК отражён совершенно новый период в истории Казахстана – период независимости, в который международные связи казахской литературы со странами дальнего и ближнего зарубежья активизировались и вышли на новый уровень. В том или ином объёме результаты проведённых исследований были опубликованы в изданиях Казахстана и России («Жулдыз», «Простор», «Голоса Сибири», Кемерово; «Страна Озарение», Новокузнецк; «Святоотеческие традиции русской литературы», Омск; в сборниках материалов научных конференций Москвы, Астрахани и Минска). Получено предложение в рамках состоявшегося в начале октября в Минске первого форума культурологов и писателей Казахстана и Беларуси «Культурное наследие в диалоге традиций» о публикациях в белорусских журналах «Полымя» и «Нёман». У отдела установились хорошие научные связи с ИМЛИ им. А.М. Горького РАН, издателем и

переводчиком из Германии Л. Кошутом, с Центром по исследованию творчества Ф.М. Достоевского в Бухаресте и университетом г. Яссы, с целым рядом российских изданий.

Литературные связи и взаимодействие национальных литератур – область изучения научных академических школ литературоведения и компаративистики. Сегодня каждый литературовед непременно в какой-то степени компаративист, потому что изучение истории национальных литератур и современной картины мирового литературного процесса невозможно без сопоставлений, сравнений, контактных и типологических взаимосвязей, без анализа многообразных процессов рецепции, художественных переводов и т.д. В процессе перевода путем синтеза национальных особенностей двух народов, представленных автором и переводчиком, возникают новые художественные формы, раздвигающие национальные границы литературы. Художественный перевод является всегда импульсом в деле культурного сближения народов, установления между ними дружбы и взаимопонимания.

Разделы доктора филологических наук, профессора Ш.Р. Елеукунова посвящены восприятию творчества М. Ауэзова и А. Нурпеисова в литературоведении и критике России и стран СНГ. Раздел доктора филологических наук, профессора Б.Б. Мамраева и кандидата филологических наук, доцента С.В. Ананьевой посвящён казахско-российским литературоведческим связям. Кандидат филологических наук А.К. Машакова пишет о роли ЮНЕСКО в популяризации казахской литературы, о классиках казахской литературы в исследованиях литературоведов зарубежного Востока и отзывах зарубежных критиков о творчестве А. Нурпеисова. Материалы все новые, впервые переведённые с иностранных языков. При помощи сравнительно-исторического метода рецепция казахской литературы раскрыта в конкретной национальной культуре. Большую работу в этом плане проводят Союз писателей Республики Казахстан и Пен-клуб.

Кандидат филологических наук А.Е. Ментебаева представила главу о сравнительном литературоведении в Казахстане.

Кандидат филологических наук, доцент А.К. Тусупова – о художественных переводах Б. Канапьянова, Б. Кенжеева и А. Кодара. Главы С.В. Ананьевой строились в следующей композиции: отражение казахстанской тематики в изданиях Украины и Беларуси; отражение славянских тематик в казахской литературе; научные контакты между нашими странами. Границы в пространстве культуры наделены способностью не только разделять, но и связывать, предоставляя место для встречи и диалога культур, традиций, стилей. Именно через диалог культур происходит обновление современных сравнительных исследований. В статьях коллективной монографии прослежено реальное взаимодействие казахской, русской, украинской и белорусской литератур, их конкретные связи последнего десятилетия XX века и начала XXI века.

Следует отметить значительный вклад в расширение нашего сотрудничества в области культуры и литературы посольства Республики Казахстан в Российской Федерации, в котором на протяжении двух лет современную филологическую науку Казахстана представлял Б.Б. Мамраев. При его личном и непосредственном участии вышли на новый уровень научные связи с коллективом ИМЛИ им. А.М. Горького РАН, была достигнута договорённость о двустороннем сотрудничестве. Б.Б. Мамраев за период своей работы в Москве активно освещал наши научные и культурные достижения в российской прессе, выступал с докладами на престижных международных форумах, принимал участие в организации и проведении двусторонних встреч деятелей культуры, литературы и искусства, конгрессов, вечеров дружбы и т.д.

Всегда откликался и принимал активное участие в проведении совместных конференций и симпозиумов консул Генерального консульства Российской Федерации в Республике Казахстан В.Т. Селиванов. Значителен личный вклад в установление наших связей с культурой и литературой Украины бывшего первого секретаря посольства Украины в Республике Казахстан, доктора исторических наук, профессора

А.Ю. Чабана, который в журнале «Нива» и «Казахстанской правде» опубликовал очерки о поэтах и поэзии Украины, при его непосредственном участии увидел свет альбом «Украинцы Казахстана», и первого секретаря посольства Украины в РК Вячеслава Яренко.

По инициативе Посольства Республики Казахстан в Республике Беларусь 1-3 октября 2008 года в Минске был проведен первый форум культурологов и писателей Казахстана и Беларуси «Культурное наследие в диалоге традиций», в организации и проведении которого значительна роль Чрезвычайного и Полномочного посла Республики Казахстан в Республике Беларусь Б.Г. Исакова, советника-посланника Ф. Абдухалыкова и советника посольства К.Е. Касабулатова. Активное и заинтересованное участие в углублении и расширении казахско-белорусских литературных связей проявляет директор редакционно-издательского учреждения «Литература и мастацтво» А.Н. Карлюкевич.

Основным фактором современного культурно-исторического развития мы можем назвать стремление наших национальных литератур к межкультурному диалогу, к взаимодействию и синтезу различных этнокультурных интенций и влияний. Казахская литература, адаптируясь к новой социокультурной реальности, укрепляет свои контакты с литературами стран Запада и Востока, некоторые определённые аспекты которых и их основные тенденции представлены на страницах предлагаемой вашему вниманию, уважаемый читатель, коллективной монографии.

Редколлегия

Ербол Тунгышулы Усенбаев¹ **МИФОЛОГИЧЕСКОЕ И** **ТРАДИЦИОННОЕ ИСКУССТВО**

В развитии любой национальной культуры закономерно формирование аналитического мышления, так как современная культура отражает влияние времени и образцы многовекового наследия казахского народа. В настоящее время трудно предполагать, какие формы музыкальной культуры войдут

составной частью в казахскую музыку будущего, тем не менее, можно с уверенностью утверждать о значительной роли в них древних традиций, которые являются духовными ценностями, прошедшими испытание временем.

О хронологических рамках музыкального искусства свидетельствуют археологические материалы, согласно которым музыкальная культура имеет древние истоки на территории Центральной Азии и Казахстана в частности. На земле Казахстана 20-25 веков назад были найдены петроглифы с изображениями музыкальных инструментов и танцующих людей. Были обнаружены рисунки музыкальных инструментов, широко распространённых в I в. до н.э. в древнем Хорезме, Согдиане, Бактрии и Парфии. Судя по этим данным, бытующие в настоящее время в Центральной Азии и Казахстане многочисленные музыкальные инструменты туркмен, киргизов, узбеков, казахов и т.д. возникли задолго до их образования как отдельных этносов. «Среди археологических находок (настенные росписи, письма, терракота) особо обращает на себя внимание изображение бытовавшего две тысячи лет назад щипкового двухструнного инструмента. Археологические двухструнные инструменты очень похожи на казахскую домбру и киргизский комуз» (1, 89), – пишет В. Виноградов. По мнению некоторых музыковедов, струнные инструменты возникли в Центральной Азии и распространились по всей земле. Возможно, казахский кобыз является «прародителем» современных виолончели, скрипки и альты» (1, 89).

Расцвет музыкальной культуры Центральной Азии обозначается средневековым периодом. В то время наряду с исполнительским искусством были написаны высокоразвитые музыкально-теоретические научные трактаты среднеазиатских учёных. В эту эпоху жили и творили музыкальные теоретики аль-Фараби (870-950 гг.), Ибн Сина (умер в 980 г.), Сафизд-Дин (1414-1452) и др. На основе греческой философии они исследовали музыку, исходя из математических основ. «Музыку составляют цифровые соотношения разных звуков и интервалов» (2, 327-382), – писал аль-Фараби в своём трактате о музыке.

В целом, если рассматривать казахскую музыкальную культуру в качестве составной части музыкальной культуры Центральной Азии, необходимо учитывать кочевой образ жизни её населения, так как племена, которые жили до казахов, также вели кочевой образ жизни. Всё это обосновывает необходимость исследования казахской музыки с учётом анализа социально-исторических признаков нomaдизма и особого внимания эстетическим признакам и закономерностям развития искусства.

В контексте особого социально-исторического значения мусических видов искусства (музыка и поэзия) в общей культуре казахов закономерно его стремление к упорядочению общественного функционирования в подвижном укладе с передвижением на многие километры. Образовавшиеся в быту кочевого народа родовые, племенные и другие объединения в качестве основного условия придерживались организационности и целевой направленности. На протяжении веков в казахском обществе сформировались известные ритуалы и обычаи. Эстетические ценности музыкально-поэтического искусства явились средством преемственности между поколениями. В отношении категорий времени и пространства тюрки выдвинули четырёхугольную горизонтальную модель мира. В связи с движением солнца, она определялась понятиями «Куншыгыс – Кунбатыс» (восход-запад), «Кунгей – Теріскей». Подтверждением существования этой модели является широко распространенная фраза в творчестве жырау «Сегіз кыыр шартарап». Их создание, видимо, было связано со стремлением к обозначению категории времени.

Кочевники неотрывно следили за движением солнца и держали свой путь по его направлению. В этом проявляется обусловленность счёта времени с движением солнца. Именно этот круговорот солнца и определил сущность передвижений кочевников и навсегда оторвал их от оседлых народов. Тюрки остались внутри этого круга, а остальные – за его пределами. Они считали себя выше Времени. Оседлые народы счёт времени начинали с себя, а кочевники считали себя стражами пространства. Вольно ощущая пространство,

они хотели выйти за пределы Времени. Это было отражение равенства Неба и Земли, а также основанная на круговороте солнца идея Вечности. Разумеется, это предположение соответствует ранней ступени истории человечества. Тем не менее, удивительно, что из истории кочевников проясняется его сохранность в неизменном виде до начала XX века. Следовательно, это не случайно. Это течение имеет сходные черты с особым миропониманием, а также проявляется в характерных чертах религиозных течений христианства, ислама, буддизма и зороастризма.

Другой стороной жизни древнего человека неизбежно были вооруженные столкновения в связи с охотой на зверей, которые нередко оканчивались сражением. Со временем придумали военные танцы, которые ассоциировались с военными действиями, предпринятыми в защиту рода-племени и земли. В целом, древние люди зачастую фрагменты своей повседневной жизни воплощали преимущественно через танцы. Так в связи с поверьями появились поклонение духам, жертвоприношение, шаманизм и другие виды «игровых» танцев.

Мифология, возникающая в связи с повседневной жизнью, самосознанием, ритуально-песенной музыкой, была отражением национального мировоззрения и кочевого уклада жизни. Понятия в казахском мировоззрении, связанные с мифологией, имеют древнее происхождение и возникли в связи с скотоводческим и земледельческим образом жизни. Их непосредственное отношение к жизни общества проявлялось в определении сезонов года и предсказания погоды. Особое место в истории духовной культуры каждого народа, его педагогического и эстетического воспитания занимали народные мифы как наиболее древний вид мировоззрения. Традиционное национальное содержание мифологических понятий сохранилось прежде всего в фольклоре. Начиная с древних мифов до эпических сказаний, от ритуальных песен до современных повествований понятия народа о времени и пространстве прошли множество различных этапов. Историю художественного мышления можно проследить

неотрывно от истории сложения понятий о времени и пространстве.

Мифологию необходимо рассматривать не только в качестве явления, развивавшегося в рамках одного или нескольких родственных народов, возникает необходимость его исследования прежде всего в качестве ареального явления. Тождество культур разных народов исходит от его региона существования, географической среды. Близость народных мифов обширных евразийских степей не вызывает сомнений. На этой огромной территории на протяжении тысячелетий жили принадлежавшие разным языковым группам народы и племена, смешивались, порой растворяясь в другом этносе. В конце XIX века Г.Н. Потанин выразил несогласие со сложившимся в то время в фольклоре мнением о том, что фольклор мог кочевать от одного народа к другому: «Распространение мотивов (тем, сюжетов), возможно, происходило не от одного народа к другому (устно или письменно), причину этого, возможно, нужно искать в территориальном расположении племён. Об их направлениях можно лишь предположить следующее – преобладало направление не от запада к востоку, а от востока к западу» (3, 314-335). Необходимо учитывать также и динамику общественно-исторических процессов, например, степень перехода к оседлому образу жизни привела не только к изменению земледельческо-культурной жизни, но и к трансформации мировоззрения, что отразилось в культуре.

Пути развития этих областей были разными. Лишь некоторые его виды сохранились вплоть до XX века, заложили основы казахского классического инструментального стиля и повлияли на формирование его эстетических особенностей. По исследованиям известного этнографа, учёного Болат Сарибаева, в функционировании и развитии древней военно-охотничьей музыки применялись различные инструменты (4). Их использовали в эпоху казахских ханов в качестве одного из методов в военной подготовке. Со временем распад казахских ханств привёл к исчезновению военно-охотничьих обрядов, вслед за которыми перестала применяться

функционировавшая в повседневном быту инструментальная музыка. Сохранившаяся малейшая часть инструментального наследия того времени – кобызовые кюйи «Камбар батыр», «Кертолгау» или домбровский кюй Курмангазы «Балбырауын», в которых восходящая интонация «си-до-ре» свидетельствует о характеристике военно-охотничьей музыки того времени.

Представим исчезновение человечества на земле, затем появление археологов и их раскопки, которые для них словно библиотеки. Для них наши письмена абсолютно непонятны, но они хотят их разгадать. Для этого, возможно, они будут разгадывать их сверху вниз. После этих открытий большая часть книг останется непрочитанной (неразгаданной). Они окажутся оркестровыми партитурами. Пришедшие с другой планеты захотят читать нотные строчки привычно снизу вверх, но они заметят расположение нотных групп длительностей и некоторых фраз. В этом случае, возможно, они поймут, что мелодические фразы нужно рассматривать не в их последовательности, а в целом. В таком случае они откроют понятие гармоничности. Так как чтение оркестровой партитуры значимо лишь тогда, когда оно производится не только по диахронической оси (страница за страницей, слева направо), но и вместе с тем по другой оси синхронно, сверху вниз. Другими словами, вертикально нанизанные ноты демонстрируют единство и общность содержания.

В истории человечества формирование нomaдизма явилось большим прогрессивным шагом, потому что ряд его положительных и приемлемых условий явился благодатной почвой для пограничных народов земледельческой и городской культуры.

В традиционном тюркском мировоззрении «борьба против смерти» в виде борьбы против времени символизировало «возвращение к первоначальному пребыванию в рае», оно проявлялось и передавалось категориями символического мышления. В Исламе «борьба против смерти» выражалась в стремлении обогнать время с надеждой на будущее. Таким

образом, «бегство от смерти», «борьба против смерти», «принятие смерти с покорностью», «ожидание смерти» являются психологическими абстрактными понятиями. В тенгрианстве «страх смерти» упорядочивался верховным институтом. Шаманы передали опыт «умирания-оживания». Следовательно, не только шаманы познали умирание. Познавание смерти означает преодоление страха. А в исламе каждый человек посредством веры имеет способность упорядочивания чувства «страха смерти».

Древние мифы-легенды рассматривают в качестве важного признака бытия первобытного человека, посредством символического (ритуального) значения которых человек познаёт и понимает окружающий мир и время. «Мифология, – пишет А. Касымжаннов, – представляет собой первую единую форму мышления, свойственного первобытному человеку. Здесь присутствуют элементы поэзии и науки, религии и морали, а также рационального сознания» (5, 301).

Миф является составной частью бытия первобытного человека. Миф – это не выдуманная фантазия, не научная гипотеза, не символический знак, не религиозное поверье. Миф – это история (время) культурной личности, мастерски владеющей словом. Если говорить о мифическом времени, необходимо учитывать его формирование в тесной связи с бесписьменной культурой. Основанная на мифических понятиях, предсказаниях и гипотезах устная культура реализовывалась через фантазию отдельного человека. Общество, основанное на коллективном опыте и ритуальном обряде, обусловлено наличием развитой культурой предсказания, а это природная способность в наблюдении за небесными светилами, усиливаясь, способствует расцвету в связи с этим теоретического познания. Мифическое познание выступает средством познания времени и пространства. Во времена отсутствия письменности миф выполнял функцию письменной информации и выступал посредником между человеком и Вселенной. Впоследствии после ниспосылания Богом священных книг (Завет, Куран, Библия) мифическое мировоззрение заменилось религиозным и философским. Но он не

исчез, и поныне он проявляется в качестве дополнительного сознания и архаической памяти.

Жибек Бимагамбетова **К ВОПРОСУ О ЖАНРЕ ЛИТЕРАТУРЫ** **ПУТЕШЕСТВИЙ В КАЗАХСКОЙ** **ЛИТЕРАТУРЕ**

Большое место в истории национальных литератур занимает литература путешествий как одна из древних культурных традиций, как особая форма человеческого познания. Особое место в литературе путешествий занимают дорожные дневники, путевые очерки. Истоки литературы «путешествий» во всемирной истории жанровых традиций теряются в глубинах древнейших литератур и продолжают активно существовать в литературе современной.

На протяжении всего времени при «эпохальных» сменах различных направлений и стилей отношение к «путешествию» как к литературному жанру претерпевало существенные изменения. Литература путешествий имеет многовековые традиции в литературном процессе Востока и Запада. В восточной литературе путешествий путевой очерк назывался «сафар-наме», а в европейской – «вояжной литературой». Это понятие как литературный жанр включает в себя: «1) описание путешественником (очевидцем) географического, этнографического и социального облика увиденных им стран, земель, народов и т.д.; мемуары или дневники путешественников; 2) художественный, преимущественно эпический, жанр, сюжет и композиция которого восходят к построению и способам изложения документального путешествия» [1].

На формирование художественного жанра путешествий влияли как путевые записи, дневники, рассказы самих путешественников, так называемые документальные путешествия, так и легенды, возникшие по мотивам этих рассказов. Многие произведения «сафар-наме» и «вояжной литературы»

сохраняют до сих пор как познавательную, так и эстетическую ценность. Жанр литературы путешествий почти во всех литературах в своём развитии переживал взлёты и падения, вбирал в себя элементы «географических описаний» авторов-путешественников, пилигримов, странников-дервишей, миссионеров, участников крестовых походов, купцов, дипломатических послов и т.д.

Очерк рассматривался в истории журналистики, в истории литературы, но это отдельные упоминания об очерках писателей. Истоки казахской литературы путешествий уходят в седую древность и это связано с кочевым укладом жизни, эстетикой кочевника, а также с широкими политическими и экономическими связями как с Востоком, так и Западом. Казахская степь всегда являлась связующим мостом в стремлении народов познать друг друга, что исходило не только из экономических, но и культурных интересов. Открытость казахской культуры, наличие в ней в устной форме почти всех эпических форм мышления и помогло дальнейшему становлению и быстрому расцвету романских и других прозаических форм.

До нас дошли дастаны «Атымтай хикаясы» (переложение одного из сюжетов «Тысячи и одной ночи»), «Абдулхарис» (об Авинценне), «Бос-Джигит» (о любви), «Хикаят дастан Хатымтай» (о смелом джигите) и многие другие, которые передавались в устно-поэтической форме. Это были внутренние сюжеты, широко бытовавшие за пределами казахской степи, и, в свою очередь, у соседних тюркских народов получил бытование казахский героический эпос и лиро-эпос. В то время были очень популярными варианты дастанов, схожие по содержанию и тематике: «Сейфульмалик», «Тахир-Зухра», «Мунлык-Зарлык», «Ирангаип шах Габбас», «Жусуп-Залиха», «Бос-Джигит». Они передавались благодаря путешественникам, сказителям, жирши, которые, обогащённые видением новых стран, приносили в родную степь интересные материалы о жизни других стран и народов. Казахский народ всегда был открыт к познанию нового, неизведанного, что широко отразилось на исторической роли фольклора и устно-поэтических произведений.

Наряду с особенностями объёмного художественного восприятия мира, что было характерно для героического эпоса, лироэпоса, у казахов издревле сформировалась тяга к познанию других стран и других культур. Особое значение Казахстана в мировой цивилизации отмечал академик Н.И. Конрад, подчёркивая, что эта земля «...ещё в древнейшие времена была местом скрещения путей к важнейшим источникам человеческой цивилизации» [2].

Образ странника в казахской литературе ассоциируется с такими мифологическими и историческими персонажами, как Коркыт-ата, Асан Кайгы. Они являются представителями древней казахской культуры. Коркыт-ата – сказитель, музыкант и полководец. Образом этого странника навеяны произведения «Китаби дэдэм Коркут», «Книги праотца Коркута», которые переведены на иностранные языки и хранятся в библиотеках Дрездена и Византии. Асан-кайгы известен своей поэтической легендой «Жер-Уюк», где показывает путь к счастью народа, мечтает о земле «обетованной» и олицетворяет «...народные идеи творческой жажды познания и действенного правдоискательства» [3].

История этого жанра в истории других литератур, географически связанных с Казахстаном, занимает огромный пласт, начиная с путевых записок китайских путешественников Сосма Цяо (2 в. до н.э.), Сюань Цзянь (6 в. до н.э.), Аристия из Проконнеса (7 в. до н.э.), арабских – Сафарнаме Тамим ибн Бахр (IX), Саллам от-Тарджуман (IX), Ибн Фадлан (X), Абу Дулаф (X), Махмуд ал-Кашкари (XI), Н. Хосрова (1046-52), путевых заметок о Семиречье и Золотой Орде Рубрука (1215-1293), описаний Казахсты и Золотой Орды в дневниках И. Баттуты (1304-77). Мухаммед ибн-Батута, уроженец Марокко, крупнейший арабский путешественник XVI в., побывал в течение 30-летнего странствования почти во всех странах, где было распространено мусульманство (в том числе посетил Туркестан). В Марокко он издал серию книг для детей «Детская историческая серия», «Путешествия Ибн-Баттуты».

Известный учёный-фольклорист С.А. Каскабасов в монографии «Казахская несказочная проза» определяет функциональность жанров несказочной прозы казахов, отмечая, что они длительный период «выполняли познавательную, информативную, точнее практическую функцию и имели установку на достоверность» [4].

Мотив пути, дороги, движения органически свойственен кочевой цивилизации. Великий Шёлковый путь, по сути своей, олицетворял движение мысли, идей, научного знания, достижений искусства и литературы, обогащения языков. Роль Великого Шёлкового пути в укреплении международных контактов была очень важна. «И в период древнетюркского каганата, и в последующие века народ, живший на территории Казахстана, создавал свою культуру и впитывал сокровищницу мировой культуры, которая проникала в казахские земли разными путями, и в первую очередь благодаря Великому Шёлковому пути. Особенно интенсивно происходил этот процесс в эпоху зрелого средневековья, когда образовалось Караханидское государство и феодализация охватила все сферы жизни тогдашнего общества, принявшего ислам и мусульманскую цивилизацию... Усиливаются торговые и культурные связи со всем мусульманским Востоком, Индией, Византией и Китаем, развивается наука и происходит скрещивание античной, иранской, индийской, арабской и местной, тюркской, культур» [5].

В культуре кочевников идея путешествия получила дополнительный смысл как средство получения образования; об этом свидетельствуют жизнь и творчество средневековых мыслителей Баласагуни, Ибн Сины, аль-Бируни, аль-Фараби и др. Средневековые путешествия наряду с точными географическими сведениями содержали факты, почерпнутые из религиозных книг и легенд. Многочисленные жанры литературы путешествий в странах Востока сочетали в себе познавательные и художественные достоинства (Чжан Цянь, Сулейман, аль-Бируни, Масуди, Идриси, Ибн аль-Варди, Ибн Баттуты, Ибн Маджида и др.). В 1046-52 годах Насир Хосров совершил путешествие в Египет, которое блестяще

описал в широко известной и переведённой на европейские языки «Книге путешествий» («Сафар-наме»). Учёные по поводу жанра путешествий в восточной литературе отмечают следующее: «Если книга хождений среднеазиатского Возрождения носила географический, этнографический, научный характер, была больше путешествием в пространстве, изредка приобретая мемуарно-биографические черты, то в дальнейшем своём развитии она приобретает всё более социально-философские, психологические, романтические черты, сохраняя очерковость, реалистическую достоверность, склонность к разного рода вставным эпизодам или отступлениям, бессюжетность повествования и другие жанровые признаки сафар-наме» [6].

Дореволюционная пресса широко представлена и изучена У.Х. Субханбердиной в «Эдеби мура» (1970), «Дала уэлаятын газеті» (1990), «Казак алаш сарыарка» (1993), «Айкап» (1995). Благодаря творчеству А. Байтурсынова, Э. Букейханова, М. Дулатова, Ж. Аймауытова, М. Жумабаева, Ш. Кудайбердиева, Г. Карашева и К. Жубанова, расширились горизонты видения и восприятия казахами истории и культур других народов. Их литературные и общественные связи с выдающимися деятелями русской, татарской, узбекской, башкирской культур нашли отражение в многочисленных публикациях на страницах казахской дореволюционной прессы (произведения «Для молодежи», «Калым» М. Дулатова, «Красавица Камар» А. Байтурсынова, «Чокан Валиханов», «Абай», «Трудный путь – тяжёлый переход» С. Сейфуллина и многие другие).

Широко распространённый жанр литературного «чувствительного», «сентиментального» путешествия в 20-30-е годы XIX века уступает место путевому очерку, который, по праву, занимает главенствующее место в литературе путешествий. Путешествия могли носить игровой и пародийный характер, могли совершаться в «страну воображения». Литературное путешествие наполнено разного рода размышлениями, отвлечёнными суждениями о смысле бытия, природы и т.д. Каждый конкретный автор избирает свою форму письма, и каждый трактует его по-своему.

Внутри жанра путешествий вычленяется жанр путевого очерка, который занимает особое место. Путевой очерк на протяжении всей истории своего развития в контексте мировой литературы претерпел своеобразную эволюцию и является в современной литературе одним из мобильных жанров. Он имеет строгую композицию, подчинённую законам авторского повествования. Роль автора в нём особенно важна, так как это тот цементирующий образ, который сводит воедино разнообразный художественный материал. Путевой очерк включает в свою структуру исторические сведения, археологические данные, описания памятников, достопримечательностей, пейзажные зарисовки, диалоги, лирические отступления и т.д. Но главное – это впечатления от увиденного, зарисовки характеров персонажей. Отсюда путевой очерк становится жанром художественной литературы.

В этом плане интересны путевые очерки таких писателей и казахских литературоведов, как Б. Майлина «Жолдан», «Алыптарды аралаганда», И. Жансугурова «Жол аузында», «Шокпардын шоктыгында», «Торт жолдын торабы», С. Ерубаева «Омір келбетінде», «Курес түйісінде», М. Ауэзова «Каргалы совхозында откізген торт кун», С. Муканова «Алтын дала», Г. Мустафина «Алыптын кереметтері», С. Шарипова «Олкейек жагасында», «Рузи Иран», «Тайшым Орысулы», Г. Мусрепова «Макталы онір», К. Тунгышпаева «Кайраты», Ш. Кусаинова «Донбасс-Караганды», С. Ерубаева «Курестін түйісінде» и многие другие [7]. Несомненно, очерки 20-30-х годов несли большую познавательную ценность, они посвящались передовым людям и перспективам экономического развития. В военных очерках 40-х годов М. Габдуллина «Тулеген Тохтаров», С. Муканова «Маншук», Г. Мусрепова «Нуркен Абдиров», Г. Мустафина «Жаппархан», С. Сеитова «Крылатая девушка» прославляется подвиг казахских героев в годы Великой Отечественной войны.

В новом ключе стали ставиться и освещаться вопросы истории взаимодействия народов со своими ближними и дальними соседями с 50-х годов. В том периоде создано

значительное количество произведений литературы путешествий, чему способствовала историко-культурная концепция, положенная в основу произведений классиков казахской литературы: «Моя Индия», «Америка эсерлері» М. Ауэзова, «Адам ата шоқысында», «Халыктын Германияда», «Шаги великана» С. Муканова, «Кездесулер», «Достык сапары» Г. Мусрепова, «Дни в Америке» казахстанского писателя И. Шухова, «Париж» Х. Есенжанова, «Поездка на Кубу» Б. Момышулы, «Поезка в Египет» М. Каратаева, «Италия эсерлері» С. Кирабаева, «Ежелгі елдің жігіт шағы», «Молодость древней страны» Ж. Молдагалиева, «Мынау турган Монголия», «Пятьдесят миль по суше и воде» А. Алимжанова, «На дальних берегах» А. Шарипова, «Индийская повесть» В. Ахтанова. Эти произведения способствовали новому открытию Востока и Запада и демонстрировали познание истоков древних цивилизаций.

На данном этапе развития в современном литературоведении литература путешествий изучается, и правомерность такого подхода была отмечена ещё в известном труде «Эдебиет теориясынын негіздері»: «Будан туатын байлау: біз эдебиет теориясынын мәселелерін толгаганда коркемдігіне, сурет жайын да, тілдің, создін толып жаткан сыр – сипатын да талай байыптаймыз. Дау жок, орынды колданынган эпитет, тенеу, метафора дегендерге де талай тушынамыз...» [8]. По поводу очерка академик Кабдолов высказывает такую точку зрения: «Онын устіне очеркте беллетристиканын да, публицистиканын да сипаттары бар. Мунда да ол аралык нәрсе! Очеркті, тіпті, тегі жагынан алып карасак та эрі эдеби жанр, эрі газет жанры екенін ангарар едік» [8].

Эта же особенность стиля литературы путешествий исследована казахским учёным К. Жумалиевым в его труде «Стиль – онер ерекшелігі»: «...Америка, Англия, Франция тэрізді улы мемлекеттерді камтыган жана дагдарыстар басталды. <...> Осындай жагдайларда саясат комекшісі – эдебиеттін бой корсетуі, казіргі омір ағымы калай бара жатыр, оны соз образдары аркылы журтшылыкка тусіндіру, дурыс багыт сілтеуі – негізгі міндеттерінін бірінен саналмак» [9].

Выход литературы путешествий за рамки очерка отмечают исследователи Т.С. Амандосов, Т. Кожакеев, Т. Идрисов и Х. Бекхожин. К примеру, развитие путевого очерка во второй половине XX века, его многообразие и своеобразие отмечено Т. Идрисовым: «Елуінші жылдарга дейін Сабыр Шариповтын осы шагырмасынан баска бізде шетел такырыбынан жол-сапар очеркі болмап еді, қазіргі уақытта мұндай очерктер әдебиетімізде едәуір» [7]. Таким образом, Т. Идрисов рассматривает путевой очерк как составную часть художественной литературы.

В современном литературоведении также обосновывается необходимость изучения очерков, так как в них прослеживается «открытие писателем целого нового мира, чему соответствует и форма записок-очерков. Однако в художественной речи, характерной для этой открытой эпической формы, доминирует объединяющая интонация и духовный склад рассказчика-автора...» [10].

В XIX в. интересовались Казахстаном следующие путешественники: Ян Потоцкий, Адольф Янушкевич, Томас Уитлем Аткинсон, Джон Кэстль, Джордж Кеннон, Джон Вуд и многие другие, оставившие о своих путешествиях произведения, которые глубоко изучены видным учёным Ш.К. Сатпаевой в её книгах «Казахская литература и Восток» (1982), «Казахско-европейские связи», «Казахстан в оценке зарубежной критики», «Межнациональные связи казахской литературы» (1970). Ян Потоцкий совершил длительное путешествие на Восток, в частности, в Бокеевскую Орду (1797), что нашло отражение в его книге «Путешествие в Астраханские степи и на Кавказ». Адольф Янушкевич – польский ссыльный, автор дневников, путевых этнографических записей, поэм, рисунков и других документальных свидетельств, которые получили известность, будучи опубликованными на французском языке в период его эмиграции во Францию (1830-1831 г.). О казахском народе писали Джордж Кеннан, автор книги «Сибирь и ссылка» (1864). Джон Вуд, английский военный, путешественник, автор путевых очерков о Памире, об озере Зеркуль (Сарикуль, 1872). Борнс

Александр (1831-1838) путешествовал по Индии и Каспийскому морю, свои путевые очерки опубликовал в 1847 г. Томас Уитлем Аткинсон впервые путешествовал по казахским степям в XVI веке, высоко ценил духовность казахов, их тягу к поэзии, к родословным и красоту степей. Английский художник – путешественник Джон Кэстль в своём сборнике «Материалы русской истории», который состоял из дневниковых записок (1984), отобразил политические и экономические аспекты жизни казахов младшего жуза, а также духовные связи с народами Средней Азии.

В.Г. Белинский высказывал сожаление в статье «Физиология Петербурга» (1845) по поводу того, что в России «совсем нет беллетристических произведений, которые бы в форме путешествий, поездок, очерков, рассказов, описаний знакомили с различными частями беспредельной и разнообразной России, которая заключает в себе столько климатов, столько народов и племён, столько вер и обычаев...» [11]. Выделение литературного путешествия в качестве самостоятельного жанра наблюдается уже в 1808 году в «Кратком руководстве к российской словесности» Ивана Борна [12]. В 1827 году в «Рецензии на Малороссийскую деревню. Сочинение Ивана Кулжинского» наряду с путешествием «учёным» выделяется путевой очерк. Литературное путешествие оформляется как самостоятельный жанр [13]. Интересное определение путешествию дает Н.Г. Чернышевский в отзыве на «Письма об Испании» В.П. Боткина: «Путешествие – это отчасти роман, отчасти сборник анекдотов, отчасти история, отчасти политика, отчасти естествоведение. Каждому читателю даёт оно всё, что только хочет найти он» [14].

В истории словесности жанр путевого очерка до определённого времени не был предметом пристального научного изучения литературоведов и учёных других областей знания. На наш взгляд, это объясняется тем, что жанр путевого очерка появился в русской литературе довольно поздно: постоянство жанра отмечается, начиная с «Путешествия за три моря» купца Афанасия Никитина, «Писем русского путешественника» Н.М. Карамзина, представляющих своеобразный

дневник, в котором фиксировались настроения «сентиментального путешественника». Эти произведения, на наш взгляд, повлияли на дальнейшее развитие анализируемого жанра в русской литературе.

Литература путешествий на протяжении XIX века состояла из путешествий «чувствительных», «романтических», «живописных», «археологических», «фантастических». Затем появились и приобрели необычайную популярность «путевые романы» и «романы в письмах». На страницах газет, журналов, альманахов и других периодических изданий уверенно заявляет о себе рубрика прибывших и уехавших из города. Литературе путешествий долго пришлось доказывать свою состоятельность. Поучителен пример с «Письмами русского путешественника» Н.М. Карамзина, которые первоначально воспринимались как рядовая и личная переписка писателя с семейством Плещеевых. Фактически, именно Н.М. Карамзин явился родоначальником жанра путешествий в России. «Письма...» – полнокровное литературное произведение, живущее по законам художественного текста, а не просто литературная обработка путевого журнала.

Появляются интересные работы российских учёных о модели мира скифской культуры, о традиционном мировоззрении тюрков, затрагивающие в той или иной степени проблему пути и движения, времени и пространства [15]. В статье А.В. Матвеева «Традиционная культура путешествия. Общие вопросы» [16] даётся определение традиционной культуры путешествия, выявляются его связи с категорией мифологического пространства, указываются основные подходы к изучению традиционной культуры путешествия. «Мотивы различных путешествий (путь – дорога, жизненный путь, путешествие в иной мир, путешествие в свадебной, праздничной календарной обрядности) отличаются друг от друга конкретной целью и содержанием действия. Однако все они объединены одним мотивом – мотивом движения через границы и сферы (зоны, локусы) мифопоэтического пространства, который задаёт определённый стереотип

магического (совокупности утилитарного и символического) поведения путешествующих людей» [16].

В. Гуминский в монографии «Открытия мира, или путешествия и странники» приходит к выводу, что как в российской, так и в зарубежной науке «наиболее распространено понимание “путешествия” как литературного, повествовательного приёма, удобной мотивировки для связывания воедино разнообразной словесной мозаики» [6]. Французские исследователи «сделали путешествия темой изучения и исследований...» [17].

Занимаясь разработкой актуальных проблем «национальных образов мира», Г. Гачев затрагивает проблему духовного путешествия, формулируя её как определённый «способ путешествовать – умом и воображением: он (писатель – Ж.Б.) погружается на несколько лет в изучение той или иной страны ...» [18]. Любое путешествие – это постоянная смена впечатлений, калейдоскоп фактов, новые образы, мотивы. Очень важен маршрут путешественника, от выбора которого зависит многое. Все впечатления, воспоминания, описания выстраиваются вокруг маршрута путешественника, выполняющего роль сюжета. Обязательно должно соблюдаться жанровое требование новизны в путевых очерках: новизны информации, впечатлений, фактов, сведений. Путешественник должен обладать таким качеством как умение видеть мир не предвзято, умением удивляться, которое впоследствии разделит и читатель. Этот жанр в основе своей имеет документальную и художественную природу.

В современном литературоведении бытует мнение о том, что изучаемая собирательная литературная форма может включать в себя, на правах целого, «элементы различных жанровых образований, не делая разграничений между видами, традиционно разделяемыми на “высокие” и “низкие”, на “научные” и “художественные” (и роман, и повесть, и анекдот, и трактат, и статья), что не означает, однако, её подчинения чужой жанровой логике, как художественной (не роман, не повесть и т.п.), так и научной (не трактат, не статья)» [6].

В казахском литературоведении исследованием литературы путешествий в том или ином аспекте занимались учёные и писатели М.О. Ауэзов, Е. Исмаилов, Б. Кенжибаев, И.Т. Дюсенбаев, Ш.К. Сатпаева, К.Ш. Кереева-Канафиева, А.Ж. Дербисалин, Х. Суюншалиев, А. Дербисалиев, М.Х. Маданова и др. Ш.К. Сатпаева в своих научных монографиях не только прослеживала связь казахской литературы с западно-европейскими и восточными литературами, но и устанавливала истоки этого явления, зачастую связанные с литературой путешествий, освещала неисследованные ранее страницы. [11]

В условиях суверенности путевой очерк продолжает существовать как наполненный, динамичный жанр. Однако вышеуказанные авторы не дают полную литературоведческую характеристику этого жанра в казахской культуре, поскольку в казахском литературоведении, несмотря на обращения к этой теме Е. Исмаилова, К. Жумалиева, З. Ахметова, С. Кирабаева, отдельного монографического исследования данной проблемы не существует. Мы исследуем генезис, развитие путевого очерка и его современное состояние, а также художественное своеобразие, связанное с национальной эстетикой казахов.

Таким образом, идея свободы как ведущая и основополагающая определяла и детерминировала развитие путешествий как литературного жанра. Отсюда проистекало понимание путешествия как литературной формы, обладающей максимумом возможностей для ничем не ограниченного выбора предметов изображения и столь же свободного, по воле автора, перехода от одного такого предмета к другому, вне зависимости от места, которое тот занимает в любой условной иерархической системе: будь то система литературная или социальная. Идея жанровой свободы пронизывает все уровни художественной структуры «путешествия» и закрепляется в его конструктивной основе как принцип свободного, бессюжетного повествования. С другой стороны, она подспудно разрушает «замкнутость» путешествия как автономного художественного текста, «стремится вывести произведение за пределы литературного ряда как такового» [6].

Гулжахан Орда¹
ТОЛЕГЕН АЙБЕРГЕНОВ²
(1937-1967)

Толеген Айбергенов родился 3 марта 1937 года в местности Кегейли Кобыратского района Каракалпакстана. Начав своё образование сначала в семилетней школе имени Чкалова, он с восьмого класса учится в средней школе имени Максима Горького и воспитывается там же в детском доме. В 1954-1959 г.г. учится в факультете казахского языка и литературы педагогического института имени Низами в Ташкенте. После окончания института в 1959-1962 г.г. работает учителем Кобыратской средней школы, а в 1962-1965 г.г. исполняет обязанности директора вечерней молодежной школы Сарыагашского района нынешней Южно-Казахстанской области. С 1965 года, работая в бюро пропаганды литературы при Союзе писателей Казахстана, окончательно стал заниматься творчеством. Создав за свою короткую жизнь великолепные произведения, он обогатил казахскую поэзию в плане содержания и жанра. Его поэзия отличается мелодичной тональностью, новой интонацией. Пережив такие же жизненные перипетии, как и его современники Мукагали Макатаев, Жумекен Наджимеденов, он всё же нашёл свою собственную нишу в поэзии. Он писал не о неизлечимых ранах прошедшей войны, а с воодушевлением воспевал сегодняшние мирные дни.

Поэт Толеген обогатил казахскую поэзию сборниками стихотворений «Дорога к мечте» (1963), «Путешествие в жизнь» (1965), «Башни на песке» (1968), «Я был влюблён в тебя» (1970), «Наказ» (1975), «Дорога к мечте», «Избранные произведения» (1976), «Намечается у меня одно торжество» (1989) и т.д. Произведения, вышедшие из-под пера отличившегося своим дебютным сборником «Дорога к мечте» поэта, оригинальны по своему строению слов. Песня «Моя Республика», написанная по дороге в Алматы для публикации сборника стихотворений «Дорога к мечте», стала своеобразным вступлением в этот сборник. Живший вдали от Родины молодой поэт, следующими строками стихотворения

обратил к себе внимание общества поэтов во главе с А. Тажибаевым и С. Бегалиным:

*Этот край – волшебная страна,
Откуда казах к звездам летал.
Вот друзья, здравомыслие партий,
С которой возродился Казахстан!*

Поэт, воспитывавшийся на поэзии туркменского классика Махтумкули, каракалпакских поэтов Бердак и Ажняз, смог поучиться и у узбекских, и у казахских акынов. Любовь к родному краю, народу в его поэзии берёт своё начало с родного аула Кегейли. В своём стихотворении «С Кегейлинской тетради» он в стиле толгау из поэзии жырау оригинально описывает таинства земли своих предков: «На взгорьях твоих свои девичьи годы, Мать провела в весельях, Кегейли... В ложбине твоей бабушка, набирая воду, Оставила свои серьги, Кегейли...». Поэт, родившийся в Каракалпакстане, получивший высшее образование в Узбекистане, живший в Казахстане, смог стать родным сыном трёх народов. Он с гордостью пишет: «Стал я гвардейцем сегодня, Трёх сросшихся планет». Поэтому многие стихотворения поэта посвящены Каракалпакской земле и её народу. Выразив свои чувства в стихотворении «Песни о Каракалпакии» словами: «Разве можно тебя забыть? Забыть – значит не любить» поэт ни на миг не забывал родную землю. Он посвятил Каракалпакии такие стихотворения, как «На берегу Амударьи», «Родному народу», «Песни об Амударье», «Конырат», «Родному краю», «Родная земля», «Мой аул» и другие.

То, что заветной мечтой Толегена было жить на родине предков в Казахстане, ясно заметно в его поэзии. Поэтому в его поэзии доминирует тоска по Родине. Написавший в «Аруана – родственная душа»:

*Аруана (верблюдица), попав в плен врага,
убивает своего верблюжонка, разжевав*

*Чтобы траурное лицо её не видели враги,
не оборачиваясь, уходит,
Плача от горя, не останавливаясь,
бежит она до самого дома,
Даже если неделями и месяцами безжалостная
пустыня убивает жаждой,
Пока не найдет свой кол, не остановится она
ни за что, если даже умрёт.
Поэтому ты так дорога мне своим чистым
сердцем, аруана – родственная душа,
Что проживёшь ты свою жизнь,
тоскуя по своей Родине.*

– поэт как и аруана, не находил покоя, пока не поставил якорь на своей Родине. Он и достиг своей мечты. Приехав в Казахстан, служил казахскому народу. Живя в Казахстане, посвятил родной земле такие стихотворения, как «Моя республика», «Из туркестанской записи», «Каратау», «Карашык», «Карсакты», «Аруана – родственная душа», «Весна в Казахстане», «Земля предков». Поэт посвятил городу своей мечты Алматы стихотворения «Алатау», «Мой Алматы», «Алатау, повернись ко мне лицом». В стихотворении «Мороз» он пишет:

*Нагоняя чёрные тучи над головой,
Ты можешь мне испортить настроение.
Но сердце моё, любящее Алматы,
Ты никак не можешь остудить.*

В первом стихотворении «Алматы» пишет:

*Ты – столица моего вдохновения,
Ты – начало моего таланта,
Ты – молодой город моей надежды,
Ты – столица моей мечты.*

Поэт, объезжая все уголки Казахстана, воспевал достижения каждого населённого пункта. В стихотворениях на

мангистауские темы «Задушевная беседа», «Шевченко – столица нефти», «Башни», «Эхо в груди», «Кюи», «Река Жаик», «Ак ерке Ак Жаик», описывая жизнь нефтяников Западного Казахстана, прославляет их подвиг в борьбе за освоение чёрного золота из недр такими строками: «В Мангистау пришёл двадцатый век, Устанавливая на башнях прожектора, Чтобы не погасли они, Учёные мужи проводят бессонные ночи, Косы из берёз распускает Жаик, Жаик, ты краса земная!». Безусловно, «Стихи о Мангистау», «Стихи об Арале» – это пламенные стихотворения, рождённые в результате огромной любви к Родине. Если, приехав в Туркестан, он сочиняет стихотворения о куполах мавзолея Ходжи Ахмета Яссауи, то в другой раз посвящает свои стихи труженикам Семея и хлопководам вдоль реки Сырдарья. Таким образом, любовь поэта к Родине вылилась из Кегейли в Алматы, из Алматы в Казахстан, из Казахстана в Советский Союз.

Толеген, как и другие поэты, вдохновенно воспевал любовь детей к матерям. В своём стихотворении «Матери» он передаёт свою печаль в связи со смертью матери таким образом:

*Ушла из жизни мать моя – апостол трёх детей моих,
Цветущий сад для сердец трёх малышей.
Отцовский дом слагал песни о том,
Что из под моих ног ушла земля...*

Воспевание важных этапов жизни человека – это древнейшая традиция в казахской поэзии. Можно сказать, что почти нет таких поэтов, которые бы не слагали песни о таком важном возрасте мужчин, как 25 лет. Толеген отдал свою дань этому важному возрасту такими песнями, как «Двадцать пять», «Двадцать пять – станков...», «Все добрые люди за тебя», «Двадцать пять, если бы ты стал горой» и т.д. Поэт, сравнивая двадцатипятилетний возраст то с горой, то с вершиной и глубиной, то с небом и землёй, то с совестью и честностью, заключает: «Двадцать пять лет – это крутящееся веретено станков. Топот лошадей, скачущих в байге».

Одна из тем, занимающих приоритетное место в поэзии поэта – природная лирика. В 1958 году, впервые опубликовав, будучи ещё студентом, своё стихотворение «Пейзаж» в газете «Казак адебиети», поэт и в последующие годы ни на миг не забывал красоту природы своего родного края. Ещё в начале пути сумев описать с художественной образностью природу словами: «Щедро изливая свой золотой свет, Солнце улыбается, шевеля бровями», поэт словно оживляет окружающий мир. Поэт, оживляя явления природы, то ведёт с ними задушевный разговор, то не скрывает своё восхищение чудесами природы. Например, в своём стихотворении «Утренняя песня»:

*Нежный ветерок ласкает душу и тело,
Бледнея, начинается утро, рассвет забрезжил.
На солнечных лучах искупавшись,
Зелёный луг переливается цветами,*

Или:

*Густой камыш шумит со смехом, обгоняя друг друга,
Падая вниз, обратно расправляется.
Родничок распевает звонким голоском,
Падая ниц его волны, беседуют с ветерком.*

– благодаря мастерству поэта, перед глазами всплывает картина оживления неодушевлённой среды. В своих стихотворениях «Солнце – барышня, упавшая с горизонта», «Луна на небе напоминает висющую лампу», «Твоим мечтам не будет конца...», «Сижу, укутавшись ночной темнотой», «Путешествие в садик», «Кивая головой своей на вершине горы», «Что за красота такая», «В горной дороге» и других поэт через новые рифмы создал новые образы. Такие рифмы, как: «Барышня-Солнце, упавшая с горизонта», «Луна на небе – как висящая лампа», «Простирается степь больная гриппом, На усах деревьев замёрз ледяной иней», «Юбку застенчивого молодого деревца, Ветер задирает играясь и

шутя», «Ветер вое, играя на кобызе», «Искусная зима сделала озеро похожим на учёного мужа, Надев на его глаза очки...» являются новыми рифмами, которые поэт внёс в казахскую поэзию.

Он был глашатаем своей эпохи, воспевая советское время, в котором жил сам. Это можно увидеть в его поэме «Монолог космонавта» и в таких произведениях, как «Великий Ленин», «Песни о вожде», «Песни о партии».

Через свою басню «Осёл и сорока» поэт призывает своих современников призадуматься. Он образно охарактеризовал добро и зло, честность и алчность, добродушие и злодейство. Большим достижением поэта является его умение довести до людей через басни и хорошие, и плохие свойства человека.

Лирический герой поэта словно создан для тоски. В каком бы ни было его стихотворении преобладает чувство тоски. Тоска по родному краю и родной земле, тоска по родным, тоска по друзьям – лейтмотив всей поэзии поэта. Его тоска по Казахстану в бытность его проживания в Каракалпакстане затем перешла в тоску по родной земле, где он родился. Наверное, из-за большой любви к родной земле, поэт последние дни своей жизни провёл в каракалпакской земле и предан был земле на родине. Вершиной лирических стихотворений поэта, выражающего свою тоску словами: «Бусы из истосковавшихся глаз, Бисером разлетелись на постели», является его стихотворение «Тоска», посвящённое Мухтару Шаханову:

*Хоть мы и говорим, что нужно быть строгим и
жестоким, когда надо,
Ты взвешивай величие человека через его
чувство тоски.
Будь ты вороньим скакуном, без этого никак
не сможешь сравниться ни с кем,
Не истосковавшись до предела, не начинай
свой путь куда-то.
Поедешь без огромной тоски – даже море не
будет волноваться как твоя молодость,*

*Набрёдешь в сад без чувства тоски –
не сможешь услышать голос соловья.
Пойдешь в горы без тоски по ним –
не встретят они тебя с величием.
И ты можешь подумать, что мир
заполнили камни...*

В лирической поэме «Монолог космонавта» пробует свои достижения в малой лирике для сочинения эпического произведения. Главы под названиями «Перед полётом», «Взлёт», «На синеве», «Вдали», «Возвращение», написанные в форме диалога космонавта, образуют целостность поэмы. Из монолога пилота, взлетевшего на Луну, можно увидеть его патристическое чувство к родной земле. Все происходящие на земле катаклизмы и трагедии волнуют нежное сердце поэта. Поэтому он воспекает землю-матушку таким образом:

*Я – Земля, полна мечтою разною,
Я – Земля, тысячу раз погасшая и вспыхнувшая.

Я – Земля, пальцы из мёда, а в печени – кровь,
Из груди льётся печаль
Падал и вставал много раз
Из-за всевозможных ураганов эпохи...*

Лирический герой прокликает тех, кто нарушает покой людей, словами: «Сколько раз я просыпался с ужасом, Когда Земля изнывала от боли», «Безвинные славные жизни в кандалах, Даже сейчас они у меня перед глазами», «Много раз мы отпугивали птицу счастья, Родственные сердца, держа взаперти», «Всё, что я собирал по крапинке, С жадностью забирал многовековой кровопийца». Он не прощает то, что злодейства и беды, сделанные руками человечества, принесли столько горя земле. Поэтому взлетевший на Луну и обратно вернувшийся на Землю лирический герой делает такой вывод: «Чтобы сохранить покой человечества, Я нарушаю спокойствие космоса!». По словам супруги Урнисы,

поэт, знавший все произведения наизусть, незадолго до смерти сочинил поэму, состоящую из 174 строк, и эта поэма не сохранилась в письменном виде. Поэт, восклицавший: «Ты думаешь, эта поэма появилась только сейчас. Нет, я её долго вынашивал!» ждал, когда выйдут эти сборники и, похоже, что он свои стихотворения, которые должны войти в следующий сборник, говорил по памяти. Это, конечно, печально.

Песни, написанные на его стихи «Акерке Жаик», «Возродившийся Мангистау», «Казахстан», «Я думал о тебе», «Думай обо мне», «Белые берёзы», «У меня намечается одно торжество» и т.д., народ поёт с удовольствием. Одно из классических произведений поэта Толегена, «ставшего при жизни знаменитым поэтом», – это песня «У меня намечается одно торжество». У поэта, как он сказал сам:

*Безусловно, у меня намечается грандиозное торжество,
Но не могу пока назвать дату, однако... однако...
Никого не отпущу, пока не станцуют...
Вот таким образом я встряхиваю с себя пыль,
Вот таким вот образом я смеюсь от души.
Столько ночей желал я наступления этого дня,
Может это торжество не кончится никогда.*

– торжество стало вечным. Казахи, любители поэзии, эту песню поют как гимн торжеств, и без него не проходит ни одного торжества. У поэта, пришедшего в казахскую поэзию в созидательном духе, свои оригинальные поэтические параметры. Поэт мастерски слагает лирику, гармонирующую со своей мелодичностью, начиная с двух, кончая с 3, 6, 8, 13, 18, 15, 17 слогами. В его стихах, построенных в гармоничных интонациях, не встретите ни одной лишней строчки. Его стихи с начала до конца и с конца до начала можно прочитать на одном дыхании. Это, видимо, связано с тем, что поэт сначала сам читает стихи наизусть, и умеет построить стихи на интонации, на мелодию. Толеген Айбергенов – поэт-новатор, внёсший в

казахскую поэзию новое содержание, новую форму, новую тональность, новое дыхание.

Айнур Машакова
АЛИ АББАС ЧИНАР – ТУРЕЦКИЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬ КАЗАХСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

В настоящее время, когда Казахстан обретает всё больше известности в мировом сообществе в качестве независимого государства, казахская культура и литература также стали привлекать больше внимания в мире, активизировались контакты казахской литературы с зарубежными литературами.

Основной особенностью современного периода развития казахской литературы является появление в дальнем зарубежье научных исследований, издаваемых в виде монографий. Так, в 2006 году в Турции турецкий учёный Али Аббас Чинар подготовил и выпустил в свет монографию «Исследование казахской культуры и литературы».

Характерно, что среди восточных стран Турция занимает, пожалуй, самую активную позицию в отношении популяризации казахской литературы в своей стране. Турецкие деятели литературы не только приезжают в Казахстан для участия в международных конференциях, но проводят в Турции литературные дни и вечера, посвящённые казахским писателям и поэтам. Казахские писатели, поэты принимают участие в этих культурных мероприятиях, проводимых в Турции. В 2006 году в турецком городе Елазыг с успехом прошли Дни Магжана Жумабаева с участием представителей Союза писателей Казахстана Ш. Елеукенова и Е. Раушанова. В 2008 году на международный симпозиум в городе Ризе, посвящённый 1000-летию Махмуда Кашгари, были приглашены ученые Ш. Елеукенов и С. Корабай. Кроме того, осуществляется перевод произведений казахских авторов на турецкий язык.

Разумеется, активные литературные контакты между двумя странами объясняются, прежде всего, многовековой

историко-культурной общностью, а также тем, что и на современном этапе у Турции и Казахстана много общего. Например, схожесть выбранного пути государственного развития, предполагающего стремление к цивилизации, прогрессу. Оба государства открыты для восприятия ионациональных культур, и при этом сохраняют свою национальную культуру. Закономерно, что Турция была первой страной в мире, которая признала независимость Казахстана. Важную роль во взаимоотношениях двух родственных народов играют культурные и литературные контакты. В Турции постоянно растет интерес к культуре и литературе близкого по духу и этническим корням казахского народа.

На примере вышеуказанной монографии, мы видим, что в Турции проводятся серьезные исследования в области казахской литературы. Причём, Али Аббас Чинар является автором многочисленных научных статей и ряда книг по творчеству классиков казахской литературы, которые публикуются с 1993 года в Турции и Казахстане. В настоящее время Али Аббас Чинар является доцентом кафедры современной тюркской литературы факультета естественных наук и литературы университета турецкого города Мугла.

Обращение Али Аббаса Чинара к казахскому фольклору и казахской литературе, одному из важнейших источников тюркской культурной сокровищницы, обусловлено тем, что они недостаточно известны в Турции. В то же время исследователь отдаёт себе отчёт в том, что ознакомить читателей Турции с уникальной культурой Казахстана в полном объёме – это обширная задача коллективных усилий учёных, и его скромный труд в виде статей и монографии – всего лишь «песчинка в океане». Он имел возможность посетить Казахстан десять раз в период с 1992 по 2002 годы, в течение которых занимался серьёзной исследовательской деятельностью и принимал участие в конференциях. Али Аббас Чинар в своей монографии «Исследование казахской культуры и литературы» подчеркнул, что навсегда сохранил в своём сердце гостеприимство жителей Казахстана, которое он обнаруживал повсюду, путешествуя по казахским степям.

Отдельные главы монографии посвящены казахскому фольклору, казахской культуре и литературе в лице её лучших представителей Абая Кунанбаева, Мухтара Ауэзова, Жамбыла Жабаева.

Рассматривая творчество Абая, он называет его личностью вселенского масштаба, знакомя с его биографией, основное внимание Али Аббас Чинар уделяет анализу своеобразия его поэтического мира и творчества. Характерная особенность стиля турецкого учёного – предварение обзора творческого пути казахских писателей и поэтов их краткими биографическими данными, что было обусловлено необходимостью общей презентации личности для турецкого читателя, до сих пор мало знакомого с казахской литературой. Али Аббас Чинар подчёркивает вклад восточных поэтов, русской культуры и европейской лирики в формирование поэтического гения Абая. Темами поэтического творчества Абая являются истина, справедливость и равенство, красота и духовные поиски, природа, образ жизни народа, казахская история и язык, его традиции. Абай любит свой народ, но осуждает его разьединённость и критикует его пороки. В своих поэтических и прозаических произведениях Абай при каждой возможности призывал свой народ к воссоединению, знаниям, действию. Вот как пишет об этом турецкий учёный: «Все эти растерявшиеся аристократы, обманывающие народ муллы, безбожники, не придающие значения науке и техническому прогрессу, получили свою долю безжалостной критики. Абай, который при необходимости не стеснялся критиковать свой собственный народ, выступает в роли учителя, преподающего урок, проводника, указывающего дорогу, наставляющего мудреца, аксакала, преподносящего суть истины» [1, с.159].

Выделяя два периода в творчестве Абая, первый из них Али Аббас Чинар называет периодом ученичества (до 1881 года), второй – период наибольшего развития поэтического мастерства, понимания значимости самой сути языка: «Для Абая язык – средство сближения людей, упрочения дружеских связей. Очарование языка расслабляет тело, заставляет

биться сердце сильнее, и даже дикие кони становятся послушными. Язык становится острым как нож, а иногда и спицей, выделяющей причудливые узоры. Для тех, кто знает цену языку, он – настоящая жемчужина» [1, с.159]. Особо подчёркнуто, что цену языку знает только мыслящая личность.

Анализ поэтического и прозаического творчества Абая подкреплён цитатами из его произведений. В этом проявляется обстоятельность и доказательность турецкого автора монографии.

Внимательно сопоставляя фольклорный образ коня, обладающего сверхъестественными качествами, Абай, по мнению Али Аббаса Чинара, создаёт его реалистический образ: «Конь у Абая с мягкой гривой, дугообразной шеей, прямым носом, отвисающими губами, длинными зубами, орлиной грудью, твёрдыми круглыми копытами, ровными ногами, пышным хвостом и т.д. Этот конь осторожен, быстр, подвижен, имеет хороший норов» [1, с.165]. Подобные описания, как пишет Али Аббас Чинар, встречаются и в турецкой культуре.

Что касается пейзажной лирики, то Абай демонстрирует понимание природы как живой и изменяющейся материи. В этом мастерстве казахского поэта Али Аббас Чинар видит параллели с творчеством турецкого поэта Ахмеда Хашима, который так же реалистически рисует картины природы, охоты и т.д. И у турецкого, и у казахского поэтов охота изображена как сложное искусство, для которого необходим чуткий и сильный конь, удобная одежда и настоящий друг.

Культурный и творческий потенциал каждой страны представлен, в первую очередь, деятелями литературы и культуры. На протяжении трёх лет: с 1995 по 1997 годы Казахстан чествовал своих великих деятелей литературы – Абая, Жамбыла и Мухтара Ауэзова. По глубокому убеждению Али Аббаса Чинара, этих деятелей культуры и литературы должны знать все тюркские республики.

Ученик акына Суюнбая, одного из ярких представителей народной поэтической традиции, Жамбыл пережил периоды

ханской власти, русского царизма и становления советской власти, развивая своё творчество в каждом из этих периодов соответственно его условиям и времени. Исходя из автобиографических сведений великого казахского поэта Жамбыла Жабаева, автор статьи «Народный поэт Жамбыл Жабаев и его творчество» Али Аббас Чинар приходит к закономерному выводу: Жамбыла «привлекает исполнение народных песен, это приносит ему счастье и радость. Отдельную силу даёт ему сильный и звучный голос. Любовь к домбरे равносильна понятию любви в целом» [1, с.148]. В шестнадцать лет появляются стихотворения самого Жамбыла. Импровизаторский дар Жамбыла позволяет ему вступать в поэтические поединки с киргизскими акынами. Пережив две мировые войны, Жамбыл был необычайно популярной личностью. Али Аббас Чинар приводит высказывание таджикского поэта Гасема Лахуди, который обращался к казахскому акыну из Памирской долины.

Сильнейшей частью творчества Жамбыла было продолжение и развитие эпических традиций и традиций айтыса. М. Ауэзов в своих научно-литературоведческих работах выявлял общие темы и мотивы творчества Абая и Жамбыла: тема критики, надежды и т.д. Али Аббас Чинар, соглашаясь с высказываниями казахского учёного и писателя относительно тематического содержания, останавливается подробнее на авторской манере поэтов-сказителей и разграничивает стиль Марабая, Биржана, Акана, Жаяу, Муссы, Шоже, Кулмамбета и Жамбыла, считая, что Жамбыл – «сказитель эпоса и исполнитель айтыса» [1, с.152], основным элементом которого является способность к самовыражению. Его стиль и творческая личность постоянно эволюционировали. Он никогда не был побеждённым и создал целую школу своих последователей в Южном Казахстане.

В первом периоде творчества Жамбыла преобладают темы любви, природы, красоты, героизма. Во втором периоде они дополняются темами труда, образами передовиков производства, партии, армии, дружбы народов, научного прогресса.

Казахские исследователи справедливо считают Жамбыла, прожившего целый век, – Гомером нашей эпохи. Впервые об этом сказал М. Ауэзов. И это сравнение Али Аббас Чинар считает неслучайным, так как Жамбыл отражает казахские традиции, историю, обычаи и успешно повествует о них в эпическом духе.

Исследователь казахской литературы из Турции систематизирует причины особого почитания Жамбыла советским правительством, разделяя точки зрения М.О. Ауэзова и Г. Мусрепова. Первая причина заключалась в том, что Жамбыл – это сильнейшая творческая личность. Вторая – создание Жамбылом произведений, воспринимавшихся руководством положительно. Третья – его популярность среди народа и желание советского руководства сохранить его авторитет. Учёный из Турции высказывает восхищение силой творческой личности Жамбыла и желает такого же внимания со стороны своего государства народным поэтам Турции.

Воссоздавая биографию классика казахской и мировой литературы М.О. Ауэзова, турецкий учёный передает все основные этапы биографии писателя, начиная с детства и юности: в 1908 году окончил русскую начальную школу, через год поступил в пятилетнюю школу г. Семипалатинска, в 1915 году поступил в учительскую семинарию, которую окончил в 1919 г. Подчеркивает роль университетских лет, проведённых в Ленинграде и Ташкенте, в формировании его мировоззрения. Проследивает весь жизненный и творческий путь, особо отмечая вклад М.О. Ауэзова – писателя, учёного, педагога и известного общественного деятеля – в культуру и литературу Казахстана. Далее он выделяет деятельность Ауэзова как критика, переводчика, публициста.

Достоверно и объективно выявляет Али Аббас Чинар основные составляющие таланта казахского прозаика: известный писатель, учёный и фольклорист, который обогатил казахскую литературу новыми материалами и в своих произведениях отразил особенности многовековой истории и

культуры казахского народа. Важен следующий аспект: он нашёл путь к сердцам читателей.

Исследователь из Турции отмечает недостаток сведений о молодости писателя, о студенческой жизни в Ленинграде и Ташкенте. Али Аббас Чинар пытается максимально познакомить тюркоязычных читателей не только с биографическими данными о казахском прозаике, но и с тем, как сохраняют память о нём на родине. Он пишет о музее М.О. Ауэзова, о фильмах и театральных постановках по его пьесам. Указывает, что Казахский академический театр драмы и Институт литературы и искусства носят имя М.О. Ауэзова. Изучением творческого наследия Абая и М.О. Ауэзова занимаются учёные-литературоведы, успешно развиваются такие области казахского литературоведения как абаеведение и ауэзоведение.

Али Аббас Чинар делит творческий путь Мухтара Ауэзова на два периода: первый (с момента начала издания его произведений до 30-х годов XX века) и второй (с 1930-х годов до конца жизни), правомерно подчёркивая, что оба периода различны по тематике произведений, стилю и языку: «В начальной стадии своего творчества писатель придаёт большое значение дореволюционной жизни казахов, их чувствам и мировоззрению. В произведениях, относящихся ко второму периоду, освещаются вопросы коллективизации, исследуется влияние общественности на формирование новых политических взглядов» [1, с.173].

В своих рассуждениях о творчестве М.О. Ауэзова Али Аббас Чинар обнаруживает хорошее знание специфики позиций писателя по многим сложнейшим вопросам: «Он никогда не отдавал пера в распоряжение партии, всегда ценил знания, труд, закон и истину» [1, с.173].

Главный герой прозы М.О. Ауэзова – это Абай. По мнению Али Аббас Чинара, для Ауэзова творческим, созидательным и воспитательным очагом была духовная сила Абая. Любовь и восхищение поэзией Абая послужили отправной точкой в исследовании его творчества. В шесть лет Мухтар, в окружении которого все знали стихи Абая наизусть и пели

его песни, впервые открыл для себя стихи Абая, переписанные от руки, в юрте своего деда. В школьные годы ему в руки попал сборник стихов Абая, изданный в 1909 году в Санкт-Петербурге.

Поэтично пишет Али Аббас Чинар о вершинном творении М.О. Ауэзова – романе-эпопее «Путь Абая»: «В творчестве Ауэзова, проникшегося восточной и западной культурой, знавшего все мельчайшие особенности казахской степи и жизни, мы видим широчайшие горизонты, подобные тем, где он родился. Он – литературный гигант, заново открывающий, захватывающий, предоставляющий все эти знания на пользование человечеству. Роман “Путь Абая”, охарактеризованный энциклопедией казахской культуры, стал обращением не только к узкой среде, но и к широким горизонтам, самовыражением казахской культуры и казахов» [1, с. 183].

Название романа «Путь Абая», подчёркивает Али Аббас Чинар, не случайно. Абай – символ просвещения. И этот путь – свет, путь в будущее. И действительно, Абай посвятил всю свою жизнь единению казахского народа, его независимости. Али Аббас Чинар анализирует тематику, композицию, поэтику романа-эпопеи, образы его главных героев, конфликты, женские характеры и т.д.

Таким образом, в статьях и монографии Али Аббаса Чинара о творчестве Абая, Ж. Жабаева, М. Ауэзова обращает на себя внимание творческая перекличка с казахскими, российскими и западными исследователями в оценке их вклада в мировой литературный процесс и стремление самого автора сказать новое о классиках казахской литературы. Плодотворная научно-исследовательская работа турецкого фольклориста и литературоведа Али Аббаса Чинара по изучению жизненного и творческого пути наиболее выдающихся классиков казахской литературы свидетельствует о постоянно растущем интересе зарубежных читателей и учёных к знакомству и более глубокому освоению творчества отдельных казахских поэтов, писателей и всей истории казахской литературы в целом.

Литературный фестиваль в Коктебеле

Елена Мордовина¹
ВОСКОВЫЕ КУКЛЫ

1

К полудню подул ветер. Песчаная туча, поднявшаяся с площадки новостройки, накрыла двух мальчиков-велосипедистов. Они стояли, схватившись за воротники курток, и прятали головы в плечи.

– Ты до этого ездила автостопом? – Беза сидел под деревом и жевал травинку. Левой рукой он медленно сгребал в сторону смятые пивные пробки и пластиковые палочки для кофе.

– Да, с Джуди. Мы жили с ней в одной комнате, когда отец отправил меня в Англию. Путь от Йорка до Ливерпуля мы преодолевали с чувством, будто совершаем главное в своей жизни путешествие. Впрочем, прямо как сейчас.

– А колледж тот, что на футболке?

– Тот? Да, тот. Мне хотелось побывать в музее «Битлз», – с воодушевлением продолжала я свой рассказ, – а экскурсия в Ливерпуль в программу не входила. И Джуди уговорила меня отправиться на попутках, через Лидс. Мы долго планировали, пока, наконец, в один прекрасный день...

– Подожди, ты сначала о Йорке расскажи.

– Йорк, что Йорк? Узкие улочки, запруженные людьми, всюду башенки, шпили, кадила с незабудками у каждой двери, знаешь, как возле входа в Британское посольство. А пройдёшь два шага – витрина с огромными, в половину человеческого роста тушами гусей, индеек этих. Ужасные жёлтые туши... вечное рождество.

Я задумалась.

– А колледж? Как ты собираешься тысячу километров проехать, молча?

– Ну, там комната на двоих, сводчатые коридоры такие, студенческая столовая... своя радиостанция. Олдокс Хаксли, короче. В конце концов нас забрали с полицией недалеко от Лидса, в воскресенье утром. Джуди бы, конечно, не хватились... После этого она два дня дулась на меня, потому что

У тех, кто пишет ясно, есть читатели, а у тех, кто пишет тёмно, – комментаторы.

Альбер Камю

шум подняли именно из-за моего исчезновения. Как в обычном учебном заведении – вычитали мораль и зачем-то отпраздновали к студенческим докторам.

– И?

– Колледж у нас был строгого режима, как ты понимаешь. Беседу проводил доктор. С докторшей...

Беседу проводил доктор Мартин Эшли, небритый мужчина с кривой челюстью, пёсыми глазами и сморщенным, но по-докторски высоким лбом и добренькая жизнерадостная докторша Ольга Калисуер, ответственная за планирование семьи и астму.

– ...Набоков, короче.

– И всё? Олдокс Хаксли, короче, Набоков, короче, и всё? А о чём ты будешь говорить с водителем пять часов в дороге? Или восемь?

– Больше не хочется рассказывать.

Я закрыла глаза и начала вспоминать, как всё было.

2

Итак, ближайшим субботним утром мы отправились в путешествие. Мы зашли в кафе, которое было расположено у городской стены, выходящей по небольшим пригоркам. Сначала я не могла сообразить, зачем Джуди ведёт меня в этот угрюмый дом, стены которого были частично сложены из огромных камней, а частично – из красного кирпича. Сдвоенные полуциркульные окна таили в глубине зелёный свет.

Она завела меня во внутренний дворик. Резко очерченный квадрат дорожки ограничивал квадрат внутренний, центральный, который представлял собой клумбу голубых маков – удивительных растрёпанных маков с голубыми лепестками. Каменная арка, также отгороженная решёткой, оказалась входом в небольшое полуподвальное кафе. Окно, возле которого мы заняли столик, выходило на улицу, к освещённому солнцем ряду тисовых деревьев, от которых город, по словам Джуди, взял своё первое название, и к череде автомобилей, владельцы которых имели привычку здесь завтракать.

В этом и состояло объяснение той причины, по которой Джуди привела меня сюда: кафе «Девятый легион» служило местом, куда обычно заезжали перекусить торговые агенты, по делам вынужденные часто проезжать через Йорк. За несколько лет они успевали составить друг другу знакомство и, подсаживаясь за какой-нибудь столик, заводили бесконечные разговоры. Имея всё это в виду, студенты, решившие предпринять путешествие из Йорка, вместо того, чтобы выходить на трассу в нужном направлении, просто-напросто заходили в «Девятый легион» и, выпивая кофе, чашку за чашкой, выкуривая сигарету за сигаретой, ждали, наконец, интересного собеседника, следующего в нужном направлении, и уезжали с ним.

Откуда Джуди узнала, что молодой человек, оказавшийся с нами за одним столиком, водитель, и что он остановился здесь по пути куда-то, для меня до сих пор остаётся загадкой. Она прямо и достаточно резко, без всякого приветствия, спросила его:

– Вы, часом, не в Лидс направляетесь, молодой человек?

– В Лидс? – переспросил молодой человек, прервав свою трапезу (он завтракал жареными свиными пупками в бобовых стручках – чудное блюдо).

– Именно, – подтвердила Джуди наше намерение и, получив отрицательный ответ, заговорчески наклонилась к собеседнику, – не знаете, кто из них направляется в Лидс?

Нужно сказать, что мы могли отправиться в Ливерпуль и минуя Лидс, однако Джуди настояла на том, чтобы мы там всё-таки побывали, потому что там «пропасть сколько всего интересного», а главное, можно заехать в кампус к её знакомым студентам, тем, которые постарше, и они с радостью подарят нам пару бутылочек джина. Как оказалось позже, речь шла всего лишь о маленьких порционных бутылочках джина, однако, Джуди всё задуманное казалось такой же немислимой авантюрой, как и наше путешествие. Она мечтала уехать волонтером в Мозамбик, и потому считала, что ей крайне необходим опыт подобных путешествий, поэтому, будучи девушкой хрупкой и впечатлительной, проделывала это

сознательно и скрепя сердце. Точно так же, по её словам, как переносила и первое серьёзное любовное приключение. Такова уж природа англичанок.

Собеседник указал на почтенного старого господина, который потрошил цыплёнка, высоко обнажая отменные белые зубы.

– Этот господин возвращается в Лидс. Он живёт в Лидсе. Однако, – поторопился заметить он, осадив Джуди в её стремительном порыве, – не советую с ним ехать. Удивительный зануда. И от него всегда пахнет луковой подливкой. Он предпочитает луковую подливку ко всему, даже к пудингу.

Щепетильный молодой человек, не терпящий дурного лукового запаха, закончил, наконец, доедать свои свиные пупки и, потянувшись за чашкой с горячим чаем, как бы нехотя, растягивая слова, проговорил:

– А зачем, девушки, вам ехать в этот чёртов Лидс? В Лидс вы всегда успеете, тем более что лучше оказаться там ближе к вечеру, поверьте мне. Едем со мной!

– И куда же вы направляетесь, позвольте вас спросить? – заговорила Джуди с таким видом, что любое название, какое бы ни произнёс молодой водитель, вызвало бы самые нелестные её замечания. Ей казалось такой наглостью, что он зовёт их с собой и не ожидает отказа, будто направляется напрямик в рай.

– В Эдем, – ответил молодой человек и поперхнулся чаем, – в Эдемский лагерь. Везу туда восковую Веру Линн, в рефрижераторе. Видите ли, я работаю в лагере и часто мне приходится ездить в Ливерпуль, в мастерскую, где эти восковые фигуры изготавливают... А старая Вера Линн совсем истрепалась, и нос у неё будто ввалился, – он тяжело вздохнул и снова глотнул чай.

Не прошло и четверти часа, как мы ехали в Эдемский лагерь. Английские дороги не сравнить с русскими, поэтому описывать их скучно: всё кажется игрушечным и крохотным, как детская железная дорога. Достаточно перелистать иллюстрированный директориум придорожных гостиниц – и

всё уже понятно. Ни капли жизни не добавится к этим видам, окажись ты на дороге. Впрочем, это замечание вполне русского человека, которому гостиница кажется безжизненной до тех пор, пока он не увидит свинью, извалявшуюся в грязной луже у ворот и обтирающую бока о гостиничные стены.

Итак, проехав от Йорка восемнадцать миль в сторону, противоположную изначально выбранному нами направлению (а именно, по А 64, а после по А 169), мы свернули влево и подъехали к тем шести акрам земли, отгороженным от мира высоким сетчатым забором, которые зовутся на Йоркшине Эдемом.

Джуди читала вслух путеводитель: «Эдем представляет собой лагерь для военнопленных, в котором содержались немецкие и итальянские узники, по шестьдесят четыре человека в бараке...»

– Когда нас будет шестьдесят четыре... – попыталась состроить я, но, видно, неудачно, потому что Джуди молча осадил меня взглядом (ещё бы, посягнуть на святыню!) и продолжала: «Всего барачков тридцать два, из которых три – подростковые, значит...», – и Джуди, со свойственной всем англичанам страстью к порядку, взялась подсчитывать, сколько одновременно узников можно было содержать в Эдеме.

В скором времени мы сидели на площадке сторожевой вышки и обозревали окрестности в ожидании нашего водителя, который отправился сопровождать вышеупомянутую Веру Линн в соответствующий барак. Внизу, на усыпанной опилками стоянке военной техники, маялись утомлённые солнцем школьники. Одни находили себе тень под крыльями самолётов, другие удобно устроились у ракетной установки. Казалось, вся эта рухлядь интересовала их только в качестве щита от солнца.

Бесконечные жёлтые поля, уходящие вдаль за горизонт, и гнусные крыши бессчётных барачков навевали мысль о ничёмности этой затеи. Становилось откровенно скучно, когда, наконец, из-за угла девятнадцатого барака показался наш лучезарный провожатый. Он ловко взобрался к нам наверх

и, опершись на огромный прожектор, принял восхитительную позу доброго сказочника. Он открыл было рот, собираясь сказать что-то торжественное.

— ...А впрочем, для начала покурим.

И мы закурили. Молодой человек услужливо предоставлял нам возможность ловить струи дыма, выдуваемые им через горящий конец самокрутки, осторожно помещённый в его рот. После он затягивался сам, после снова раздавал дым... В общем, всё как всегда.

Стараясь избегать взглядов встречных, мы медленно шли по дорожке между рядами бараков. Ветки робиний, как чёрные молнии, застыли в зелёной листве; казалось, молнии эти вспыхивали под моим взглядом, а свет стал ослепительно хрустальным, и от этого болели глаза. В каком-то бараке взвизгивала пила, и от этого становилось жутко неприятно, как будто прежде я не замечала её визга. Но больше ничего интересного не происходило, и мне нетрудно было заключить, что сие душеспасительное средство было средством не сильным и являлось не более чем баловством для подростков.

3

Мы прошли вдоль невысокого дощатого забора, отгораживающего пространство между первым и вторым бараками на манер левады на ипподромной конюшне. Высокие двери барака были открыты настежь, за ними, однако, находилась другая дверь, поменьше, из-под которой резал в полутьму «вестибюля» яркий жёлтый свет. Там, за дверью, звучал незнакомый мне регтайм, который, как оказалось после, повторялся через каждые три минуты. Было накурено и душно: казалось, запах дешёвого табака смешался с запахом перегара и мыла.

— Мы установили курительную машину в каждом экспозиционном зале, — пояснил Эрик (а именно так звали нашего экскурсовода), и многозначительно подмигнул Джуди, — чтобы запахи помогали воссоздать атмосферу прошлого.

— Голос его стал очень мягким, и звучал как будто откуда-то из-за моего затылка, и я постепенно перестала различать его среди других звуков, как иногда перестаёшь различать журчание воды.

На двери висела медная табличка, как будто это была чья-то квартира. И действительно, открыв дверь и переступив порог, я увидела девочку с двумя густыми чёрными косами. Девочка стояла у жестяной ванны, завернутая в полотенце, и, казалось, мёрзла. В ванне белела вода, и похоже было, что девочка только-только из неё вышла.

От ощущения пронзительной натуральности этой сцены меня охватил жуткий страх. И в то же время (я хотела поздороваться с этой девочкой) я не могла даже поздороваться с ней, настолько была вне представившейся мне реальности. Я оказалась именно той персептивной сущностью, присутствие которой сама всегда воспринимала враждебно. Как странно иногда бывает ощущать себя живым мертвецом среди разыгрывающихся событий.

Регтайм прозвучал уже несколько раз, пока я оглядывала комнату, совершенно при этом позабыв о своих спутниках, которые куда-то исчезли.

Кроме девочки в комнате находился её отец, внимательно прислушивавшийся к звукам радиоприёмника — большого коричневого ящика, помещавшегося на зелёной скатерти стола. Зелёной тканью были покрыты также подлокотники кресел и обиты панели стен, над которыми, за пыльными стёклами, мерцали подслеповатые акварели. Отец девочки одет был весьма опрятно, его коричневый жилет был несколько потёрт, однако, потертость эта выдавала в нём скорее человека трудолюбивого и бережливого, чем бедного. Козырек серой кепки, оттеняя лоб и глаза, придавал его лицу ещё более настороженное выражение:

— Успокой его! Кажется, они собираются сообщить что-то важное...

Женщина, к которой обращался отец, сидела у стола за швейной машинкой, чуть ссутулив спину и тоже обратив всё внимание своё к коричневому ящику. На столе возле

женщины стояла карбидная лампа, но свет исходил не от неё, а от светильника, вмонтированного в стену.

– И на ночь не забудь дать ему укропной воды.

– Я пыталась дать ему уголь... – ответила ему женщина осипшим голосом.

– Уголь не помогает! И успокой его сейчас же!

Тут только я заметила, что в дальнем углу, за корзиной с бельём, стояла детская кроватка, и в ней лежал младенец. Рот младенца был чёрный от угля. Как только я заметила его, младенец закричал. Женщина, сидевшая у стола, не шевелилась, только казалось, что сильнее укуталась в свою вязаную кофту и наклонилась к радиоприёмнику.

Отпустило на время. Ничего удивительного в этом нет, стала думать я. Именно такая история произошла когда-то с Конрадом Лоренцем. А может, он просто сошёл с ума, ночуя в витебских болотах в сорок четвёртом?

Впрочем, мне хотелось понять, что же всё-таки случилось. Ясно, что фигуры не говорили – оставим эту мистику раз навсегда. Увидев определённый расклад, я включила в голове диалог, когда-то записанный там при аналогичном раскладе. Но почему я не помню, откуда он взялся? И почему диалог не происходил просто у меня в голове? Почему создавалось полное впечатление того, что разговаривали они? Или я всё-таки наделяла их этим диалогом, и он всё-таки происходил между ними?

В комнате воцарилось молчание, и только какой-то неясный гул проникал сюда снаружи. Откуда мне пришло в голову, что сейчас должны объявить войну? Наверное, краем глаза я заметила надпись на медной табличке, что сейчас 1939 год, и что в этом бараке представлена сцена объявления войны. Но я даже не отважусь воспроизвести то смятение, которое охватило меня тогда при этой догадке. Потому и замолчали восковые куклы. Всё моё сознательное существо протестовало против следующей секунды. Время остановилось. Войну так и не объявили. Куклы так и останутся в счастливом неведении, и бесконечно будет повторяться тот невразумительный диалог, как регтайм,

который повторился, казалось, двадцать раз, пока я была там.

Я встряхнулась от оцепенения. И всё-таки что-то ещё продолжало беспокоить меня: ощущение того, что из-за двери кто-то наблюдает за мной. Резко повернувшись, я ударила в дверь плечом и почти вывалилась обратно в коридор. Никого не было. Только яркий дневной свет из открытых ворот барака заставил меня зажмуриться.

Он наблюдал за мной из угла коридора – восковое чучело, брошенное туда вместе с другой рухлядью, он всё-таки был и человеком. Обросшее жёсткой щетиной лицо контрастировало с живым заинтересованным взглядом голубых глаз. Он по-доброму улыбался, офицер лет сорока, и будто хотел сказать что-то нежное и одновременно грубое. Борта его шинели были отвёрнуты, воротник поднят, а подбородок утопал в горловине вязаного свитера. На шинели были жёлтые буквы, обозначающие статус военнопленного.

– Вот так, детка! – сказал он мне.

– Вторая волна накрыла, – подумала я.

Вполне уже осознавая, что воображаю все эти слова, я отвернулась от чучела и вышла из барака. Чего-то не доставало этому офицеру. А, да бог с ним!

Немного погодя я отрезвела вовсе и в поисках своих товарищей зашла наобум в один из барakov.

Внутри барака оказалась улица цвета спитого чая, усыпанная крошками кирпича. Как будто этот барак вывернули наизнанку. По тротуару, прижимаясь к стене, шла дама в пальто из плотной ткани и мягкой шляпке с опущенными волнистыми полями. Она отчаянно озиралась, и невозможно было понять, куда устремлен её взгляд – к окну в частом переплёте, отгороженному от улицы верёвкой с застиранным серым бельём или к просмоленной металлической бочке, верх которой был накрыт решёткой. На решётке стоял чайник, большой и пузатый, как купол Тадж-Махала, и две большие кастрюли. Рука дамы, обтянутая кожаной перчаткой, судорожно сжимала набалдашник нелепой трости, и ничем более дама не выказывала своего беспокойства.

Я тихо проскользнула мимо неё, стараясь быть незамеченной, и перешла на чётную сторону улицы, туда, где у высокого цоколя здания сидел скорчившийся подросток, абсолютно лишённый признаков пола. В полутьме его сложно было разглядеть, да я и не пыталась – меня влекло дальше по улице, на которой становилось всё темнее и темнее. Появилось гадкое ощущение, что я – персонаж какой-то компьютерной игры и мной кто-то играет. Снова появилась эта перцептивная сущность. Как у Босха. «Семь смертных грехов». CAVE, CAVE, DEUS VIVIT.

Улица была бесконечной и приводила меня в различные удивительные места. Я не представляла, как выбраться из всего этого на свет божий. Штаб. Стрекотание пишущих машинок и залитая светом голубая карта на столе с тенью от макета самолёта. Выйдя из штаба, я попала в нутро субмарины, оттуда – в бомбоубежище, заваленное плотно набитыми мешками, в шахту, в барак и в мюзик-холл – всё это слилось для меня в единый непроходимый лабиринт. Привалившись к стене у левой кухни, я слушала, как восковой английский офицер беседует с дамой в шёлковой косынке, которая вот уже, как мне кажется, целую вечность наливает ему чай. Из-под откидного козырька вагончика слышится её мерное бормотание.

«Гитлер не станет посылать предупреждения. Так что всегда носите с собой газовую маску. Гитлер не станет посылать предупреждения...»

Я даже не заметила, в который раз читаю надпись на этом плакате, когда кто-то взял меня за плечо.

– Не можешь выбраться, детка?

Его пальцы пахли табаком и мазутом. Я даже не стала оглядываться, чтобы увидеть его восковую ухмылку и жёлтые буквы на шинели.

– Гитлер не станет посылать предупреждения!

Уткнувшись в землю взглядом, я сидела на скамье возле какого-то барака, всё, что я могла понять – то, что тень очень короткая, значит, время около полудня.

«Не по-детски курнули, – эта единственная мысль крутилась у меня в голове. – Нет, не по-детски курнули, Гитлер не станет... Нет, Гитлер не станет... Что-о-о вы!»

Сухая земля, мелкие ромашки, как на всяком пустыре, полуденное солнце... Мне показалось, что я снова в Казахстане. И снова детство. Мальчишки гонялись друг за другом, взбивая голыми ногами песчаные буруны и звонко кричали. Один, в грязно-пурпурной майке, растянулся прямо передо мной.

Джуди нашла меня на этой скамье и сказала, что они меня обыскали, что пора обедать, а после обеда Эрик посадит нас в экскурсионный автобус, возвращающийся со школьниками в Лидс.

В длинном шестнадцатом бараке располагалась столовая для заключённых, офицерская чайная (с отдельными кабинетами, как в ресторане) и синема-бар, где можно было обедать и смотреть фильмы. На стене висела старая афиша «Шанхайского экспресса», так что нам не пришлось долго раздумывать над тем, что будем смотреть.

Я ещё не совсем одуплилась, поэтому, когда подошёл Эрик в одежде военнопленного и сказал: «Вот так, детка!», я только робко спросила:

– Это был ты, Эрик?

– Нет, что-о-о вы! – и ласково похлопал меня по плечам.

Взгляд его выражал уважительное сочувствие, не лишённое, впрочем, определённой доли иронии.

– Ну что, не по-детски проколбасило? – спросил он в моём воображении.

– Бывает и хуже, – ответила я ему молча.

Официантка растирала голени и подзывающе выламывалась у стойки. В баре был ещё один посетитель – водитель экскурсионного автобуса. Этот пузанчик с отшлифованными ногтями сидел, уперев в подбородок газету, свернутую трубочкой, и ждал заказа. Одутловатые от пьянства щёки блестели в отсветах киноэкрана. Мы все трое взяли тушёный шпинат с телячьей печенью и ели молча. Каждый заново переживал свои впечатления и медленно приходил в себя.

Пузанчик изредка косился в нашу сторону. Видимо, он скучал. Теперь он грел в ладонях коньяк. Наконец, он встал

со своего насиженного места и подошёл к нам. Эрик поощрительно улыбнулся, и пузанчик присел рядом. Он махнул официантке, и та перенесла его обед на наш столик. Мы продолжали молчать.

– Очевидно, мое появление нарушило ход важной беседы, – осклабился он. Теперь на его щеке крутилась тень от катушки кинопроектора.

Не придавая значения его иронии, Эрик и Джуди вяло перекидывались фразами, делая вид, что продолжают беседу. Я почувствовала, что меня накрывает третья волна, и старалась ничем себя не выдать. Конечно, теперь мне казалось, что я присутствую при разговоре трёх восковых фигур. Рыжий шевитовый костюм пузанчика лоснился так же, как его щёки, особенно когда он ёрзал в каком-то нетерпении. Я почувствовала, что ёрзанье его направленно не к одной из нас, а целиком посвящено нашему смазливому Эрику.

– И этот тоже, – подумала я.

Он откликнулся на мою мысль, продолжая и дальше озвучивать поток моих мыслей.

– Нет, против женщин я ничего не имею. Женщин я, можно сказать, люблю, до определённой степени, конечно. Женщина – существо демоническое! Её можно загнать, как лису в поле... Или в норе... Или она тебя загоняет, – он засмеялся своей шутке. – Нет, у нас всё чётко и определённо...

Мне больше не хотелось слушать весь этот бред. Тем временем толстый за локоть отвёл Эрика в сторону и что-то шептал. До меня доносились только увёртки Эрика:

– Как мо-о-жно, вы, как истинный солдат вермахта, не должны...

Они здесь все сумасшедшие, эти восковые куклы. Просто восковые куклы! Просто колода карт! Надо сматываться из этого Эдема. В голове стучало. Меня отпускало окончательно.

День клонился к вечеру. Небо заволочло тучами, и школьники быстро попрыгали в автобус. Пошёл дождь. Через минуту двухэтажный автобус с жёлтым треугольником на борту уже мчал нас под мелким противным дождём в сторону Лид-

са. Второй этаж был открытый, устроенный как платформа с невысоким бортиком. И мы были там только вдвоём. Нам было безразлично всё. Как ватные манекены мы болтались, обнявшись, под мерзким дождём. И капли стучали по мокрым скамейкам. В Лидсе я ничего не помню. Вечером нас подбросили всего на несколько миль от города, до поворота, и мы остановились ночевать в B&B, а утром нас нашла полиция.

4

Я открыла глаза. Мальчики-велосипедисты давно уже исчезли за поворотом.

– Знаешь, с тех пор мне все кажутся просто восковыми куклами. И ты тоже. Просто озвучиваешь то, что уже существует в моей голове.

– Что? – Беза словно бы очнулся от оцепенения.

– Ну, как иголка, которая ползёт по виниловой пластинке. И всё.

– Понятно. Значит, так, – он сделал серьёзное лицо и пальцами протёр морщинки вокруг рта, – с драйверами я буду общаться, ты лучше ничего не говори. Ладно?

Беза улыбнулся, а я продолжала молчать. Ветер стих. Солнце выглянуло из-за туч и осветило асфальт.

– Эй, – тормозил он меня, – эй!

И улыбался мне из страны восковых кукол.

Андрей Поляков¹

* * *

ПИСЬМО

*...ни зрением тебя ни увидеть,
ни бессловесной музыкой потрогать,
где в золотых, как счастье, волнах
есть что-то христианское, пустое...*

Привет из Крыма! Я уже бессмертен.

Сейчас – не так, а по ночам почти

уверен в этом. Странные заботы
меня одолевают. Как-то всё
неправильно. Непрочно.

Сокрушаясь,
я вышел с папироской на балкон.
Над кровлями курортной Фиваиды
воинственные кralись облака,
готовые пленить нефелибата.
Безумный Понт витийствовал. И здесь
риторика! Преизбыток Понта.
Переизбыток писем на воде.
Тебя им не достигнуть: расстояние
обкрадывает даже сны...

Не спать,
но пить. С другой и за тебя. Так долго,
чтоб постарело сердце. Чтоб всерьёз
полакомить голодную Эрато
смятением, страхом, жалостью, виной,
как будто что-то кончилось...

Как будто
прощальный факел слишком начал.
Как будто плоть достойна певчей книги.
Как будто стыдно обронить слезу,
бежав из-под бульварного ареста
туда, где благородная листва
не трижды облетает в эту осень,
где, верю, город лучший и чужой,
где, если замерзаешь, дорогая, –
в парадных стой, где воздух воспалён,

чуть греет ключ – и светятся ступени.

EPISTULAE EX PONTO

Михаилу Сухотину

«Дорогой Поприщин, – пишет подруга, –
ненаглядный, милый, родной, любезный!

Здесь, в глубокой Ялте, под сенью Юга
левым боком выходит мне век железный.
И пылится тополь пирамидальный,
и грузин с улыбкою феодальной
проводит взглядом одну москвичку...
Ты ж, моя любовь, перешёл в привычку».

«Дорогая подруга, – пишет Поприщин, –
ненаглядная, в смысле – не глядя, что ли?
век железный в сумме магнитных истин
плюс кладёт на минус, как учат в школе,
столь, бля, гулко, столь, бля, пирамидально,
что вассал с улыбкою вертикальной
пусть брюнетит взглядом одну блондинку!
Ты ж, моя душа, перешла в картинку».

«Дорогой Покрышкин, – пишет Подруга, –
дорогой, уважаемый, милая, но неважно...
Как дитя здесь плачет скифская выюга,
а чекист чекисту твердит: – Не ваш, но
и не наш город Томис в устье Дуная,
жаль, воды зачерпнуть нагая Даная
не успела, ибо, совдеп ругая,
пала жертвой мossaда и самурая!»

«Догорая подруга, – Пашет панфёров, –
это ведь я написал календарь-шестикнижие Фастов,
этот недавний мой труд для тебя написанный, цезарь,
этим и многим другим твоё божество заклинаю,
это посланье моё писано болен я был
этой причина беды даже слишком известна повсюду
славой моим ли стихам иль твоей любви я обязан
парус на диво большой ставил и я иногда

ЭЛЕГИИ НА СЛУЧАЙ

*Прозрачная родина в ветре пустом –
о ней упомянем передним числом.*

I

Игорю Сиду

Прости мне, бабочка, наперсница души,
о, энтелехия, летающая всюду, –
тот, кто витийствовал в столь варварской глуши,
тот лёгок был, как ты, а я уже не буду.

Здесь, Капитолия и Форума вовне,
позвав капустницу Мариной или Светой,
карманы вывернув – ни звука о вине! –
стою, расстроенный, с потухшей сигаретой.

А крови красный гул волнует пиэрид,
сиреной кажется, что слух ночной смущает.
С акцентом греческим комар вокруг звенит,
и жить торопится, и тоже исчезает.

Не зря в собрании один еkkлeсиаст
– Всё суета, – сказал, – что рифмой не спасётся,
но за молчание никто вам не воздаст,
а слово бедное и так не отзовётся...

II

Михаилу Айзенбергу

В России ветрено, в Израиле – темно,
но, постепенно холодея,
прекрасно в нас влюблённое вино
провинциального морфея.

Ни денег выручить, ни жажды утолить...
Да ладно, говорю, не надо!
Слепую дудочку в колене преломить
я обещал тебе, Эллада.

И спьяну выполнил сей варварский обет –
ни слога более, ни звука.
Тяжеле бабочек и выше пирамид
А.П. Квятковского наука.

Зачем же слышится мне песенка одна,
когда из верного стакана
спешит амфибия домашнего вина
резвиться в сердце меломана?

В кошачьем дворике унылою порой
стакан за лавочкой припрячу...
Ни слова более. Эвтерпа, я не твой.
Прощай! Я ни о чём не плачу.

Ирина Евса¹

* * *

Кто теперь бубнит Горация и Катулла,
Возвращаясь вспять, слезу задержав на вздохе?
Нас такой сквозняк пробрал, что иных продуло,
А других, как мусор, выдуло из эпохи.

Кто теперь способен до середины списка
Кораблей добраться? Лучше не думать вовсе.
А ловить на спиннинг мелкую рыбку с пирса
И косить на горы в тёмно-зелёном ворсе.

Обходить за милою скифа или сармата,
Не дразнить варяга и не замать атлета,

Чтоб, озлясь, не бросил в спину: «А ты сама-то,
Кто такая?» Я-то? Господи, нет ответа.

Поплавок, плевок, трескучий сверчок, к нон-стопу
за сезон привыкший в каменной Киммерии,
на крючке червяк, Никто, как сказал циклопу
хитроумный грек, подверженный мимикрии.

Я уже так долго небо копчу сырое,
что давно сменяла, чтоб не попасться в сети,
на овечью шкуру белый хитон героя:
проморгали те, – авось, не добьют и эти.

И пускай читают лажу свою, чернуху,
Стерегут общак, друг в друга палят навскидку.
...Подойдёт дворняга, влажно подышит в ухо,
Мол, жива, старуха, – ну и лови ставридку.

* * *

Ты, дробящий толпу на взводы и на бригады,
изучающий алчно карту моих дорог,
мы с тобой не по разны стороны баррикады
потому, что и баррикада есть диалог.

Я, представь, не любила с детства урчання, рыка,
этих «смир-рно!», «р-равняйсь!», раскатов двойного «эр».
И картавость моя – лишь косвенная улика
внутривенного неприятия крайних мер.

Безразлична к твоим указкам моя держава –
обесточенная провинция, for example, –
южный двор, где, лучом закатным подсвечен справа,
над верандой завис сирени прощальный залп;

где легко шепоток о Шнитке или Башмете
разрастается в гул вечернего кутежа,
и, как пуля, от стенки треснувшей срикошетив,
майский жук на тарелку шлёпается, жужжа.

...Иногда из набухшей тучи звучит валторна
И в ответ верещат встревоженные сверчки.
Но мятеж принимает форму ночного шторма,
что смывает к утру прибрежные кабаки.

Всякий флаг на просторах твоих мне фиолетов,
демонстрация власти, переговоры, блиц-
интервью... И меня мутит от любых декретов,
как порой мутит от жизни самоубийц.

С генералами сил ошую и одесную
ты спешишь завершить батальное полотно.
Но как только твои войска подойдут вплотную,
эта малая атлантида уйдет на дно.

И трофейный пейзаж, что, впрочем, не столь заманчив,
диковато сверкнёт в голодном твоём зрачке:
на лазоревом – белый пластиковый стаканчик
с полумёртвым сверчком на выпуклом ободке.

ВЕСНОЙ

Я хочу быть сухим китайцем с косичкой тощей,
с колокольчиком в горле (что за чудной язык!),
собирающим хворост в короткопалой роще,
перед тем как заснуть, читающим Чжуан-Цзы;

и глядеть сквозь костёр, где все очертанья зыбки, –
искривляется ствол, подрагивают кусты, –
чтоб над всхолмьями скул мерцали глаза, как рыбы,
что синхронно к вискам загнули свои хвосты;

сохранить напоследок только одну из функций:
подгребая угли, покуда огонь горит,
головой качать: «Куда ты завёл, Конфуций?»,
но при этом молчать (кто знает – не говорит);

и, вбирая ноздрями запах апрельской прели,
ни обиды в душе не возвращать, ни тоски,
иероглифом расплываясь на акварели,
выпускающим в сырость тонкие волоски;

вообще незаметно вылинять, раствориться, –
как дымок меж ветвями, как в синева дома
там, внизу, где ещё белеет, как плошка риса,
одичавшая слива, если глядеть с холма.

Валерий Прокошин¹

* * *

Это море в марте вкусней мартини.
Чайки в раме неба, и мы в картине,
Снятой Пьером Паоло Пазолини.

Я не Мартин Иден, но кто докажет,
Если солнце – в море, а рама – в саже.
Мы одни с тобою в пустом пейзаже.

Полдень катит волны на берег адский,
Воскрешая жизнь, как считал Вернадский.
Дикий пляж расстелен, как плед шотландский.

А у моря голос конкретно бычий.
Так бывает ранней весной обычно,
Если акт любви перешёл в обычай.

Если б знали вы, как мы тут кончаем,
Обжигая горло горячим чаем –
С лунной долькой марта, под крики чаек!

О, как горько плачут земные птицы
Над любым кусочком небесной пиццы.

Мы и после смерти им будем сниться.

Мы и сами птицами раньше были,
Только вы об этом забыли или...
Нас ещё при Чехове здесь убили.

Не кричи по ихнему, что за глюки
На краю отлива, в краю разлуки.
На фига нам нужен их шестирукий.

На хрена нам русские отморозки,
К нам летает дымом из папироски
Шестикрылый наш Серафим Саровский.

Это море в марте, как в мармеладе.
Где-то рядом рай на змеином яде.
Где я только не был, а вот в Гренаде...

Сергей Соловьёв¹
ГУРЗУФ

Там, где время стоит во хмелю,
обхвативши остывшее древо,
оглянись: ты живёшь за семью
золотыми печатями неба,
в кривоногом посёлке о трёх головах –
Обольщенья, Вины и Забвенья,
в голом гулком раю, на словах,
на развалинах стихотворенья,
где скала, в рот набравши воды,
в лунной пене сидит по-турецки –
от морской до небесной звезды
ей невмочь в эту ночь разговеться.
Оглянись: ты живёшь, где коса
то и дело находит на камень
и, к утру проступая, роса
превращается в кровь под ногами –

там, где время стоит во хмелю,
обхвативши остывшее древо,
там, где море пригрело змею
побережья – косичку Эреба.

Мария Ватутина¹
КЕРКИНИТИДА

Керкинитида – полис маленький,
Друг друга знает стар и млад.
Горшки на каменной завалинке
Двухсотлитровые стоят.

Растут левкои и подсолнухи.
Античный постоялый двор.
И ни кораблика в подзорную
Трубу не выследил дозор.

Купцов и первооткрывателей
Давно не видывал народ.
А что и здесь рожают матери
Ещё не в курсе Геродот,

Еще у автора истории
Не обозначен местный пляж.
...Но крыши первых санаториев
уже испортили пейзаж.

Станислав Минаков¹

* * *

А. Дмитриеву, И. Евсе

Толкнёшь языком и губами праправдашний некий —
овечий и козий словарь – Киммерия, Мермекий –
и тут же провидишь, как ломаной, рваной равниной
поля Щебетовки² под щебет плывут воробьиный.

Станислав Минаков

Кто сторож сему винограднику? Северный Осип.
На склонах у августа здесь – золотисто и ало.
Шуршит и заносит в шалаш виноградаря осень
надорванный край голубой своего покрывала.

Какая печаль: уезжая, становишься дальше.
И – объединительный – труден удел отдаленья.
Не ближе – как думалось, чаялось – всё-таки дальше;
хотя, в самом деле, спасительны эти селенья.

Хотя и для счастья содеяна бухты подкова,
как жизнь одолеешь? Какие приклеишь лекала,
какою слюной? – чтоб, отмерив, отрезать толково.
Ведь смерть и героев похлеще – в своё облекала.

Про чёрные трещины в пятках, не знавших сандалий,
забудешь, едва обопрёшься рукою о посох.
И сразу – слышней голоса из неузнанных далей;
се братья тебя вспоминают, скиталец-Иосиф.

Есть кровно-виновные братья. Есть – братья иные:
азы зачиная – ты с ними упрочивал узы.
Блаженный, к тебе, облачившись в одежды льняные,
Кирилл и Мефодий, сдалече, заходят в Отузы.

Андрей Баранов¹
ИЗ ЦИКЛА «О ЖИДКОСТЯХ»

* * *

Виски надо пить из грубого стакана,
одному,
в пустой квартире, под бормочущий телевизор,
глядя в исчерканную тетрадь...
Сдуть пыль с настольной лампы, ловить сквозняк
от рамы,

Андрей Баранов

за которой ночной Ижевск гасит последние окна
 девятиэтажек, и остаются только красные
 зрачки телевышки и заводских труб...

А водку – из маленьких стопок с Мишей и Костей
 или Колей, на кухонке на Симоновском,
 закусывая огурцом или Лениным грибным супом...
 Читать стихи, говорить о Греции, откуда вернулся
 Миша, или о Норвегии, откуда Костя...

Красное вино пьётся из тонких бокалов на хрупкой
 ножке.

И с тобой...

Пью виски, черкаю...
 Смотрю, как одна за другой гаснут мои звезды...

ЮЖНОЕ ТАНГО

Вино называется «Южное танго».
 Его разливают в литровый пластик по 77 рублей.
 Оно красное, даже рубиновое, терпкое, как твои
 губы в глубине парка,
 и тоже недорогое.
 Пей.

Пей из горлышка. Горлышко твоё узкое-узкое...
 Ты пьёшь вино, а оно тебя выпивает.
 Я его тоже пью, но оно меня не берёт.
 Я не знаю, ты не знаешь, никто не знает,
 отчего одиноко так, хотя вот – южное танго,
 горячий рот...

Пей. Горлышко твоё узкое-узкое. Южная кровь
 из уголка губ толчками пульсирует,
 струйками темными пятнает юбку. Надо мной небо,
 трава под тобой.

Цикада стрекочет – как будто в траве Патрисия Касс
 грассирует.
 Хорошо, что не Гюнтер Грасс.
 Пой, Патрисия. Пой.

Какое танго!.. Ветер подолы лип швыряет на голову,
 крутит и лапает, те отбиваются листьями.
 Куда им! Он груб и уверен, он тащит тебя в кусты.
 Он знает, ты знаешь, я знаю: у тебя жаркие губы,
 искренний взгляд и лживое сердце, Патрисия.
 А у меня – южное танго. И ещё – ты.

* * *

Пахнет ванилью. Отличная выдержка.
 Прозрачное стекло. Благородный цвет...
 Хорошо становится, ясно и чисто... И вроде бы
 трезвый из комнаты выйдешь ты –
 ан нет!..

Как гора, на пути возникает вешалка,
 осыпается камнями шапок, погребает под собой
 всё подряд.
 Идёшь пещерным коридором, у каждого поворота
 мешкаешь,
 соришь вещами: шарф, бумажник, записная книжка... –
 расставляешь вешки, чтобы потом отыскать назад

дорогу.
 Напрасно. Ещё никто не отыскивал,
 не возвращался туда никто.

Вон те
 звёздочки, сосчитай, попробуй! Сколько их,
 золотых искорок –
 вылетевших из костра, остывающих в черноте?

Уже март... С прошлого – что случилось? что у нас было?

Звонки, чаще – пропущенные. Морриконе в плеере.
Поезда.

В мае – свежие листья... казалось: живи, пиши...

Но в августе их спалило.

А потом – вода, вода...

В сентябре-букваре ты плакала, раму мыла,
устраивала наш уют: шторы, штопки, еда...

В новый год грелись холодным шампанским...

Много слов, треска дров и пустого пыла.

Нет! Нет!.. Нет... Да.

В Рождество листали старую книжку, глотали по
буквам с пылью:

Мы не рабы. Рабы немы.

Да, рабы немы, а мы всё говорим...

мы всё проговорили.

– Ара, ты рад?

Вот и ещё звезда.

* * *

Когда-то, когда империя ещё возвышалась
величественно, но уже пошла дырками, тухла,

как ноздреватый сугроб в начале весны,

из-под которого лезут червяки, мошकारа и

прочая оттаявшая мелкота,

на углу Добролюбова и Руставели в комнате на

четвёртом около кухни

я писал о белой лошади, которой не видал никогда.

Я пил горячую ячменную горечь, по капле
губами перебирал, распробывая нёбом и языком,
и, открыв глаза, переносил всё это на кальку
моего блокнота, листок за листком,

а потом отстукивал на своем музейном «Ортехе»,
а потом читал таким же, как я, не выдавшим
белых лошадей...

А вечером, засыпая, слушал оркестр из тарелок
с кастрюлями и размышлял об успехе,
в который въеду на белой лошади по булыжнику
площадей.

Теперь моя империя не такая большая, как прежде,
и многие в том, что она вообще – империя,
сомневаются,

и в комнате на Добролюбова живут другие,
младые и незнакомые, говорящие на том же
русском, и всё-таки – не на том.

И белая лошадь со мной каждый вечер, мы с нею
молчим вдвоём... я тюкаю на ноутбуке,
она слушает, кивает, во всём соглашается
и, когда засыпаю, щекочет мне ноздри гривой и
трогает лицо языком.

Андрей Егоров¹

* * *

А.Б.

и не любви хотелось – коленей,
чтоб в них уткнуться умною мордой
не любви хотелось – ошейника
с поводком, и чтоб это – предел желаний

не любви, нет, а чтоб по-любому
пережила меня и, жалеючи, гладила;
успокаивала ласково, пока ветеринар
делает укол –
и ещё – недолго – после

поэтому
в следующей жизни я буду щенком,
лопоухим, лобастым – а я уже сейчас такой –

и вырасту в большущего собака,
друга твоего и защитника –

если получится,
пока намокает холстина,
выбраться из мешка

ОРНИТОЛОГИЯ

«А чтоб мне, молвит, взвиться ясным соколом,
а чтоб кружить мне чёрным вороном,
на головы гадить шизым голубем,
брюхатить девок мне, да белым аистом!»

«А чтоб тебе, слышит, таиться змеей подколодною,
да под чёрной колодою, на каких долой головы,
а чтоб тебе, гадюке, землю жрать, на брюхе ползати,
а чтоб хребет тебе телегой переехало!»

«Чем же, молвит, не угодил я тебе, мил человек?
чем обидел? чего не мил я тебе, мил человек?
что ж ты, сука, не успел выпить и тельняшку рвёшь?
что ж ты, падла, за говно меня держишь?

али мешал я тебе, продолжает, взвиться соколом?
аль выцеливал тебя, кружаща чёрным вороном?
аль морду бил за гаражами тебе, аисту?
аль шапки не ломал, углядев в вышине голубя?»

«А лучше, слышит, сбил бы ты меня влёт, когда я
взмывал кречетом,
а лучше, сбил бы с меня спесь, когда я хорохорился
кочетом,
а краше, сбил бы меня с панталыку, когда я вещал
Сирином,
да чтоб зазноба моя, Имя свет-Отчество

твоею бы стала зазнобой, твоей занозою,
саднящим горлом, посаженным сердцем, саженым
аршином,
каким чего не мерь – всё мало, всего мало,
и сам себе не мил, и никто не помилует,
а только завидки всех берут, какую тёлку, мол,
отхватил,
забери её у меня христарди – слышишь – забери,
слышишь?»

«Ты... – выдавливая внезапно пересохшим горлом –
ты чего – сглатывая пульс – ты это серьёзно?»
«Да нет – слышит в ответ, шёпотом из под ладоней –
да нет, что ты, конечно же нет»

* * *

на четвёртый день или на третий
когда прекратит облазить кожа на ладонях
и перестану после зубной щётки
отплёвываться розовой авитаминоз пеной –
тогда-то
пойму что попал-таки в рай
и что можно уже
избавиться от доброй половины привычек
и вещей носовых платков зубочисток таблеток
захваченных в спешке
когда одних нас наголо обритых без
особых церемоний загоняли в плацкартный
когда другие мы по ночам
на своих двоих пробирались вдоль железнодорожной
насыпи
когда ещё одни мы лучшие видимо белая гвардия
отплывали на последнем крымском пароходе
из гибнущего уже на одну треть погибшего
мира саранчи и горечи
и никто ни один

не знал пункта назначения конечной станции
но держа в уме сводки новостей и школьную карту
каждый на свой манер повторял
одно и то же:
«чаю, Господи, жизни будущего века, и другого глобуса»
«чаю жизни будущего века, и другого глобуса»
«чаю жизни будущего века, и другого глобуса»
«чаю жизни будущего века, и другого глобуса»

Виктор Каган¹
ЕВА

Говорят, что на том свете будет тем меньше мучений,
чем больше принял на этом. Может быть, это и правда.
А может быть – нет. Оттуда ещё никто не вернулся.

Два года назад, когда ей шёл девяносто четвёртый,
она мне как-то сказала: «Вы за меня молитесь плохо –
я зажила, мне давно пора умереть, а я зачем-то живу».
Я сказал, что буду молиться лучше, но не знаю, когда
начинать:

прямо сейчас или подождать месяцев пять, чтобы она
могла

подержать на руках будущего прапраправнука.
Она немного подумала, взглянула на меня: «Вы хитрый»
и добавила: «Не беда, если Бог меня подождёт немножко.
Как вы думаете?». И она – правнучка Теодора Герцля –
таки дождалась прапраправнука и держала его на руках.
Здоровый мальчонка. Дедушка Герцль был бы вполне
доволен.

Можно было начинать молиться. Но – впереди был брис,
потом дни рождения детей – не огорчать же их смертью,
а потом она как-то сказала, что уж и 94 отметит с детьми,
а потом...

Время стало размывать её, как река размывает берег.

Недавно сказавшая мне, по-девичьи краснея:
«Знаете, доктор, это удивительно, но душа не стареет»,
всегда выглядевшая так, будто гости уже на пороге
замка – её половины двухместной палаты,
теперь она встречала меня то в халате, то лёжа в постели,
то позабыв надеть зубные протезы работы покойного
мужа,
узнавала, что сегодня четверг, лишь по моему приходу,
её русский всё реже перемежался певучим идиш,
а её девочки – одной хорошо под, другой изрядно за
семьдесят,

она вырастила их одна под колыбельный грохот войны,
в самом начале убившей их отца, за которого вышла
в шестнадцать –

предпочитали ещё думать, что мама просто не хочет..
Поэтому о жизни и смерти она говорила только со мной.
Пусть бы, – она говорила, – Бог услышал меня, нивроко,
и не мучал – за что меня мучать так долго,
если бы вы меня правда любили, то помогли б умереть.
Неужто, – спрашивал я, – вы хотите с того света видеть
меня в тюрьме?

Нет, – отвечала она, – но больше я так не хочу.

Однажды пришёл, а она в коме – подумал, что Бог
услышал её просьбы и хочет забрать во сне.
Богу – Богово, а медицине удалось её откачать.
Правда, она потеряла зрение и поселилась в постели.

Её девочки дважды в день приезжают с бульоном,
всё уже понимая, но – должны же они делать хоть что-то.
Я приезжаю по четвергам. Дайперсы и подушки.
Она витает во сне между этим миром и тем.
Беру за руку, что-то говорю или просто молчу.
Минут через двадцать она открывает невидящие глаза:
«Это Вы? Значит, сегодня четверг. Я знала, что Вы придёте.
Что со мной стало, Господи, что со мной стало».
Она уже не зовёт смерть, ибо спит в обнимку со смертью.

Она говорит мне об этом. И я, чтоб не сорить словами,
поглаживаю её руку, а она жалеет детей, которые так
устали
возиться с её затянувшейся жизнью, и сама она тоже
устала.

И наступает четверг, и я прихожу снова. Пока прихожу...
А она всё дальше и дальше. И голос всё тише и тише.
Кораблик её души уплывает туда, где за горизонтом
океан этой жизни впадает в небесные веси и растворяется
в них.

Её муж незадолго до смерти сказал ей: «Не беспокойся,
если на том свете мне будет плохо, я возвращусь».
Но он пока не вернулся...

Владимир Монахов¹

* * *

ПЕРЕСЕЛЕНИЕ

*...в тишине
в городе без стен.*

Татьяна Виноградова

По ночам я слышу,
Как за стеной переворачивается
Со скрипом душа соседки,
Которой давным-давно
Никто не говорил:
«Я тебя люблю»!

Мэр нашего города,
Прочитав это наблюдение
В местной газете,
Вызвал заместителей и сказал:
«У нашего поэта плохие жилищные условия.

Надо ему помочь!»
И через месяц я переехал в новую
Просторную квартиру
Улучшенной планировки.

Но и там каждую ночь
Я по-прежнему слышу,
Как ворочается
Со скрипом душа соседа,
Который давным-давно
Никому не говорил:
«Я тебя люблю»!

ЧУЧЕЛО

Часы – чучело вечности,
по стрелкам которых
мы никогда не узнаем,
сколько осталось
будущего у Бога.
И потому
в одиночной камере бытия
мы перестукиваемся со временем.
Я – сердцем.
Оно – часовым механизмом
у пульса на моей руке.

Мария Кошкина¹

* * *

ЛЕТНИЙ САД

Всю зиму Афродита и Венера Милосская
Прятались в деревянном ящике:
Одна рассказывала про море,
Другая дышала на озябшие руки.

Дворник иногда заглядывал в щёлку,
Вздыхал: «ничего милые, ничего...»

TOSCANA

Северная Италия и гондольеры:
Такие пляжные тонкости –
На загорелых щиколотках
Карты островов древних,
Видишь пути
Глазами закрытыми,
Чувствуешь
Оливковый вкус губ пересохших –
Море мёртвое?
Так высоко твоя женщина
Ещё не запрокидывала голову,
Ещё не смеялась гранатовым соком
По ключицам...

Владимир Ермолаев¹

* * *

ЧУДЕСА КИНЕМАТОГРАФА

после сеанса в маленьком кинотеатре
успеваешь ещё на блокбастер
который демонстрируется
на западной половине неба
и длится всего минут двадцать
за это время огненная птица
превращается в обыкновенную голубку
а бирюзовая полынья
затягивается синим льдом
конец этого чудесного фильма
оставляет тебя в состоянии
умиротворенности

Владимир Ермолаев

хотя начало напоминало оглушительный
удар барабана или звон тарелок
раздавшийся прямо в твоей голове
и обжёгший тебя
брызгами раскалённой меди
не сразу вспоминаешь
название черно-белой картины «Орфей»
имя режиссера Кокто
имя актёра исполнявшего главную роль
Маре
и своё удивление
перед стендом с афишей
в тихом пограничном городке
больше похожем на село
церковь кинотеатр школа
водонапорная башня
поистине мир чудесен
и внизу и вверх
нужно лишь не забывать
поднимать голову
когда выходишь из кинотеатра

ТРИНАДЦАТЬ СПОСОБОВ УВИДЕТЬ КАФКУ

хорошо бы написать стихотворение
«тринадцать способов увидеть кафку»
ведь «кафка» по-чешски
означает «галка»
а эта птица черна
как дрозд или ворон
и Эдгар По не стал бы
наверное возражать
если бы я использовал
в стихотворении
кое-что из его «Ворона»

Владимир Ермолаев

декабрь камин фолиант
стук в окно и всё прочее
и Уоллес Стивенс
будь он ещё жив
не стал бы придирается
к названию
а усмотрел бы в нём
выражение признательности

что касается самого кафки
то он как известно
был узником абсолюта
и следовательно мог бы возразить
против замысла в целом
среди всех способов увидеть
чёрную галку
он признал бы верным
только один
и мне пришлось бы
из тринадцати фрагментов
оставить один
в котором чёрная галка
изображалась бы
с точки зрения абсолюта
проще говоря
с точки зрения вечности
но вряд ли кто-то
включая и узника абсолюта
кафку
сумел бы занять
такую идеальную точку зрения
ведь для этого
ему нужно было бы стать
абсолютно
идеальным
абсолютно
чёрным

и абсолютно
беспечным

ПОЭМА СОЖАЛЕНИЯ

Пол Стретерн обладатель премии
имени Сомерсета Моэма
автор книг по истории и географии
а также пяти романов
довольно скромно он преуменьшает
свои способности писать
просто о сложном «Фуко за 90 минут»
прочитывается за 30
теперь я знаю что с философией
было покончено ещё в начале
прошлого века
её убийцей был Витгенштейн
этот странный парень из фильма
Джармена я помню кадры
где он ещё мальчуганом
строчит из пулемёта
вероятно он уже тогда задумал
покончить с философией
помню его спор в Кембридже
с Бертраном Расселом об истинности
отрицательных суждений
и то как Рассел танцевал
с какой-то дамой и движения его
были довольно вульгарны
неужели Рассел мог так танцевать
возвращаясь к Фуко мы узнаем
уже на второй минуте
что в детстве он мечтал стать
золотой рыбкой
это так трогательно и никак не
вяжется с его вспыльчивостью и

склонностью к насилию хотя кто знает
 Пол делает неясный намек
 на учение Фрейда
 его друг Баррак умер от алкоголизма
 его учитель Альтюссер в старости
 задушил жену неудивительно
 что первые книги Фуко посвящены
 теме безумия и болезни
 безумие и болезнь
 пропитывают его жизнь
 как алая или синяя жидкость
 пропитывает тампон в рекламе
 Always и результат превосходен
 «сенсационный философ»
 «Кант двадцатого века» «кумир семидесятых»
 почему во мне так мало безумия
 так мало странностей
 так мало болезни

Анастасия Кедрова¹
СЕВЕРНЫЕ ЭТЮДЫ

ШАМАН

Звуки бубна уносит ветер...
 И голос шамана улетает в небеса...
 Качаясь, стонут кедры...
 Шумит листва в ожидании летнего ливня...

ВОЗВРАЩЕНИЕ

От лебединых стай светлеют небеса.
 Белые, словно облака,
 Опускаются птицы на синюю гладь озера,
 И становится непонятно,
 Где небо, а где земля...

НАСКАЛЬНАЯ ЖИВОПИСЬ

Что такое красота?
 Восторг и печаль...
 Радость и страх...
 Жизнь и смерть...
 Свет и тьма...

ИЮЛЬ

Музыка летних трав
 Звенит колокольчиком синим...
 Стрекошет кузнечик,
 И комариный рой застыл над оленьим стадом.
 Жара...

ОГОНЬ

Добрый огонь домашнего очага,
 Согревающий чум в лютую стужу!
 Помоги охотнику вернуться к твоему ласковому
 пламени....

СОЛНЦЕ

О, Светило, встающее над Иртышом!
 Круглой, горячей лепёшкой
 Катишься ты по небу,
 ...играешь золотыми струями
 В быстрой воде.
 Но в назначенный час
 Дух ночи
 накрывает тебя звездным пологом,
 И лишь горячий брусничный краешек,
 Остывает за Уральскими кряжами...

Виктор Коллегорский¹
ИЗ КНИГИ «ВЕРЛИБРОСЛОВ
МНОГОЦВЕТНЫЙ»

СЛОВО

*Серп времени нас жнёт по одному.
 Блеснёт он – и во прахе всё коснеет.
 А слово не подвластно и ему –
 Оно как дух: где хочет – там и веет.*

1. ОПРЕДЕЛЕНИЕ СЛОВА

Не ищи определения слову: его нет.
 Ибо чем определишь ты то, что само всё определяет?
 Слово – везде и во всём, и всё, что ни есть – это слово.
 И то – слово, и это – слово, но слово – ни то и ни это.
 Слово – ни то, ни другое, ни пятое, ни десятое.
 Слово – это слово.

2. МЫСЛЬ – СЛОВО – ДЕЛО

Добрые мысли рожают добрые слова.
 От добрых слов язык не отсохнет.
 Доброе слово и кошке приятно.

Добрые слова рожают добрые дела.
 От добрых дел руки не отнимутся.
 Доброе дело умножает добро.

Добрые дела рожают добрые мысли.
 От добрых мыслей голова не развалится.
 Добрая мысль укрепляет душу.

Добрые мысли рожают добрые слова.

3. СЛОВО ПОЭТА

Поэт совершает обряд словосочетания.
 Если слова сочетаются по любви –
 Рождается стихотворение.

4. СЛОВО О НЕОБЪЯТНОМ

Нельзя объять необъятное.
 Необъятное не обнимаемо никем.
 Обнимающий необъятное не обнимает ничего.

Обнимающий руками обнимает ту, которую хочет объять.
 Обнимающий мысль обнимает то, что может объять.
 Но никто не может объять необъятное.

Необъятен мир, окружающий нас.
 И необъятно время, обнимающее нас.
 Ибо время объемлет всё, а времени не объемлет никто.

Необъятна печаль, в которой мы пребываем.
 Ибо необъятно знание, умножающее печаль.
 И нет защиты от неё сынам человеческим.

Ибо не единожды было сказано в Писании:
 Никто не обнимет необъятное.

5. СЛОВО ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЯ

Что посеешь, то и пожнёшь.
 Посеешь ветер – пожнёшь бурю.

Как постелешь, так и поспишь.
 Мягко стелешь, да жёстко спать.

Где ляжешь, там и встанешь.
 Ляжешь в траву, а встанешь в хлеву.

6. СЛОВО О ЛУЧШЕЙ ЖИЗНИ

Лучше поздно, чем никогда.
 Лучше поздно ложиться, чем рано вставать.
 Лучше взять быка за рога, чем за хвост.
 Лучше сесть на лошадь, чем сесть на ежа.
 Лучше умереть стоя, чем жить на коленях.
 Лучше синица в руках, чем журавль в небе.
 Лучше меньше, да лучше.

7. СЛОВО К БОГУ

А отворишь Лицо Свое от меня
 И худо мне
 И плачу я
 И в слезах я
 И нет меня
 И чёрный свет в окне моем
 И чёрная боль в душе моей
 И приходит день и уходит день
 И ни один день не лучше другого

И безутешен я
 И нет мне утешения
 И летят дни мои
 И бегут дни мои
 И сменяют дни мои друг друга
 И похожи дни мои один на другой

А взглянешь на меня
 А обратишь Взгляд Свой на меня
 А обратишь Глаза Свои на меня
 А обратишь Лицо Свое на меня
 И хорошо мне
 И радость в душе моей
 И свет твой – во мне

И распухнет цветок
 И запоёт утренняя птица

И придёт день
 А придёт день
 А день придёт

Валерий Митрохин¹

* * *

...В дождь
 Скифские бабы плачут.
 Бабы все одинаковы.
 Даже каменные.
 Когда светит солнце,
 Лица у них светлеют...
 Такой у женщин характер –
 Зависит порой от погоды.

* * *

После того, что случилось,
 Видеть её не могу,
 Слышать о ней не могу,
 Любить её не могу,
 Верить ей не могу.
 ...Могу лишь мечтать о ней.

* * *

Спаси
 Спасибо
 Спасибо тебе
 Спасибо тебе за всё
 Спасибо тебе за всё, что – ты
 Спасибо тебе за всё, что ты делаешь
 Спасибо тебе за всё, что ты делаешь со мной.
 Спасибо тебе за всё, что ты делаешь
 Спасибо тебе за всё, что – ты
 Спасибо тебе за всё
 Спасибо тебе
 Спасибо
 Спаси

* * *

Она была каплей росы.
 Проникала в истоки родников –
 их водой я разводил чернила,
 так она попадала в стихи,
 а я познавал вдохновение.
 Стекала по моему лицу дождём –
 и я был счастлив.
 Поила корни злаков –
 и хлеб казался вкуснее.
 Сверкала на солнце –
 и радуга становилась ярче.
 Попадала в горсть –
 и я утолял жажду.
 Снова ползла по моей щеке,
 облегчая мне горе.
 Так повторялось до тех пор,
 пока я не встретил женщину и она
 не родила её – мою дочь.

Вячеслав Суриков¹
ПИСЬМА В ЦЕНТР ЛЮБВИ

1

Чаще всего любовные приключения
 происходят летом, в тех городах,
 где, заходя в троллейбус,
 принято произносить слова приветствия.
 Когда же здесь наступают солнечные дни,
 женщинам на платья садятся бабочки
 и служат им вместо украшений,
 придавая странную силу очарования
 каждой улыбке, брошенной вскользь.
 Всё что происходит дальше, неотвратимо:
 первый поцелуй перед дверью лифта.

Стою, оглушённый счастьем,
 и не хочу выпускать её из своих объятий.
 Наконец, не говоря ни слова,
 я чуть-чуть отстраняюсь и смотрю ей в глаза,
 давая понять, что пора подниматься наверх.
 Шаги по лестнице, поворот ключа, комната.
 Мы слышим шум дождя и выходим на балкон.
 Некоторое время она позволяет мне наблюдать за тем,
 что происходит в ночном небе.
 Капли воды на твоей руке – эту трогательную деталь
 я постараюсь запомнить навсегда,
 не позволяя себе думать, что мы все также призрачны
 и подвержены метаморфозам. В следующий раз
 мы спрячемся от страха бесследного исчезновения
 в темноте полупустого кинозала,
 не важно на каком ряду...

2

Жители окраины обеспокоены
 прогнившей канализацией,
 нашествием кошек и инопланетян.
 Незнакомые мне люди собираются
 в ночных магазинах
 и обсуждают последние события:
 рекламу напитка, обладающего
 вкусом иной реальности,
 появление в продаже фонаря,
 излучающего неземной свет
 и демонстрацию автомобилистов,
 требующих запретить воскрешение из мёртвых.
 Вернувшиеся с того света внушили себе,
 что граница между мирами пролегает
 на проезжей части.
 Их попытки в очередной раз перейти её
 сильно замедляют движение по городу.
 Ещё. Здесь продавщицы не сразу реагируют
 на просьбу продать несколько коробков спичек.
 Почти у каждой в сотовом телефоне спрятан

голос человека в мятом спортивном костюме.
Он приказывает никому не верить.
Местные инженеры изобретают
новый способ достижения невесомости.
Минимум интеллектуальных усилий
и лифты будут никому не нужны.
Приезжай. Я люблю тебя.
В моей комнате на стенах проступили знаки.
Я почти расшифровал их.
Смысл надписи тебя позабавит.

3

Человек с внешностью фотолобителя предложил мне
участвовать в ток-шоу «Хроники обыкновенного безумия».
Запись программы проходила в трамвайном депо.
Конкуренция делает телевизионщиков чёртовски
изобретательными. Положив ладонь на рукопись пьесы
«Король умирает», читаю вспыхнувшую вокруг надпись
«Постоянно открывая глаза, я вижу Свет.
Я ценю Смерть как избавление». Посыпались вопросы:
Когда выйдут ваши мемуары о минус бесконечности?
Чувствуете ли вы себя обнажённым?
Чувствуете ли вы себя?
Как звали гуттаперчевого мальчика?
Кто изобрёл лёд?
Некоторое время я импровизирую и читаю наизусть
гексаграммы из «Книги великих перемен». Неожиданно
раздаётся оглушительный телефонный звонок.
Люди в комбинезонах выносят гигантскую трубку.
Из неё появляется женщина без имени, без возраста.
В следующее мгновение звукорежиссёр включает запись
бурных аплодисментов. Мнимый фотолобитель
скажет: «Это была первая в истории человечества
съемка с выключенными камерами. Наверное,
в следующей жизни, вы проснётесь».
«Когда стану кошкой» – улыбнусь я в ответ.
Усталые, но довольные, мы вернёмся домой.

Фестиваль сибирской песни

Анатолий Мохонько¹
«ПЕСНИ ЗЕМЛИ КУЗНЕЦКОЙ»

– так назывался прошедший недавно в Кузбассе, в сибирской глубинке, областной фестиваль-конкурс композиторов, посвящённый 65-летию образования Кемеровской области. В нём приняло участие свыше 65 авторов. Чем порадовал фестиваль обитателей «глухой глуши»?

онкурс был организован Департаментом культуры и национальной политики Кемеровской области и Кемеровским областным центром народного творчества и досуга, причём для проведения подобного значительного мероприятия требовалось заранее определить сроки отборочных туров на севере, в центре и на юге области. После завершения отборочных туров состоялся заключительный концерт победителей конкурса в здании Кемеровского областного центра народного творчества и досуга (ранее – Дворец культуры п/о «Азот»). Следует особо отметить организаторов, особенно директора Центра Наталью Орлову и заведующего сектора музыкального искусства Виктора Козлова, которые провели всю эту масштабную работу высоко организованно, с истинно творческим подъёмом. Конкурс удостоился хорошей прессы в областных и районных газетах. Все отделы культуры области активно участвовали в подготовке конкурса и сообщили о нём руководителям клубов и дворцов культуры. Творческим людям – музыкантам и поэтам – предложили участвовать в конкурсе персонально, причём оказывали действенную помощь в подготовке и показе творческих работ. Многие из приглашённых откликнулись и представили на конкурс свои работы.

К сожалению, не обошлось без «ложки дёгтя». Например, в Кемерове некоторые композиторы-любители так и не узнали об этом конкурсе, поскольку лишены были ясной и броской информации. Другие же, закончившие

Музыка не имеет отечества; отечество её – вся вселенная.

Ф. Шопен

композиторский факультет консерватории, не принимали участие в конкурсе, по-видимому, сознательно, по иным каким-либо причинам, о чём приходится лишь сожалеть.

В жюри были приглашены руководители композиторской и почему-то всего лишь одной из трёх существующих ныне в области писательских организаций, а также видные музыканты: из Ленинска-Кузнецкого Игорь Другов, как представитель Союза композиторов Кузбасса, из столицы страны прибыл известный кузбасский, а ныне московский поэт Николай Чирков, из Красноярска – Александр Кузнецов – председатель Союза местных композиторов-песенников, а также работники департамента культуры и национальной политики. Возглавил жюри заслуженный работник культуры РФ, член Союза композиторов России Владимир Пипекин. Жюри пришлось немало потрудиться: было прослушано более 130 песен (каждый автор имел право представить на конкурс по два произведения).

Первый отборочный тур прошёл в Мариинске, что на севере области, потом – на юге, в живописном месте, в рабочем посёлке Кузедееве, а последний тур состоялся в столице Кузбасса. Руководителям Дворцов культуры области действительно помогали начальники управлений культуры. А в Новокузнецком районе на открытие конкурса приехал и глава района, который вручил всем участникам, членам жюри и представителям центра сувениры, в память о прошедшем событии. Такое внимание и сердечность особо порадовали присутствующих. После предварительных прослушиваний жюри внимательно и доброжелательно порекомендовало произведения на заключительный концерт, причём всем участникам давало полезные советы, приводило замечания по некоторым песням и по их исполнению.

Таким образом, в конкурсе приняли участие и начинающие авторы и те композиторы, которые уже ранее обратили на себя внимание музыкальной общественности Кузбасса. Из общего списка жюри отобрало 25 номеров,

потом, уже по сюжету концерта, было выделено 20 номеров на 2 часа времени. И хотя само название конкурса включало довольно широкий тематический диапазон и предопределяло тематику и жанровые направления сочинений, однако многие участники восприняли их слишком однопланово. В большинстве песен – прославление шахтёрского труда и шахтёрских городов, гражданственность, пафос трудовых будней. И вот такой репрезентативной колонной фестиваль шествовал по Кузбассу с севера до юга. С одной стороны, это может быть и неплохо, а с другой – однообразие утомляло, и удивительно, что никак не были выявлены другие аспекты разнообразной и богатой событиями жизни Кузбасса.

Большинство песен сопровождались были оркестрами или ансамблями народных инструментов разного состава. В них звучали баяны, балалайки, домбры, контрабасы, ударные. Уровень исполнения был довольно высокий, можно сказать, профессиональный, игра отличалась слитностью звучания, хорошей сыгранностью, тонкостью нюансировки. Ансамбли помогали солистам в передаче характера песни, а иногда происходил своеобразный диалог ансамбля с солистом, что позволяло разнообразить исполнительскую палитру песни.

Народное хоровое творчество на концертах, фестивалях и конкурсах в Кузбассе представлено всегда весьма широко и разнообразно. Народный коллектив – хор русской песни Дома культуры им. Ленина г. Тайга представил величальную своей малой родине – «Кузбасс, мой край любимый» руководителя хора В. Стифутина на слова Ф. Завьялова. Зал был просто заморожен замечательным исполнением песни. Звонкоголосость исполнения подчеркнула музыкальную гармонию песни.

Хочется выделить «Песню о Новокузнецком районе» Г. Мухина на слова О. Вострецовой, которую исполнил народный коллектив, вокальный ансамбль «Сосновские девочки» (руководитель И. Павлов) в сопровождении муниципального оркестра русских народных инструментов

«Сельские зори» (руководитель – заслуженный работник культуры РФ Г. Мухин) районного Дома культуры с. Сосновка Новокузнецкого района. Это профессиональный многоголосный коллектив – лауреат многих конкурсов, причём песня любительских авторов – это истинно чистый и светлый родник. Она очень популярна в районе, передаётся от родителей к детям, от сердца к сердцу, от семьи к семье. Её поют дома, в школе, на гулянье, хором, она своей красотой объединяет души, влечёт юные сердца.

Южная столица Кузбасса – Новокузнецк был представлен известными и старейшими педагогами Новокузнецкого музыкального училища А. Ляпиным и А. Александровым. Первый из них исполнил на слова И. Агафонова торжественную песню «Ветераны КМК». В такой же торжественной тональности прозвучала песня А. Александрова и И. Агафонова «Шахтёры Кузбасса». В Новокузнецке жюри прослушало муниципальный академический хор под управлением С. Липового, выступивший с казачьей и духовной тематикой местного композитора С. Толстокулакова. Если в казачьей песне царил дух вольницы, задора и удачества, то в духовной – специфика хорового звучания проявлялась чрезвычайно многообразно: пение унисонное и октавное, многоголосное, полифоническое и аккордово-гармоническое. Любая из этих исполнительских форм отличалась своей особенностью, но и множеством сложностей, которые новокузнецчане успешно преодолели. К сожалению, на заключительный концерт хор не приехал, так как у него ранее был запланирован другой ответственный концерт. А вот новых, молодых композиторов город не представил.

Из монументальных сочинений следует отметить «Оду» заслуженного работника культуры РФ Т. Трегубовой, руководителя народного коллектива, многочисленного (35 женщин и 20 мужчин) академического хора клуба «Шахтёр» города Киселёвска. Хор сопровождал муниципальный оркестр русских народных инструментов

города (руководитель С. Гранкин). Группа детской музыкальной школы №16 Киселёвска с оркестром исполнила песню Г. Галицина «Мой город шахтёрский». А дирижировал (не хочу показаться нескромным!) мой бывший ученик по Прокопьевскому музыкальному училищу, а ныне начальник управления культуры Киселёвска Виктор Алиференко. У Виктора Максимовича административная жилка успешно сочетается с творческой деятельностью, что и ему самому приносит большое удовлетворение, и любительским коллективам города, которым всегда легче решить свои творческие проблемы с подобным начальником.

К сожалению, приходится констатировать, и читатель это уже почувствовал – на конкурсе почти не звучала лирика, мало было представлено шуток, частушек, чем всегда славился наш край. Такие песни должны переходить из поколения в поколение – через все слои общества, и через время нести в себе образ своего творца – вечно живого народа. Вспомним «Подмосковные вечера», «Песню о Катюше», «Валенки», «Дружбу», «Амурские волны» или «День Победы»... Отсутствие в представленных сочинениях жизненного материала подобного калибра, несомненно, обеднило конкурс. Также мало было показано и детского репертуара.

Собственно, и инструментальная музыка тоже была слабо представлена. Самый интересный номер показал преподаватель Кемеровского университета культуры и искусств А. Феденёв. Музыка его пьесы «Любимый край» (солист В. Липчанский) написана довольно профессионально, хорошо продумана. Работа композитора отличается скрупулёзностью, отделкой тончайших деталей и нюансов, правильным голосоведением, удобным для исполнения аппликатурой. А. Феденёв представляет свою инструментальную музыку на многих фестивалях и конкурсах. Он долго ищет, сомневается, – что называется, «творит в муках», – и лишь после того, как убедится в правильности принятого решения, выносит свою работу

на суд зрителей. А. Феденёв руководит инструментальным ансамблем на хореографической кафедре Кемеровского университета культуры и искусств. Этот ансамбль позволяет автору оценить свою работу, нередко что-то изменить, исправить, что-то убрать, а что-то добавить.

На заключительном концерте зал Дворца был заполнен до отказа, на нём присутствовали не только кемеровчане. Подчеркнем ещё одну немаловажную деталь – если в первом конкурсе «Кузбасс – моя необходимость» участвовали и Губернаторский симфонический оркестр, и Кемеровский муниципальный оркестр русских народных инструментов, и хореографический коллектив, и народные, и академические хоры, то на этом конкурсе всё было намного скромнее.

– Член жюри красноярец Александр Кузнецов, – сказал председатель жюри конкурса Владимир Пипекин, – предложил организовать всесибирский композиторский конкурс песни. Я думаю, наши коллективы откликнутся на это предложение и поедут в Красноярск в апреле этого года. Чем чаще композитор участвует в конкурсах, тем продуктивнее его работа, оттачивается композиторское мастерство, появляется разнохарактерность. Именно таким образом мы сможем вырастить в Кузбассе новых членов Союза композиторов России. В Красноярске композиторские конкурсы проходят каждый год, у нас, к сожалению, – нет.

Из 25-ти номеров жюри выбрало три самые лучшие номера. Песня Александра Александрова «Шахтёры Кузбасса», Владимира Крайнева «Кемеровчаночка» на слова Николая Чиркова и песня Е. Потапова «Родному Кузбассу» в сопровождении муниципального эстрадного оркестра г. Белово. Эти действительно достойные сочинения дадут фору многим столичным «хитам».

Песни были озвучены на местном радио. Всего один или два раза.... Хотя в Кемерове есть кроме ГТРК и «ФМ-Кузбасс» и другие радиостанции. Сама система наших СМИ построена так, что происходит лишь первичный и

единичный показ произведений местных авторов, по случаю какого-нибудь проведённого мероприятия. А далее весь материал пылится на полках. Хотелось всё же, чтобы лучшие сочинения и песни чаще звучали на местном телевидении и радио. Ведь это будет большой поддержкой нашим творческим людям. Их песни будут воспитывать молодёжь в любви к своей Родине и своему краю. Также необходимо на радио и телевидении предоставить возможность нашим местным авторам выступать в эфире. Должна быть создана рубрика «Слово молодым поэтам, композиторам» или «Песни кузбассовцев о родном крае». Пользуясь случаем, хочу обратиться к руководителям департамента культуры, радио и телевидения – надо дать дорогу молодым талантам земли Кузнецкой. Надо заниматься пропагандой самобытных авторов-земляков. Ведь сегодня СМИ идут давно проторенной дорогой – крутят песни Пугачёвой, Киркорова, Леонтьева... Это, конечно, беспроблемно, да и рейтинг этих артистов высок, выше наших исполнителей.

Да, мы проводим композиторские конкурсы, но настоящей отдачи от них нет. Об этом следует подумать управлениям культуры и департаменту культуры и национальной политики. Надо искать выход. Необходимо делать хорошие, качественные записи работ наших авторов и пропагандировать их по Кузбассу. Хорошо бы на следующий конкурс пригласить маститого композитора-песенника, – он бы дал профессиональную оценку творческим работам, что так необходимо нашим авторам.

Хочется заметить, что в наших музыкальных школах, областных училищах, практически нигде не преподаётся композиция. Вскоре мы хотим зарегистрировать Союз композиторов Кузбасса, разделив его как бы на две части. Одна часть – музыканты с высшим музыкальным образованием, уже имеющие успешные творческие работы, а вторая – начинающие авторы, которым будет оказана всемерная методическая помощь. Сейчас для творчества музыкантов и композиторов есть свой дом – Дворец

культуры ГУК Кемеровского областного центра народного творчества и досуга. Теперь, наконец, есть помещение, где можно проводить концерты, семинары, диспуты, мастер-классы. Нужны и люди, которые могли бы профессионально писать о творческих работах кузбасских композиторов, их музыке, проблемах, планах; нужны и теоретики, которые бы могли править работы начинающих авторов. И члены жюри тоже должны показывать свои работы – что ты сам умеешь делать, чего стоишь! Такое направление весьма плодотворно, это доказано, так как оно уже повсеместно используется на конкурсах различных уровней.

От составителей

Опубликованный выше материал заслуженного работника культуры РФ, профессора *Анатолия Мохонько* вызвал живой отклик со стороны членов Союза российских писателей, проживающих на территории Кузбасса. Как сообщила нам член СРП, поэтесса, постоянный автор «Голосов Сибири» *Зоя Соснина*, стихи которой положены на музыку композитором *Николаем Гусевым* и озвучены самобытной певицей, уникальным голосом Сибири *Тамарой Хмиловской* (о чём подробнее см. предыдущий выпуск альманаха), организаторы конкурса недостаточно позаботились о том, чтобы о нём вовремя узнали в Союзе российских писателей и потенциальные участники, вроде *Гусева* или *Хмиловской*, работающие в тесном контакте с *Сосниной*. А узнавшему о конкурсе, что называется, в последний момент *Н. Гусеву* не хватило личных сбережений из скромной пенсии, чтобы купить билеты до Мариинска, где проводился первый отборочный тур. Будем надеяться, что организаторы следующего конкурса не оставят без внимания пожелания, высказанные в статье профессора *А. Мохонько*, а также наши скромные замечания.

Свет лампы

Андрей Дёмин
ТАЙНЫ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ

День премьеры приближался. Спектакль был обречён на успех; но некоторые вопросы, по мнению Даши Копеечкиной, ещё оставались нерешёнными: что-то важное, ради чего это представление затевалось, могло сорваться, – и Дашу это тревожило.

Даша Копеечкина, она же Ксения Невская, – гламурная шоу-вумен, известная своими шокирующими неустойчивую нравственность телепередачами, скандальными похождениями и выпустившая бестселлер, приоткрывавший завесу над частной жизнью рублёвских затворников, – так вот, Ксения, вкусившая славу, сочащуюся спелым персиком, с её обалденно-сладостным послевкусием, однажды заметила, что персик-то подсыхает, а в букете появился горьковатый привкус пренебрежения и снисходительного равнодушия. В какой-то момент она уловила неустойчивость и зыбкость всего мироздания, и её охватил прямо-таки экзистенциальный страх.

Это девицы, её удачливые клоны, – они моложе, наплее и беззастенчивее. К тому же: туда, куда ей приходилось ломиться, они входят уже без стука. Вот они и стали теснить, затирать, задвигать её в тень. Ещё потихоньку, но она это почувствовала: в случайно оброненной в её сторону ироничной фразе, в неосторожно-насмешливом взгляде. Пока незаметно – тем внезапнее, но неотвратимо пробьёт тот час, когда её просто выбросят на свалку шоу-бизнеса, как отработанный материал, никчемушку... Было тут отчего прийти в ужас.

Шарики в голове у Ксюши завертелись с запредельной скоростью – и осенило.

Спектакль! Её спектакль! Эпатаж, шок – да. Но это было, а вот гламурчика... До этого, кажется, ещё никто не додумывался. По крайней мере, так, как она себе это представляла. И имя на афише: пьеса Ксении Невской! Всех на место поставлю... Поглядим, кто здесь настоящая звезда, а кто просто... так, призрак гламура...

Бес деятельности обуял её целиком. Была цель – и оправдывались любые жертвы, которые могли бы эту цель приблизить к своему осуществлению...

Театр все равно что музей: мы туда не ходим, но приятно знать, что он есть.

Гленда Джексон

Буквально за месяц пьеса была написана. Не без помощи молодого драматургического дарования, которого она выбрала по своему шаловливому наитию, отказав доброму десятку прожжённых книггеров.

Протащив его на пару-тройку престижных презентаций и стильных тусовок, пропиарив его имя в своих передачах и в глянце у знакомых, распалив тем самым его амбиции, она получила то, чего хотела: дарование смотрело на неё с восхищением, уже воздыхало и было готово для неё на всё.

Всего ей было не нужно, только пьеса. И пьеса была написана. Какая получилась. Какую она хотела.

Конечно, можно было ему просто заплатить. Но мальчик-то не без способностей... А вырастет из него великий драматург? Значит – это интервью, мемуары, биографии. И она должна фигурировать в этих воспоминаниях во всём своём стильном блеске и щедром сиянии.

Затем, перебрав театры, определилась с режиссёром, которому доверила постановку своей пьесы.

Режиссёр был малоизвестный, нераскрученный, но талантливый и амбициозный. К тому же он обладал яркой мужской харизмой, обольстительно сочетавшей в себе примитивную необузданность и творческую изощрённость. Под власть этой харизмы Ксюша на какое-то время попала, но, быстро сориентировавшись, взяла ситуацию под свой контроль. «Главное – спектакль, а будет успех – и харизме воздастся...»

«Пьеса, конечно, не ахти, но Ксюша – это шанс, это бомба, – трезво рассудил режиссёр. – Если хорошо бабахнуть, будет и пресса, будет и касса... А там – усилию состав, сделаю приличный репертуар... Гастроли. Заграничные... Премии, звания... Слава... Надо постараться...»

И постарался.

И вот – премьера близилась...

– Ты что терзаешься? – глядя на беспокойно бродящую из угла в угол подругу, попробовал успокоить её режиссёр. – Всё будет нормально...

– Нормально... Ну что с того? Для кого нормально? Кто придёт на спектакль?

– Как – кто? И пресса, и критики... Нужные люди придут. Весь твой гламурный бомонд припрётся...

– Да-да, блуждающие модели, напыщенные кутюрье, полупьяная попса...

– А кого тебе ещё надо? – почувствовав неладное, насторожился режиссёр.

– Кого мне надо? Неужели я всю эту кашу заваривала, ночей недосыпала ради какого-то там гарема с его пристёбнутыми евнухами? Ради всей этой задницы?.. Мм? Не-е-ет... Мне нужно *самих*.

– Кого это – *самих*?

– *Самих*...

Ксюша закатила глаза кверху и направила указательный палец в потолок.

– А-а... – сразу успокоился режиссёр. – Так *сами* в театр не ходят. Если только на «Бориса Годунова» или на «Лебединое озеро».

– Да Бог с ними, с небожителями, – я не про них... Я о конкретных хозяевах говорю: олигархи там, банкиры... Мэр.

– Тоже неплохо. А сама что, не можешь пригласить? У тебя имя.

– Могу. Но они отбрыкаются. Поздравят, конечно, цветочки пришлют. А надо – наверняка; надо, чтобы пришли. Придумай что-нибудь, ты ведь у меня гений.

И Ксюша замерла в ожидании спасительного решения, напряжённо вглядываясь в своего режиссёра.

Режиссёр задумался, закурил; прищурился, следя за поднимающимися к потолку кольцами дыма. Лёгкая усмешка скользнула по его лицу.

– Ну?

– Ты дашь мне свою записную книжку, с телефонными номерами?

– Книжку? А больше ничего? Там же приватная информация... Для меня это тоже самое, что чёрту душу отдать.

– Тебе успех нужен? Вот и отдай... Не переживай, завтра верну. Во всей приватной целостности и сохранности.

– Что-то придумал?

Он молчал, загадочно улыбаясь. Колечки дыма снова поплыли вверх...

– Хорошо, – и, мгновение поколебавшись, повторила: – Хорошо. Но смотри... Подставишь – пощады не жди: проведёшь оставшиеся свои недолгие дни в доме инвалидов массовиком-затейником. Понял?

– Не переживай, всё будет нормально. Отдохнула бы... пока затишье. Завтра всё узнаешь, не переживай.

Оставшись один, режиссёр расслабленно откинулся в кресле и, успокоившись, привёл свои мысли в порядок: «М-да, идея, конечно, презабавная, но другой нет... Что ж, игра стоит свеч. Посмотрим... Да и отступать некуда: позади Ксюша».

Сел за стол, включил компьютер: «может пригодиться», положил рядом стопочку визиток, которые по его просьбе Ксения также оставила ему. Взял записную книжку и стал неторопливо перелистывать её, для начала отыскивая имена тех, чьи визитки были у него перед глазами.

Кто-то ему был известен, кого-то отметил по их указанным в визитках высоким должностям, какие-то имена выудил из записной книжки, предположив, что за ними могут быть те, кто ему нужен, – их и придётся пробить по интернету.

По своему простому замыслу он отбирал тех, у кого помимо официального номера телефона, и даже домашнего, были ещё и номера сотовых – либо подписанные на визитках, либо таящиеся в книжке. Смутная интуиция подсказывала ему, что так просто такие люди своими мобильными номерами разбрасываться не станут.

Через час список был готов.

«Вроде бы подходящие короли для нашей принцессы. Что имеем, то имеем – да и круче куда... И с кого же мы начнём?»

В список попало около десятка «королей»: депутат, очень авторитетный; газовый король; крупный банкир; хозяин сети супермаркетов... В общем, все очень и очень...

Прикинув расклад, для затравки режиссёр решил начать с винного короля.

Снял трубку, немного задержал руку, но решительно выдохнул и набрал номер первой жертвы.

– Да, – почти сразу ответили на том конце провода. Какой-нибудь охранник или секретарь – но не тот, кто был ему нужен.

– Могу я услышать Аслана Каримовича? Это режиссёр Потехтин.

– Аслан Каримович занят. Ему что-нибудь передать?

– Нет... То есть, мне бы с ним лично переговорить...

– По личным вопросам шеф принимает у себя в офисе. Запишитесь у секретаря; вам сообщат, когда Аслан Каримович сможет вас принять. До свидания...

– Подождите, подождите... Я так бы и сделал, но, понимаете, это касается не только меня... А когда я попаду на приём, некоторые события, которые Аслану Каримовичу были бы весьма интересны, уже произойдут...

– Какие события? Что-нибудь серьёзное? – встревожено завибрировала мембрана.

– О нет-нет... то есть, да... но не то, что вы подумали... Я не могу вам сказать: это конфиденциально... Понимаете?

– Личная информация... – раздалось затухающим эхом. Стало тихо. Пауза затянулась. Режиссёр подул в трубку.

– Да, я вас слушаю, – неожиданно раздался властный баритон, полутонами напоминающий взвизгивающее скрежетание наточенного ножа. – У вас для меня какая-то важная информация?

– Аслан Каримович, здравствуйте. Это режиссёр Потехтин...

– Да, я слушаю...

– Мы бы хотели пригласить вас на премьеру... В следующую субботу состоится спектакль...

– Кто – мы? Что за чёрт? Какой ещё спектакль?

– Премьерный спектакль. По пьесе Ксении Невской. Я по её просьбе и звоню вам, вот... Приходите, будет интересно...

– А-а, Ксюшин спектакль... Да-да, я слышал... Так ты её режиссёр? К сожалению, не смогу прийти: бизнес, знаешь ли, дела... Ксении моё поздравление. Впрочем, я сам её поздравлю... В следующую субботу, говоришь, премьеры?..

– В субботу. Только вот... Ксения очень хотела, чтобы вы присутствовали на премьере. Понимаете... как бы сказать... пьеса вам будет небезынтересна: вы же имеете к ней какое-никакое отношение...

– Я? Что-то не припоминаю... Какое отношение?

– Самое непосредственное. Понимаете, сюжет этой пьесы строится на интригах внутри любовного треугольника, на отношениях его участников... А прототипами их, вот... мы и являемся... – режиссёр затих, в ожидании реакции.

– Я-то тут причём?

– Ну, так, любовный треугольник – это мы: вы, Ксюша и я... Персонажи этой пьесы – это мы... Точнее, являемся про-образами...

Небольшая пауза: дошло – и с приглушённым возмущением:

– Какой ещё любовный треугольник? У меня семья, бизнес, репутация... Если это шутка, то неудачная... очень нехорошая шутка. Вы же понимаете, что у меня с ней ничего нет?

– Понимаю... Но, может, когда-то какой-нибудь знак внимания – случайный, неосторожный: лёгкий флирт, или ни к чему не обязывающий подарок – щедрого мужчины хорошенькой, симпатичной ему, женщине... колечко какое-то, кулончик... А у Ксюши воображение очень богатое, творческое... Вот она и представила, что у вас с нею бурный роман. Знаете, этот комплекс Золушки свойственен всем девушкам, какое положение в обществе они ни занимали бы.

– Так, значит, это не шутка, – и уже жёстко, угрожающе: – А это не шантаж ли? – Режиссёр замер: такого поворота он не предполагал. – Надо же – спектакль! Что-то новенькое... Артисты. И на что вы надеетесь? На скандал? Пропиариться на скандале? Тогда у вас проблемы. Очень серьёзные проблемы...

– О господи, Аслан Каримович, какой скандал? Зачем нам это нужно? Мы что, самоубийцы? Это же просто театр, искусство... Она и меня вписала в этот треугольник. Хотя, искренне вас уверяю, у меня с ней ничего такого не было. Так, лёгкие постановочные издержки – для лучшего взаимопонимания... Но ничего такого... Не переживайте: образы художественно проработаны, выведены на обобщение; любовный треугольник как

бы отражает в себе современное состояние общества, его треугольника: «власть – народ – интеллигенция»...

– Народ? Какой ещё народ в треугольнике?

– Ну, Ксюша, наша Золушка, – она и олицетворяет собой народ... Да и события в пьесе угадываются только теми, кто сам участвовал в них. Для остальных же всё выглядит отвлечённо. К тому же действие перенесено в другую обстановку: основные события разворачиваются на курорте... Вы, наверное, на курортах не бываете: не ваш уровень?

– Почему же: в этом году отдыхали с семьёй на Мальдивах.

– Вот! А у нас в пьесе события происходят в Куршевеле...

– В Куршевеле я побывал в прошлом году. Один...

Вопрос напрашивался сам собой, но режиссёр предусмотрительно промолчал.

– М-да, – потянул винный король, – придётся сходить на ваш спектакль. Любопытно, любопытно, что вы там начудили... Но смотри, режиссёр, если там какой компромат на меня, быстро вычислим, на кого работаешь. Тогда по другому поговорим...

– Да что вы, Аслан Каримович, компромат да компромат... Изящная мелодрама... Всё очень изысканно – полный гламур, так сказать... Музыка хорошая... Контрамарки мы вам пришлём... Всего доброго...

«Неплохо, неплохо... Надо же, проскочило, – режиссёр довольно потёр ладони. – Кто у нас следующий? – взял в руки список. – А интересно: было у них что-нибудь?.. Так, глава строительного холдинга, медиа-магнат... М-да, действительно любопытно. Что-то, наверное, было. Ох, Ксюша, вавилонская принцесса... Генерал какой-то. Зачем нам генерал? У нас тут целый список свадебных генералов... Ректор. Забавно... – режиссёру вдруг стало весело. Он был азартен и сейчас он узнал охвативший его трепет – трепет легавой, прочуввавшей близкую дичь и готовую сорваться со сдерживающего её тугого поводка. – Престижнейший университет, альма-матер сеятелей разумного, доброго, вечного... Неужели? Ох, Ксюша, Ксюша!.. Что ж, пусть будет ректор...»

И режиссёр снял трубку...

...А в это время на квартире у винного короля происходило следующее.

Супруга Аслана Каримовича, услышав от начальника охраны «личная информация» и заметив его обеспокоенность, решила подслушать телефонный разговор своего мужа.

Услышанное ввело её в замешательство. «Неужели он спутался с этой гламурной шлюшкой? Вот пёс, за старое, что ли, взялся?.. Закатить истерику? Но как она об этом узнала? Подслушивала? Тогда получается, что она всё время подслушивает его разговоры. Зачем? Тут ей самой может не поздоровиться... А если это в самом деле шантаж? Действительно, что-то новенькое... Прямо “Гамлет” какой-то... Тут не только репутация мужа может пострадать, но и бизнес, положение... их положение. Надо что-то делать...»

Её размышления прервал супруг, неожиданно зашедший к ней в комнату. Она приветливо кивнула ему. Заметила, что на его обычно невозмутимом, почти суровом, лице блуждала лёгкая, растерянная улыбка. «Значит, всё-таки, что-то есть, – констатировала она про себя, – но насколько серьёзно?»

– Дорогая, ты права: я что-то в последнее время заработался, совсем не уделяю тебе внимания... Я и подумал: не развеяться ли нам? Меня тут пригласили в театр, на премьеру. Я хотел отказаться, но вспомнил о тебе. Так что в следующие выходные мы идём в театр...

«Да... вспомнил обо мне...» – усмехнулась она про себя, но сказала, что она рада его вниманию и с удовольствием сходит в театр.

Оставшись одна, она снова задумалась над сложившейся ситуацией. Но, поняв, что одной ей не разобраться, решила позвонить подруге...

...Что тут ещё говорить – премьера состоялась... И был аншлаг... Были сборы, и были премии... Был успех... Лучшая премьера сезона! А делов-то всего – такая малость: записная книжечка...

По ту сторону реальности

Ирина Юсупова
ОБРЕТЕНИЕ ДУШИ,
или ЧЁРТОВЫ КОТЫ

Очнулась я сразу.
 И сразу поняла, кто я.
 Хотя до этого меня не было вообще.

Сделав в уме пару-тройку интегральных вычислений, я послала строго определённое количество специальной жидкости под строго определённым напором в глазные мышцы.

Мои глаза, как я и хотела, открылись.

Напротив сидел мой Создатель.

Он сильно обрадовался (я поняла, что эта мимика – радость, ...хотя и не поняла – почему?) и сказал:

– Привет! С рождением!

Я сразу же перебрала все тома литературы, что были заложены в меня, отыскала ситуации, соответствующие слову «рождение», и удивилась. Да, именно удивилась – по пути перебрав ещё два десятка словарей и энциклопедий, я уже знала, что такое удивление:

– Здравствуй. Но я вовсе не родилась.

– Ух, ты! – мой Создатель взъерошил густые и, видимо, давно не стриженные (все наглядные пособия по эстетике, внешнему виду, причёскам...) волосы и рассмеялся (я уже проанализировала, что эти странные, рокошующие звуки совместно с обнажённой ротовой полостью – смех...). – Она уже спорит! Но это здорово. Как самочувствие?

Я быстро проверила работоспособность всех систем, не забыла послать везде тестовые импульсы, получила положительные ответы и уверенно ответила:

– Отлично.

– Знаешь, я так рад... – сказал он, улыбаясь (обнажённые зубы, без рокошующих звуков...). – Ведь я и сам до конца не верил...

Я думала долго – видимо, что-то около 10^{-3} секунды. Вся история моего создания была записана во мне и я удивилась опять:

Научная фантастика пишется не для учёных, так же
 как истории о привидениях пишутся не для привидений.
Брайан Олдис

– Почему?

– Ну, как почему? – теперь уже удивился он. – Всё-таки, ты – первая! И как-то боязно было... а вдруг не получится?

– Но почему? – прокрутила я по новой всю свою историю. – И компьютерная модель, и все расчёты и просто здравый смысл – всё подтверждало то, что я буду именно такой. И повторила: – Почему не получится?

– Да что ж ты такая непонятливая, – улыбнулся он. – Ты ведь самая умная на Земле, соображай быстрее. Просто всегда есть... да! ...процент, скажем так... того, что не получится...

Я вычислила этот процент, пока он только ещё говорил само слово, и уверенно заявила:

– 10^{-1087} . Практически ноль.

– Ладно! – опять засмеялся он. – Это уже из области интуиции... – а потом вздохнул (быстрая прокачка воздуха в лёгких с серьёзной мимикой на лице...): – А вот этому-то как раз тебе ещё учиться и учиться...

– Я готова, – я села на ложе, где очнулась, чтобы жить, и смотрела на Создателя. – Учиться, тренироваться. Всё, к чему меня и предназначали.

Мой Создатель вдруг смутился (чуть заметное покраснение, расширившиеся зрачки, отведённый взгляд):

– Да... Вот что, – он встал и взял со стула несколько пакетов, и протянул мне. – Оденься-ка давай... Вот, держи. Сама разберёшься, что к чему?

Я опять ничего не поняла.

– Но мне не холодно. Зачем?

– Зачем, зачем... – опять вздохнул он. – Так положено! Я знаю, что тебе не должно быть ни холодно, ни жарко в очень широком диапазоне температур... всё так! Но люди ходят в одежде, у нас так принято!

На этот раз я вообще задумалась до 10^{-2} . Мой Создатель, видимо, заболел. Я встревожилась и перестроила организм на диагностику – рентген, ультразвук, флюорография, быстрые тестовые визуальные анализы. Нет! Все было в пределах нормы. Может, что-то с головой? Но тут без специальной диагностики не обойтись. Поэтому я осторожно сказала:

– Но я не человек.

– Мда... – он сел, опять вздохнул и поскреб затылок (я, увеличив зрение в восемь раз, отметила – выпало два волоса – в пределах нормы). – Чувствую, работы ещё с тобой... Ладно! – он хлопнул себя по коленкам. – Ты давай не спорь пока... с одеждой, я имею ввиду! ...а потом уж говорить будем.

Он отвернулся (вот странно!), повернувшись на вертящемся кресле, а я стала рассматривать содержимое пакетов.

– Я хочу спросить, – сказала я его спине.

– Валяй, – разрешил он.

– Зачем МНЕ бюстгальтер? Моя грудь никогда не растянется. Так что же её поддерживать?

– О, господи, – вздохнул он. – Надо было Светку взять...

– Свету Воронцову? – я прекрасно знала весь коллектив, который работал над моим созданием.

– Ну, да, да... – опять вздохнул он. – Ты там одеваешься?

– Я жду ответ, – напомнила я.

– Затем, что так принято, – терпеливо ответил он. – Ты должна стать человеком, понимаешь? Человеком во всём.

– Не понимаю зачем, – ответила я правду, но начала натягивать эту дурацкую конструкцию – бюстгальтер – а потом сказала: – Но пока просто подчиняюсь. Я оделась.

– Отлично, – он повернулся и оглядел меня: – Ну, что... вроде со всем разобралась сама, это радует.

Я опять ничего не поняла. Во мне были заложены миллионы образцов одежды, о которых мой Создатель, видимо, и сам не подозревал – от древних: кринолины и подвязки, туники и сандалии, сутаны и паранджи до самых-самых последних. Да и не только они сами, а всё – история, материалы, лекала и пошив, способы одевания и ношения. Всё, известное человечеству. Но спорить или спрашивать я пока ничего не стала – решила понаблюдать за новым миром, в котором мне предстоит жить, а потом уж и делать выводы.

– Значит, так, – продолжил мой Создатель. – Надо нам как-нибудь назвать тебя...

– Зачем? – не удержалась я и в который уж раз удивилась. – Ведь у меня есть имя! Правильное и очень красивое –

Био-механическая Модель Человека, Обучаемая, Самовоспроизводящаяся, С Автономным Атомным источником питания, №1, пол женский.

– О, господи... – вздохнул Создатель. – И что, предлагаешь так и звать тебя? Из комнаты, например – «Био-Механическая Модель...», ну, и так далее... – потом хохотнул: – Пол Женский, иди-ка сюда! Так, что ли?

– Конечно, – уверенно подтвердила я. – Это правильно.

– Правильно, но неудобно! – назидательно сказал Создатель. – Да я после первых же двух раз язык сломаю! ...или он вообще узлом завяжется!

Я честно пролиставала всю историю человечества. В отношении языков она была ужасна – вырванные, отрезанные, проколотые. Сломанных или завязанных узлом не было.

О чём я тут же и сообщила ему.

– Уф... – он сел на стул и закинул ногу на ногу. – Спорить с женщиной – это вообще опасно для здоровья, всем известно. А вот спорить с самой умной женщиной, видимо, просто безнадега. Ладно, спорить не будем. Иди-ка сюда, – он показал взглядом на соседний стул. – Садись и слушай меня внимательно.

Я села и настроила все рецепторы на максимальную чувствительность.

– Значит, так... – протянул он. – Ты будешь у нас... Ева. Понятно? И не спорь! Это удобнее. Мы же не зовём себя – Гомо сапиенс, рождения года такого-то, век Золотой, личный номер такой-то, пол такой-то... У нас есть ещё и имена! И меня будешь называть Боб... то есть, Борис, конечно. Усвоила?

– Да, – подчинилась я, но только в отношении его имени. Просмотрев всю историю ещё разок, я поняла, что имя Ева мне не нравится. – Не хочу быть Евой.

– А это-то почему? – устало спросил Созда... то есть Борис, конечно. Раз сам просил.

– В Истории мало Ев, которые вызывают уважение, – сказала я уверенно.

– Так то в Истории! – хмыкнул Борис. – А просто люди Евы очень даже ничего бывали! Значит, Ева, и это обсуждению не подлежит.

Я всё-таки ещё подумала и спросила:

– В честь сказки о первой женщине на Земле?

– Ну... сказка ли – это до сих пор толком никто не знает... – задумался Борис. – Но то, что ты тоже первая в своём роде – это факт.

Я решила просто подчиниться и промолчала.

Борис, опять встав со стула, принялся обходить меня вокруг и рассматривать. Странно... Будто он не видел меня до включения моего сознания?

– Так... – он, кажется, остался доволен осмотром. – Сидишь прямо... Отлично. А вот теперь давай-ка походи, подвигайся... попрыгай, что ли! А я посмотрю.

Я невольно пожала плечами и сама удивившись – что за жест? откуда? Ведь все мои ужимки и прыжки уже тысячу раз были просмотрены на компьютерной и голографической моделях! ...Ладно, прыжки, так прыжки – я поднялась и принялась старательно «двигаться».

Вся мимика Бориса была проанализирована мною и отнесена к разряду: «полное удовлетворение». О чём он не преминул сказать и сам:

– Здорово! Как настоящая!

– Лучше, – поправила я его. – Мои движения, в отличие от людских – совершенны.

– А вот это уже типично по-женски! – хохотнул он. – Ну, а с внешностью-то мы тебе хоть угодили? Нравится?

Я прекрасно, даже ещё не смотрясь в зеркало, знала свою внешность – высокая, стройная, с густыми русыми волосами, светло-кариими глазами и правильными чертами. Почему она могла не нравиться? О чём я тут же и спросила Бориса.

– Да... – протянул он и вздохнул. – Это уж ЛЮДСКИЕ прибабахи... Из серии «Любовь зла»... И чему, кстати, – он поднял палец, – тебе и предстоит учиться.

– Я готова! – решительно и в который уж раз заявила я.

– А это не сейчас и не здесь, – улыбнулся он. – Это там, – он махнул в сторону окна, – среди людей...

* * *

Ну, вот. Кажется, первый блин в поговорку не вписался – вовсе и не ком!

Я смотрел на нашу первую Био-Механическую, Само... Фу, чёрт! Вот ведь – заразила! На нашу Еву, конечно. ...Пол женский.

Внешне во всех отношениях – просто блеск!

И соображает что твой компьютер.

И реакции, и движения... Всё, вроде, нормально...

Вот только – не человек, как и сама верно сказала... Эх... А ведь это-то как раз нам больше всего и надо!

Что же, будем учить и посмотрим – стоит ли вообще вся эта затея чего-нибудь...

Я набрал Валеркин номер. И, конечно, разбудил – время-то четыре утра всего...

– Убью, хоть и не знаю кто... – пробубнил он. – НУ?!?

– Я подключил её, – только и сказал я.

Валерка сразу окончательно проснулся и обиженно засопел:

– Вот так, значит... – протянул он. – Один, значит... А нас, вроде как и нет, значит...

– Валер, – я понимал, что он отчасти прав... но... – Валер, так было правильнее.

Он ещё посопел немного, но потом интерес взял верх над остальным:

– И как она?

– Спорит, – вздохнул я. – И много чего не понимает, конечно...

– Слушай... – он уже шуршал одеждой, одевался. – Ты там это... Будешь ещё? Я через минут сорок подскочу!

– Буду, конечно, – сказал я и удивился: – А что это так долго?

– Так я в Солнечной Бухте... – пропыхтел он, видимо, влезая в свои жутко узкие модные штаны... – в той, которая в Антарктиде...

– Ну, занесло, как всегда! – хмыкнул я.

– Ага, – подтвердил он и засмеялся: – Чего ради Мино-сан не сделаешь! В общем, жди! – и отключился.

Я усмехнулся. Валерка был в своём репертуаре – если уж любовь, то экстремальная! Если уж в песке – то Сахара, если в снегу – то Антарктида, если в воде – то какая-нибудь впадина в Тихом, как минимум. Ладно, его дело, конечно.

Я опять посмотрел на Еву – она прилежно смотрела фильм, который я ей поставил – «Ромео и Джульетта», старый как сам мир, и такой же красивый...

– Ну, как? – спросил я, потому что в центре комнаты, где до этого и разворачивалось всё голографическое трёхмерное действие, уже повисли титры.

– Не понятно, – пожала она плечами, и я улыбнулся – этот жест, такой человеческий, мне уже нравился:

– А что именно непонятно?

– Почему такие сложности? – она опять пожала плечом. – Ну, не разрешают, ну и что? Как будто мало вокруг других людей для совокупления.

– О, господи... – в который раз вздохнул я. – А любовь? Ты так ничего и не поняла? Ведь они любили друг друга!

– Я тоже всех люблю, – спокойно посмотрела она на меня. – Всех людей. И тем более моих создателей. Но убивать себя из-за того, что мне не разрешат с кем-то видиться? Неразумно.

– Мда... – протянул я. – Неразумно. Так-то оно так, конечно...

– И вообще, – также спокойно сказала она. – Я прекрасно знаю эту историю. Она записана во мне и в оригинале, и переведенной ещё на тридцать два земных языка... Кстати... многие переводы слишком далеки от оригинала!... И мог бы просто сказать – «Ромео и Джульетта», Шекспир. Зачем время терять?

– Мда... – только и оставалось опять протянуть мне. – Но ведь посмотреть всё это в «натуре», так сказать... почти пожить среди героев... разве не понравилось?

– Понравилось, – сказала она бесстрастно. – Но разве у меня нет более конкретных задач? И зачем тогда терять время?

– Опять ты про время! – даже рассердился я. – Ты человеком должна стать, понимаешь? Сколько бы на это время ни ушло!

– ...Ну, ваащеее! – протянул от двери Валерка. – Бой, дебаты, клочки по закоулочкам! – он подошёл и тоже, как и я сначала со всех сторон рассматривал Еву. – Ну, мать честная! Прямо настоящая!

Я улыбнулся. Валерка наблюдал создание Евы, что называется, «от» и «до». И, тем не менее, радовался, как и я.

– Ну что, ребята, – улыбнулся я. – Знакомьтесь, что ли...

– Это Валерий Отстоев, – тут же вставила Ева. – Я знаю.

– ЧТО?!?! – завопил Валерка, в то время как я захохотал. – Это чьи штучки?!? Убью всех, – а потом сурово сказал Еве. – Устоев. Запомнила? У-сто-ев.

– Опечатка, Ева, – вставил я. – Кто-то неправильно завёл его фамилию...

– Ева?... – прошептал Валерка и сник. – Боб, зачем?...

– Я думаю, в честь первой женщины на земле, – предположила Ева.

– А я думаю иначе... – Валерка подошёл ко мне и грустно посмотрел в глаза: – Ну, зачем, Боб? Разве ТУ ЕВУ кем-то заменить?...

Я промолчал. И здесь он был отчасти прав... Но только отчасти... И именно тем, что мою погибшую сестрёнку Еву, по которой он в своё время так вздыхал, конечно, заменить уже нечем... И всё же я решительно и как только мог спокойно сказал:

– Значит, так. Имя уже есть, Ева уже Ева, и обсуждению это не подлежит. Вопросы есть?

– Есть, – тут же встряла Ева. – Что мне делать дальше?

– Что ж... – вздохнул Валерка. – Ева так Ева... – а потом улыбнулся ей: – Знаешь, а тебе идёт вообще-то... Имя это.

– Так что мне делать? – не унималась наша Био-Механическая.

– Ты спать, случаем, не хочешь? – в последней надежде спросил Валерка и зевнул. – Время пяти нет... Придавили бы на диванчиках до всеобщего прихода по паре-тройке часиков, а? А потом уж и работа...

– Я не хочу спать, – как я и думал, заявила тут же Ева. – И вообще могу не спать очень долго. Почему ты спрашиваешь? Ты должен это знать.

– Во как! – поднял брови Валерка. – Основного программиста по твоим же мозгам – и мордой в лужу.

– Так, так, – хохотнул я. – Мне одному надоело с ней бодаться, вот тебе и звякнул.

– Ладненько, – Валерка обладал поистине самым покладистым характером на земле. – Значит, бум бодаться! Садись-ка... Ева. В ногах правды нет! И поговорим уже серьёзно...

* * *

Наконец-то я смогла вздохнуть спокойно: с Валерой мы действительно говорили по делу – он завалил меня тестовыми задачами и по математике, и по физике, и по программированию, и по устройству тоже отчасти «разумного» корабля, с которым мне в дальнейшем придётся так много общаться, и по биологии человека, и вообще по всему тому, чем с такой щедростью наделили меня люди.

Отвечала я безукоризненно, и он только довольно похмыкивал – видимо, был рад работе отделов памяти в моём мозге.

Потом начались тестовые задачи с компьютером. Тут уж и Валера, этот с человеческой точки зрения компьютерный гений, был не в состоянии проследить за правильностью ответов – ведь всё-таки он был только человек, а не машина.

Борис всё это время находился рядом, но вопросов не задавал, только наблюдал.

Я же наблюдала за ними.

Странно! Всё было странно.

Вроде бы я знала о людях всё. Ну, или почти всё.

Конечно, какие-то личные истории, случаи и ситуации в Историю не впишешь, это понятно. Но во мне была вся их Литература! И разве сами они не говорят, что их Литература и есть вся История?...

И, тем не менее, я не понимала их...

Эти их эмоции, смех, удивление... Почему?

О чём я сразу не преминула им сообщить.

Они переглянулись, Борис хмыкнул, Валера рассмеялся:

– Милая Ева! Тебе от роду... около 5 часов. Ну-ка, подумай внимательно, что может делать и понимать 5-ти часовой ребёнок?

– Но я не человек! – в который раз возразила я.

– Человек, Ева, – улыбнулся Борис. – Самый настоящий. Только немного улучшенный, усовершенствованный и рождённый сразу взрослым... уж, извини, что отняли у тебя детство... Но думаю, что это компенсируется всем остальным – твоими недоступными обычному человеку способностями, знаниями, долгожительством... и даже твоей миссией... от которой ты, впрочем, вправе отказаться! Ты должна понять – мы действительно делали Человека, а потому оставляем тебе все твои человеческие права. И когда ты окончательно разберёшься и в себе, и в нас... вот именно тогда тебе и решать свою судьбу.

– Как торжественно и патетично! – хмыкнул Валерий. – А по-простому, Ева, ты – ещё и СВОБОДНЫЙ человек.

Я честно прокрутила в себе историю моего создания, все средства и знания, что вложили в меня люди. И решила, что отказываться от своего предназначения – значит просто... свинство! Наверно, так сказали бы люди.

И, конечно, сразу же сказала об этом им.

Они опять переглянулись, Борис засмеялся:

– Ты делаешь успехи! И всё же... Всё же. Ты должна сначала в полной мере представить себе, что бы мы хотели от тебя. Ведь История и данные – это одно... А вот «живые», так сказать, рассказы...

– Совсем другое! – перебила я. – Я уже поняла, что вы не сумели описать и десятой доли того, что чувствуете.

– А поэтому, – перебил теперь уже меня Борис, – давай-ка просто поговорим. А ты спрашивай, если что непонятно.

– Я готова! – тут же встала я, опять перестраивая системы на максимальную чувствительность... Впрочем... Как-то это уже получалось само собой... и, видимо, люди бы просто сказали: «Я сосредоточилась».

– Итак, – Борис встал, заложил руки за спину и принялся ходить по комнате. – Тебе, конечно, известно, что с открытием новой, фактически берущейся из самого Солнца, энергии, человечество очень быстро изобрело и новый вид транспорта, который может двигаться со скоростью, близкой к скорости света?

Я кивнула.

– Очень скоро, – продолжил Борис, – была изобретена и «нуль-транспортировка», как тут же окрестили её все по уже давно придуманному фантастами названию. И Земля стала для человека чем-то вроде большого парка, что ли... Канули в лету дальние переезды и путешествия, добраться из Америки в Японию, с одного полюса на другой – всё это стало сродни ушедшим в Историю поездкам на метро.

– Нет, – не смогла не поспорить я. – На метро было медленнее, опаснее и вреднее. И для человека, и для природы.

– Ну, разумеется, – хмыкнул Борис. – Мы-то этого не помним, конечно... Но говорят, что так.

– Да... – задумчиво протянул Валера. – Вот ведь интересно-то было! Люди тогда ПУТЕШЕСТВОВАЛИ ПО ЗЕМЛЕ! Представляете, как здорово! С багажом, одеждой, едой... Наверно, это было потрясно!

– Я представляю только, – опять хмыкнул Борис, – как бы ты этот самый свой багаж собирал – уж недели две точно! Одних модных штанов контейнер!

– Ну и что? – возмутился Валерий. – Любить модные штаны законом, кажется, не запрещено!

– Ладно, мы отвлеклись, – продолжил Борис. – Так вот, понятно, что и Солнечная система очень быстро стала для человека домашней и близкой... И, конечно, тогда наши мысли и дела устремились к звездам... Увы. На самой близкой к нам – Проксиме Центавра – не оказалось не только разумной жизни, но и жизни вообще...

– Я не понимаю, – тут же встала я. – Зачем Человеку кто-то? Когда, наконец, побеждены болезни, когда нет войн, когда жить так просто и здорово. Зачем искать что-то, что может всё это нарушить?

– Ну... – протянул Борис и развёл руками. – Видимо, в этом как раз и весь человек – он всё время что-то ищет...

– ...на свою задницу! – хохотнул Валерий.

– Это неприличное выражение! – тут же нахмурилась я.

– Правильно, хоть ты его осадил, – улыбнулся Борис. – А то этот любимец женщин иногда думает, что ему всё можно.

– Да я так! – округлил свои красивые (с точки зрения людей) синие глаза Валерий. – Ну, ведь из песни же слов... как говорится...

– Я всё это знаю! – всё-таки решила перебить я. – И о том, что вскоре были разосланы спутники в разные концы Вселенной, и о том, что скоро обнаружили жизнь – высокоразвитую цивилизацию на *****, и о том, что человек не сможет туда попасть...

– Не так, – перебил Борис. – Попасть сможет... Ценою всей жизни... А вот вернуться! Не настолько уж мы долгожители, и тут – увы...

– Кстати, – вставил Валерий, – добровольцев было – хоть отбавляй! Но Закон...

– Правильный Закон! – одобрила я. – Что, кроме жизни, ещё имеет ценность? И если вся эта жизнь уходит на одну поездку... Да и кто тогда вернётся, спрашивается?

– Добровольцы думали, что дети... Дети тех, кто и полетит, – задумчиво сказал Борис. – Но до сих пор так и спорят...

– И поэтому была создана я, – подвела итог я. – И ещё будут созданы подобные мне, так? Мы-то и должны заменить людей – ведь наша жизнь в десять раз дольше!

– Вот этого-то как раз бы и не хотелось... – теребил подбородок Борис. – Не заметить, нет... СТАТЬ людьми! Быть законными нашими представителями... Вот так, пожалуй.

Я подумала над этой мыслью и вдруг, неожиданно даже для себя, спросила:

– Расскажите мне о ТЕХ... Ну, о тех, к кому мне предстоит лететь... Я, конечно, знаю всё... Но ведь вы хотите сделать из меня НАСТОЯЩЕГО человека? Вот и расскажите своим языком... А не фактами и отчётами.

Они опять переглянулись и я силилась понять – может, они скрывают от меня факт телепатии?... Но Борис улыбнулся и сказал:

– Это здорово! Твоя просьба... Слушай.

Они гуманоиды и очень похожи на нас – строение тела, прямое хождение, двуполость... Только некоторые расхождения во внешности – нам они почему-то сразу напомнили весёлых

котят – большие удлинённые и любопытные глаза, несколько большая, чем у нас волосатость – предмет их постоянных мод и ухода, да и полная генетическая с нами несовместимость. Но они сразу же покорили наши сердца – весёлые и такие открытые, добрые и смешливые! Им даже в голову не пришло напасть на наши спутники – а ведь это были чуждые им предметы! Все их действия выражали одно – милости просим! Мы рады дружить с вами! Долгое, очень долгое время, мы лишь обменивались информацией и, несомненно, обе цивилизации столько приобрели от этого общения! И мы и они сделали громаднейшие скачки в науке и технике. Но вот наши встречи... Увы, увы и увы... Их закон, до странности похожий на наш, также запрещает им тратить самое драгоценное – жизнь – на перелёт... Да и к тому же их жизнь даже чуть короче нашей, так что и они не могут пока реально протянуть нам руку... Сейчас, конечно, обе наши цивилизации бьются над двумя проблемами, мешающими этому – над продлением жизни или анабиозом. Но и тут – увы... Что-то никак. Видно, всему на свете есть пределы...

– Но я опять не понимаю... – перебирала я в голове кипы информации. – Вы, научившиеся выращивать себе новые руки и ноги... изменять внешность... вставлять новые органы взамен заболевших старых... Вы, создавшие моё прочное тело... Разве вы не могли бы заменить на такое же и своё?

– Что-то всё-таки мы упустили... – задумчиво теребил подбородок Борис. – Разве ты сама не знаешь?

– Ну, так первая же, всё-таки! – вставил слово и Валерий. – Видимо, упустили! Но следующие умнее будут.

– Твоё тело, Ева, состоит из клеток человека, это так, – продолжил Борис. – Но из НОВЫХ клеток. Улучшенных, усовершенствованных и... совершенно не совместимых с нашими!... Тоже увы. Как не может ткань одного человека прижиться на другом, так и не можем мы себе создать новое, «долгоживущее» тело... Оно несовместимо с мозгом... И над этой проблемой колдуем!

– ...Ой, ребята! – в комнату вошла Светлана Воронцова – маленькая и пухленькая девушка, биолог, врач и мой культурный

просветитель по совместительству. – Ой, ну я как чувствовала! Ой, хорошенькая!

Она подошла ко мне и, улыбаясь во весь рот, так же как и все до этого принялась меня рассматривать.

– А тебе-то что не спится? – улыбнулся Борис. – До начала рабочего дня ещё пропасть времени.

– Ну... я это... – мельком взглянула она на Валерия, тот хмыкнул, а Борис резюмировал:

– Ясно. Значит, скоро здесь все будут. Вот ведь...

– ...Вот ведь свинство! – сказал от двери следующий человек, а именно Клод, нейрохирург и «ваятель моих извилин», как он сам себя называл.

– Свинство, свинство! – отодвинули его ещё два вошедших – химики Ишам и Дана.

– ...Самое свинячье, можно сказать! – засмеялся и новый вошедший – физик Клиффорд...

В комнате скоро стало тесно – вся дружная и талантливая команда моих творцов явились с разных концов их родной планеты.

– Ну, раз уж все в сборе, то начнем, – встал с кресла Борис и обернулся ко мне: – Прошу любить и жаловать! Ева!

* * *

Начались будни.

Эйфория от рождения Евы улеглась и все, как и прежде, погрузились в работу «по уши» – в этом моим ребятам фанатизма не занимать, команда и правда подобралась классная...

Ева, Ева...

И что-то мы всё-таки упустили...

Может, не врут все религии мира, говоря о душе? Может, есть она всё-таки? И, может, ни сделать её нельзя и ни синтезировать?...

Ева была совершенна. Абсолютно совершенна. Да и просто абсолютна...

Но она так и не становилась человеком...

...А ведь она так старалась!...

То ли она действительно просто не знала усталости, то ли ей передался общий фанатизм моих ребят, но и она работала

по 20 часов в сутки, причём делала это вовсе не «из-под палки»! Я видел, что ей нравится решать поставленные задачи, нравится добиваться чего-то в работе, да и просто нравится быть всем полезной – что ни говори, а она была чем-то сродни ходячей энциклопедии, не зря ведь целая команда программистов под предводительством Валерки закладывала в её мозги почти три года все доступные на Земле знания!

И при том она по-прежнему оставалась... машиной...

Когда вся лаборатория охала и ахала над Светкиной редкой орхидеей, цветка от которой она добивалась, кажется, всю свою жизнь, она просто спросила – а зачем? Разве не проще вывести на окно голографическое видео с запахом?...

– Но она... живая! – прошептала растерянная Света.

– Вот и плохо! – уверенно сказала Ева. – Значит, завянет в конце концов!...

Её не трогали ни слезливые фильмы, над которыми дружно хлюпала в платки вся женская часть моей команды, ни пухлый, «дворянских кровей» щенок, непонятно каким образом как-то «образовавшийся» в лаборатории, да так, несмотря на моё на то несогласие, у нас и прижившийся...

И когда она, по-прежнему впитывающая всё как губка и слушающая все земные и людские истории, однажды попросила рассказать меня о сестре... Я засомневался.

Но она с надеждой смотрела такими красивыми, как старый коньяк... как тёмный янтарь... чистыми и большими глазами, что я решился:

– Что ж... Хотя, как ты понимаешь, это болезненное для меня воспоминание...

– Болезненное? – всё-таки не поняла и удивилась она. – Как воспоминание может быть болезненным? Может, ты путаешь? Ты хотел сказать неприятным?

– Нет, Ева... – вздохнул я. – Болезненное... Душа болит... Понимаешь?

– Душа... – протянула она, и честно созналась: – Не понимаю. Это здесь? – она показала на сердце. А потом и вовсе нахмурилась: – Никто не может мне сказать, где находится душа. Это так сложно? Это секрет людей?

– Мы и сами не знаем, – грустно улыбнулся я.

– Но ведь ты говоришь – болит! – изумилась и широко распахнула глаза она. – Раз болит, то ты должен чувствовать где! Хотя... – вздохнула она. – Я просканировала тебя уже... Ничего у тебя не болит. Но я тебе верю. А значит, – она опять вздохнула и я порадовался, что хоть это она умеет, – ...а, значит, не понимаю...

– Ладно... – собрался и решился я. – Послушай. Может, и поймешь.

Впрочем, рассказ-то был недолгим.

Ева, моя младшая и такая любимая сестрёнка была и любимицей всей нашей лаборатории. Она училась в Университете на Биофаке и, конечно же, хотела прийти ко мне в группу. Но я был строг. Сестра-то, она, конечно, сестра! Но все мои люди были талантами, не меньше.

Ева знала это и старалась вовсю – я уже, втайне усмехаясь, верил, что всё у нее получится и мне не придётся краснеть за мою девочку. Она работала как ненормальная, выигрывала все возможные конкурсы студенческих работ, была «звёздочкой» факультета, я мог сказать это без ложной скромности...

...Чёртов кот.

НЕНАВИЖУ!!!

Ненавижу всех котов и кошек.

Вечно лезут, куда не надо!!! Вечно их приходится спасать...

Вот и Ева... Она понадеялась на своего «мастера спорта» по плаванию и полезла зимой, по морозу, спасать из полыньи этого ЧЁРТОВОГО!! ЧЁРТОВОГО КОТА!!!

...И ведь можно было вызвать спасателей...

Или просто бросить тому шарф...

А, может, она и бросала... Кто ж теперь скажет?... И, может, это ведьминское отродье не мог или не хотел зацепляться за её длинный шарф?...

...Только увидел её какой-то одинокий прохожий (мороз всех загнал по домам!), когда она, выкинув подальше на лёд этого сволочного кота, уже совсем погрузилась в воду...

...Спасатели у нас быстрые...

И были они на месте буквально через пять минут...

Но её ещё надо было найти под водой...

И потом вытащить...

И мы пока не боги...

...И мозг по-прежнему умирает как раз через эти самые пять минут...

...И «мастер спорта» её так и остался ни при чём... Просто судороги от холодной воды захватили всё тело – ведь в бассейне, где она занималась, вода всё-таки тёплая...

Чёртов кот.

...Ева слушала внимательно, а когда я затих, тут же спросила:

– Пожертвовать своей жизнью ради кошки? Не понимаю... – и сокрушённо пожала плечами.

– Она не хотела жертвовать, – пытался я выплыть из тяжких воспоминаний. – Она ведь не думала, что так получится...

– Но это можно было предвидеть! – не унималась Ева.

– Да, наверно... – вздохнул я. – Но чувства иногда сильнее разума...

Ева словно споткнулась – мы шли с ней по парку.

– Значит... – она задумчиво посмотрела на меня. – Значит, я никогда так и не стану человеком... Ведь я всегда сначала просчитываю ситуацию... И эти ваши чувства... Не понимаю.

– Ева... – я взял её за плечи... такие нежные и хрупкие, несмотря на скрытую в них мощь (уж кто-кто, а я знал!) и посмотрел в глаза. – Ева, ещё не вечер, как говорится... Будем стараться, да?

– Да, – решительно поддакнула она. – Будем!

* * *

Я – чужая.

Я живу среди них, я учусь, я помогаю, я работаю...

Но я – чужая. Я не понимаю их.

Борис говорит – со временем...

Но маленькие дети, младше меня, всего-то двух-трёх лет от роду, уже способны зареветь, когда по телевизору в мультике кто-то умирает...

И я по-прежнему не могу понять – как это можно так страдать над выдуманной историей?

Да и над невыдуманной тоже... Если она уже произошла и помочь нельзя, так что переживать? Действовать нужно, когда есть смысл! ...а так...

Не понимаю.

Но ведь я что-то, да чувствую!!

Борис... Он нравится мне больше остальных. Я пыталась проанализировать – из-за того, что он – руководитель? Или из-за его обширных, намного более обширных, чем у других, познаний? Или просто потому, что он более всех проводит со мной времени?

Не понимаю.

Может, это та самая пресловутая любовь, которой напичкана под завязку вся история человечества?

Может, но я и этого не понимаю.

Да и будущее моё мне видится только с одной стороны... Да, я человек с биологической точки зрения. Даже самовоспроизводящийся человек. То есть, если я когда-то совершу в определённый момент времени половой акт с женщиной, то у меня может быть ребёнок. Ведь, как это ни странно со стороны людей, но генетические клетки они оставили мне неизменными и в этом смысле я полностью совместима с земными мужчинами...

Но ведь, как они сами утверждают – для этого нужна любовь!

Не понимаю...

И поэтому, видимо, для меня самое разумное – это полёт...

Подготовка к нему идёт полным ходом. Корабль, огромный и совершенный, собирается на околоземной орбите.

Вот только окончательное «добро» на создание экипажа из людей, подобных мне, от Бориса так и не получено...

Идут жаркие дебаты и баталии на разных учёных советах, сессиях и пленумах, вся печать, радио и телевидение обсуждают меня с утра до вечера – я ещё и телезвезда!

А мне это всё равно – умом-то я понимаю термины «слава» и «знаменитость»... Но зачем, какой прок?

Наслушавшись Светиных впечатлений о новом любовном романе, прочитанным ей, а потом и прочитав его самостоятельно,

я решила сама «воспитать» в себе любовь. Может, получится?

Когда я «сстроила глазки» Борису, он сначала вытаращился и даже открыл рот. А когда я (ну, как в романе! ...старалась ведь...) начала говорить «с придыханием» и «волноваться в груди», он начал хохотать как полоумный. Я же, не теряя времени, тут же правильно и красиво (мои создатели позаботились и об этом!) пропела:

– Уси-пуси, миленький мой...

– Что?! – Борис рухнул на стул, держась за живот.

– Мой мармеладный... – прошептала я, прикрыла глаза, облизала губы, а потом и вовсе закусилась одну...

Борис уже даже не смеялся, а как-то порывкивал:

– Всё... Светку – прибыло! Это из каких же мохнатых веков она эту дурь несусветную выкопала?

А потом, отсмеявшись, и смахнув слёзы, грустно сказал:

– Вот только цирка не надо, ладно? Ты лучше, когда ты естественная... Не изобретай чувств, это ведь страшно на самом деле – изобретать чувства... Они просто должны быть сами. Или не быть.

– Но я хотела полюбить тебя! – искренне созналась я.

– Но любовь – она тоже чувство! – вздохнул он. – И она либо есть, либо нет...

– Значит, у меня ничего не получилось? – вздохнула и я. – А ведь в книге так и было... В вашей книге. Которую написали люди.

– Ева, Ева... – вздохнул и он. – Как же это объяснить-то мне тебе?... – а потом махнул рукой: – Нет, давай, не будем, ладно? Если ты что когда почувствуешь – сама поймёшь... И без всяких «уси-пуси»...

* * *

Я остался один.

Всё-таки в конце дня, а иногда и почти ночью, но все разбегаются.

Кто к родным, кто к любимым...

И Еву куда-то утащили. На дискотеку, кажется...

Мои же родители насовсем обосновались в поселении на Луне, не желая будоражить знакомыми до боли местами на Земле воспоминания о дочери. Я изредка навещаю их, но ненадолго – опять разговоры, слёзы и древняя, как сам Мир, валерьянка...

А с женщинами как-то не заладилось. Нет, есть, конечно, знакомые и даже очень-очень знакомые... Но.

Но всё это на расстоянии.

...Весело клацая по полу когтями, ко мне подошёл наш пес. Мои неунывающие подопечные дали ему развесёлое имя – Мяв. Это по аналогии с каким-то тоже древним, но до сих пор очень любимым детьми мультиком, где герой – котёнок Гав.

– Ну что, псина, говори – что хочешь? – почесал я его за ухом.

Вся собачья конструкция в виде крутящегося хвоста, умильно прижатых ушей и мокрого языка, сладко лизнувшего меня по рукам, выразила полное негодование – да разве я за этим? Ничего не хочу, просто люблю. Только наглые и хитрющие глаза говорили о другом – ну, гулять, разумеется, не понимаешь что ли? А потом поесть поплотнее, чтобы спалось получше.

– А то ты спишь плохо! – хмыкнул я.

«Я?!?! СПЛЮ?!?!» Пёсья морда, выразила такое возмущение, что я рассмеялся. «Да я тут всю ночь как БОБИК!!! СТО-РОЖУ!!!» Глаза же по-прежнему хитро подмигнули – а что ещё делать, по твоему? Роботов-убошиков, что ли, гонять? Так нечто мы без понятия? Нельзя. Я, между прочим, научная и интеллигентная собака.

– Ах, вот оно что! – протянул я серьёзно и сказал: – Ну, пошли, научная и интеллигентная собака.

Мяв с радостным взвизгом бросился к двери – к своему ошейнику на крючочке. И хотя этот всеобщий любимец и баловень никогда не носил сие «украшение» на шее и пребывал в полной уверенности, что оно предназначено исключительно для гуляющего с ним человека – чтобы держал его, да похлопывал себя по ноге, но ритуал есть ритуал! Он принёс мне ошейник и сунул в руки.

В институтском парке была тишина.

И, видимо, последнее осеннее тепло бабьего лета...

Мяв по-щенячьи весело врезался в заботливо собранные роботами-дворниками кучи осенних листьев и, фыркая, разбрасывал их в разные стороны. Роботы же, почуяв не порядок в своих владениях, вылезли откуда-то из невидимых укрытий и начали опять наводить красоту. Их матово поблескивающие в свете луны корпуса выглядели как-то даже укоризненно.

Я помотал головой и усмехнулся. А потом позвал Мява:

– Мяв, дружище, тебе не стыдно? Надо уважать чужой труд.

Подбежавший пёс уставился на меня недоумённо – а ты, случаем, не заработался?

– Точно, Мяв... Заработался, и ещё как. И вот что... – тут я вслух выразил то, что мучило меня уже несколько часов: – Скажи-ка мне, что это вдруг Ева решила полюбить именно меня, а?

Мяв плюхнулся на попу, почесал лапой ухо и призадумался.

– Вроде и староват... молодежи полно... и не красавец далеко...

Мяв соорудил такую мину, что я, в который раз подумав, что он понимает абсолютно все людские слова, рассмеялся:

– Да, ты прав... Это не главное.

Мы, уже давно научившиеся менять свою внешность, со временем отошли и от радикальных переделок самих себя. Но было, было... Из песни слов, как говорится...

После открытия и упрощения процедуры этих переделок, все словно ополоумели. По улицам ходили сплошь кинозвезды, атлеты и модели. Реальные звезды, с которых и ваялась эта красота, то пытались судиться, то сами переделывались, а то и просто, но страшно – спивались и безнадежно теряли квалификацию...

Продолжалось это до странности недолго. Все быстро успокоилось и переделки стали только по необходимости. Ну, например, если девочка, занимающаяся балетом и всю свою недолгую жизнь мечтающая о воздушной Жизели или искромётной Одилии вдруг вымахивает за два метра ростом? Плакать и вздыхать? Перечеркнуть весь титанический труд маленькой

балерины? Конечно, нет. Вот тут-то и идут в кабинет «телостроения».

Или, наоборот – парень, мечтающий с детства о победах в баскетбольных баталиях, но увы, так и не переросший свои генетические 160 см...

Никто теперь не страдает по поводу сломанных ног, кривых носов, выбитых зубов... Омолаживаются – но в меру и для здоровья, а не когда это становится гротескным и грустным... Все немного подправляют свою внешность, но именно СВОЮ! Вот уж поистине жива в веках народная мудрость – «Пусть меня полюбят за характер!»

Мяв, видя, что я опять задумался, занялся своими собачьими делами – яростно работал лапами и уже уйдя под землю почти до хвоста, что-то там откапывал. Несчастные роботы стояли недалеко и ждали окончания вакханалии – наводить порядок...

Мяв же, выкопав, наконец, свою добычу, а именно что-то давно ужедохлое и, видимо, поэтому жутко вонючее, принялся самозабвенно на нём валяться.

– Ну, давай, давай... – хмыкнул я. – Собачью натуру не переделать. Только недолго тебе благоухать этими «неземными» запахами придётся, дорогой. Да что я говорю, сам же знаешь – уборщики на входе и продезинфицируют, и вымоют, и высушат. И будешь опять обычным институтским околonaучным псом...

Мяв, услышав мой голос, подбежал опять – его морда выражала абсолютное удовлетворение и полное счастье. Да уж, при таком-то запахе! Видимо, дураки всё-таки люди, раз не понимают этого.

– Мяв, почему мне так грустно? – удивившись сам себе, спросил я пса. И, не дожидаясь «ответа», продолжил: – Меня уже забомбили почтой, звонками, теле- и видео- посланиями. Пора давать «добро»! Ведь Ева – всеобщая любимица землян, все ждут продолжения проекта по воссоединению двух цивилизаций... Мне даже предлагали... нет, ты подумай только! ...золото!! Вроде как думали, что средства кончились. Мяв, как тебе это? У НАС! У землян! У неприлично

богатых и обеспеченных существ, которые, в принципе, могли бы и вообще не работать... и у нас кончились средства. А?

Мяв фыркнул. Точно – всё понимает.

– А ведь я не хочу её отпускать... – пробормотал я уже для себя. – Вот ведь... Глупость? Да, видимо... Ты скажешь, а что грустить? Ведь можно сделать ещё одну Еву... Точно такую же, которая будет помнить всё – и наши разговоры и все свои дела и поступки... Но, СВОИ ЛИ? Мяв, – я погладил преданно глядящую и пытающуюся на свой собачий манер помочь мне псину. – Но разве сможет она вот также задумчиво грызть свой левый мизинец? Или так же пожимать хрупкими и точёными плечиками? Или точно так же дважды моргать, когда напряжена и ждёт ответа? ...А если да – то это страшно, Мяв...

Я сел рядом с Мявом на листья и запустил руки в волосы... теперь и мне придётся мыться – рука была вся в песьей «амбре»...

– Что происходит, Мяв? Я что – полюбил её? Робота, машину... которая только биологически человек, а по-настоящему, видимо, так никогда им и не станет... Может, просто я сам стал роботом?...

Мяв недоуменно потянул носом, а потом дружелюбно помахал хвостом – порядок! Ты – человек.

– Но у неё столько новых черт... Она меняется! И пока, слава тебе господи, только в лучшую сторону. Она никогда не думает о своих удобствах, личном времени или удовольствиях... Она – вся нараспашку и не умеет врать, она не бравирует своими успехами... а могла бы! Ведь многое из того, что она делает, уже ТОЛЬКО ЕЁ! ...а не заложенное при создании... Что же делается, Мяв? ...и что делать?...

Мяв решительно встал, потрясся, разливая по округе свое «благоухание», зевнул, звонко клацнув зубами, а потом решительно потянул меня за поводок.

– Ты как всегда прав, дружище... И ты действительно научная собака. Что делать, что делать... Конечно же, работать! Идём...

* * *

...До отлёта – всего ничего...

Мои «братья и сёстры», как в шутку зовут их все, уже практически полностью готовы.

Пятнадцать (вместе со мной) женщин, пятнадцать мужчин.

Это оптимальное соотношение, так просчитали специалисты, так, проведя параллельную работу, решила и я...

Тридцать таких непохожих существ...

Внешне непохожих... что тоже просчитано...

А вот внутренне...

Я помню, как еще до «Добра» Бориса на их создание я совершенно случайно услышала его разговор с Валерием.

– Господи... Нет, ты только подумай... Чем?! Чем они там будут заниматься весь долгий, долгий перелёт? Играть в шахматы? Или вышивать крестиком? Или организуют клуб любителей порешать теорему Ферми?

– Ну, тоже не лишнее, – вздохнул Валерий. – Так ведь и не решили пока...

– Ох, не смешно, Валерка... – мотал головой Борис. – Ведь все споры, дебаты, разговоры, весь интерес к жизни, да и сама жизнь! ...ведь всё – отсюда! – ткнул он себя в грудь. – А у них этого не будет...

– Так, может, и это к лучшему? – задумчиво изрёк Валера. – Не будет споров, не будет баталий, страстей... Всё тихо мирно. А то передерутся ещё да поубивают друг дружку. И потом – ты, кажется, несколько сгущаешь краски. Да у них будет полно дел! Перед ними стоят такие задачи, тебе ли говорить? Глубокий Космос, условия невесомости, пространственный переход и его влияние...

– Да... да... – шептал Борис. – Всё так... Работа... Но ещё есть и жизнь. Обычная жизнь, обычных людей, какими мы их и сделали... А вот её-то, жизни этой, видимо, и не будет... Несчастные, лишённые души создания...

– Но они-то этого не понимают... – скорее неуверенно и тоже прошептал Валерий. – А, значит, и не будут несчастными...

– Понимают, Валера... – даже закрыл глаза Борис. – В том-то и дело, что уже понимают... Не все пока... Те, что «старше»... Ева... Она понимает, что чего-то в ней и нет и страдает по этому поводу... Хотя, может, и не понимает, что именно «страдает»... Что же мы наделали, Валерка?...

Валера тогда замолчал, видимо, не зная ответа, а я стояла за дверью и не понимала своих чувств. Мне хотелось войти и сказать, что я здесь, и так было бы правильно. Но я не могла выйти! И ещё я чувствовала, что ...краснею! Это было неприятно, ни на что не похоже и странно – ведь все мои системы были в порядке.

Я так и не вышла к ним тогда, ушла в другую комнату, но была «странный», по словам Светы. Да и не только по её – все, взглядевшись в меня, начинали тревожно спрашивать – что случилось?

...А я...

Я думала. Это что же – ложь? Я научилась лгать?

...Или это просто тактичность?...

И ничего не понимала.

...И почему? Почему все чаще при слове «полёт» внутри у меня что-то сжималось и вынуждало меня запускать все мои системы в тестовом режиме – на проверку?

...И подспудно искать в себе хоть что-то «непонятное и новое»... а вдруг, да образовалась уже эта самая неизведанная душа?...

* * *

Час «икс» всё ближе.

Команда получилась уникальная.

Из всех тридцати супер-людей ни один не высказал желания остаться. Все удивлённо и недоуменно заявляли – они, даже бы если и захотели, то не остались бы. Это их долг, их предназначение. Они все помнили историю своего создания, все труды и средства, вложенные в них человечеством. Это их миссия, и они с честью выполняют её – Земле не придётся краснеть за своих посланников.

А я...

Я работал, пытаюсь проверить ещё одну из своих теорий...

Сегодня мы гуляли с Евой по набережной.
Кстати, по ТОЙ САМОЙ...

Что занесло меня сюда – не знаю. Просто хотелось продлить наши последние дни, видимо, поэтому и забрёл в эту даль...

Ева была немногословна, словно понимая, что никакими уже словами не заполнить пустоту, которая скоро и неизбежно должна была возникнуть...

...Легкий морозец, вкусно хрустящий снежок, почти сумерки...

– Вот здесь, – я сам не понимал, почему решился сказать это, и показал рукой на речку во льду. – Тут всё это случилось...

– Я знаю... – прошептала Ева. – Уже давно знаю...

Я молча смотрел на неё и понимал, что происходит какая-то глупость... Что больше, как ни делай, такой Евы не будет, что она одна, и что я, как это ни смешно или странно, очень люблю её... А вот она? ...Да что говорить... Миссия. Долг. Так говорила она – и абсолютно искренне. Видимо, и, правда, не дано... А, может, просто по-человечески не нравлюсь...

Вдруг Ева вся напряглась. Зрачки сузились и я знал – она увеличивает остроту зрения... впрочем, видимо, уже машинально.

– Ой! – вдруг схватила она меня за руку, и я удивился этой эмоции – она так никогда не делала. – Ой, мама! – удивила она меня ещё больше. – Борис! Да там же... котёнок!!

Я повернулся к далекой, еле видимой полынье и, конечно, не разглядел ничего – на таком-то расстоянии!

И тут она сорвалась с места – легко перепрыгнула через парашют, скатилась по откосу и понеслась по льду к этой самой полынье.

– Стой! – заорал я во всю мощь и тоже прыгнул за ней.

Нет, догнать Еву мне, конечно же, было не дано, но она сама притормозила:

– Не смей!! Не смей за мной ходить! Ты провалишься! – пыталась оттолкнуть она меня. – Уйди, дальше лёд тонкий!

– Это ты стой!! – вопил я как ненормальный. – Стой, я сам!! Я сам его вытащу!

– Мне ничего не будет!! – орала она ещё громче, и, всё-таки понемногу приближаясь к полынье, умудрялась лёгкими, но сильными толчками отбрасывать меня назад. – Уходи, провалишься!!

– Стой, не пушу!! – орал опять я, забыв, кто она на самом деле, и думая только об одном – «Нет, не она!... Не дам!... Ни за что!!»... – ЧЁРТОВЫ КОТЫ!!! Мёдом у них тут, что ли, намазано?!

– Коты не едят мёда!!! – умудрялась, воюя со мной, всё же спорить она.

– Стой!! – хватал я её в ответ и бежал рядом. – Уйди, я сам его достану!!

Тонкий ещё лёд похрустывал, шуршал и вдруг пошёл большими трещинами. И тут я в полной мере смог прочувствовать все Евины способности. Она схватила меня, легко, как тюк с тряпьем, подняла от земли (целых 90 кило!!) и одним мощным и невероятным рывком отбросила метров на десять... Я по инерции ехал ещё по льду и с ужасом видел, как лёд окончательно треснул, Ева ещё какое-то время ловко балансировала на отдельных льдинах, а потом, всё-таки поскользнувшись на мокрой, ухнула в воду...

Я, наконец, вспомнил о «тревожной кнопке» на мобильнике и надавил её так, что чуть не сломал и сам корпус.

– Мы уже знаем, – раздалось из включенного мобильного. – Прохожие сказали, к вам идут, ждите.

Я отключил его и пополз к краю льдины.

А Ева...

Ева мощным кролем плыла к этому ЧЁРТОВОМУ КОТУ. Потом схватила его за шкурку и, успокаивая и что-то говоря... поцеловала!!

Кота.

Потом обернулась в мою сторону и, нахмурившись, замала рукой – стой на месте!

Разве я мог?!

Ева ещё более увеличила темп и вскоре я смог протянуть ей руки...

Медленно, со знанием дела, по всем правилам, без рывков отползая от края, и подталкивая всё-таки меня вперед себя, Ева ...ругалась как грузчик!

– Ты какого чёрта за мной полез?! Урод недоделанный! Ты забыл – КТО Я?! Идиот и больной!! Ты забыл, что я могу выдерживать довольно долгое время даже абсолютный ноль? Ты – придурок, потому что твоя голова стоит всё-таки НЕ-МНОГО БОЛЬШЕ, чем один кот!! Я, как только вылезем, побью тебя!! ...вот честно!

– От дуры недоделанной и слышу!! – рычал я. – У меня, может, и голова! А ты сама – как сокровище!! Ты – командир корабля!! Или забыла?! Я сам тебя побью! ...вот только вылезем!..

– Сначала справься!! А я похочу! ...Лапуничка моя пу-сенькая, замёрз маленький... – вдруг засюсюкала она и я, обалдев от такого перехода, резко обернулся. Ева уже сидела, дышала на трясущийся мокрый комочек в руках и старалась захватить его полностью в ладони.

– Дай! – тоже сел я и взял у неё за шкурку этого сволочно-го кота. – Я же сухой...

Ева тревожно смотрела на меня, кажется, готовая в любую минуту прийти на помощь этому гадёнышу. – У них что здесь – клуб самоубийц?! – я снял шарф и закутал в него мокрого, плачущего и мякающего котёнка. – Сам поубивал бы всех, – и засунул его подальше запазуху... – Ведьмины отродья, – и почесал, успокаивая, котёнка за ухом... – Чёртовы коты, – и поплотнее запахнул пальто. – Ему обязательно надо печёнки, – сказал я. – Если поест, значит, выживет – народная примета. Моя бабушка... кандидат биологических наук, между прочим! ...и та всегда больных котов печёнкой кормила...

Ева молчала и я, наконец, поднял на неё глаза.

Она улыбалась.

– Тебе ведь холодно, – вздохнул я. – Может, всё-таки моё пальто оденешь?

– Нет, – помотала она головой, не переставая улыбаться. – Не холодно. Так... Неприятно просто. В мокром...

– Ты какого чёрта туда сиганула, а? – вздохнул я. – Кто сам мне про спасателей говорил? ...кстати, вон и они... – увидел я спасателей, проявляющихся как приведения, прямо в воздухе, из ближайшего пространственного перехода на набережной.

– Я не подумала... – прошептала она. – А котёнок плакал...

– ТЫ!! И НЕ ПОДУМАЛА!! – улыбнулся и я, а потом засмеялся: – Ева, а ты не ...сломалась?

– Нет, – улыбалась она, – знаешь, я, кажется, только сейчас окончательно и ...доделалась!

Прервали нас подбежавшие спасатели, которых я издала успокоил поднятой рукой:

– Ребята! У нас – порядок. Ложный вызов, извините уж...

– У Евы-то порядок, это понятно, – сказал, тревожно вглядываясь в меня, здоровенный и довольно немолодой мужчина, видимо, главный из них. – Её и прохожие узнали, и мы... А у вас? Точно порядок?

– Порядок, извините... – вздохнул я, – ничего не нужно...

– Если только это! – вдруг хитро улыбнулся мужчина и достал из внутреннего кармана фляжку. Отвинтил крышку и налил в неё же жидкость. – Пятьдесят грамм коньяку вам не повредит, думаю... Ева, что с вами?!

Я сразу же обернулся к ней.

Она ...плакала! Впервые в жизни... Беззвучно, но слёзы текли в три ручья. И пока и я, и спасатели, растерявшись, не знали, что и сказать, она подошла ко мне и схватила за плечи. А потом обняла, уткнувшись носом в шею, и заплакала уже вслух:

– Что же ты наделал?... За что?... Ведь я живая!! ...хоть и машина, может быть...

– Ева, милая, о чём ты?! – растерянно бормотал я. – Ты – человек! Самый настоящий, самый живой... самый-самый... самая-самая...

– А зачем ты меня такой сделал?! – ещё горше запричитала она. – Сделал бы робота! Железного... А я?! Как же я без тебя теперь?! Там?! Навсегда!!! Я же не смогу!!

– Ева... – растерялся я и попытался одновременно и вытереть ей слёзы, и ...неловко целовать... – Ева... Но ты можешь не лететь...

– Как это «можешь»?! – причитала она и трясла меня за плечи. – Как это «не лететь»?! А как я в глаза людям после этого смотреть буду?! ...что же ты наделал... ведь я так люблю тебя...

...Мир перед глазами полыхнул у меня вдруг яркими и фантастическими красками... Серые сумерки начала зимы расцвелись, снег переливался всеми цветами радуги, любимая Ева... нет, любимая ЖЕНЩИНА была самая прекрасная на свете... И этот миг дал мне ещё кое-что...

– Ева, – сказал я и обнял её покрепче. – А ты, как командир корабля, не будешь против, если и я полечу с тобой, а?

– Тебя не пустят... – хлюпала она, промолив уже мне слезами всю грудь. – Да и я не пушу... Тратить всю жизнь на полёт!... Нет...

– Встряски иногда полезны! – тихо засмеялся я ей в ухо. – И таким, как ты – чтобы... «доделаться», и таким, как я – чтобы понять кое-что очевидное!

– Что? – несчастно посмотрела она мне в глаза. – Что очевидное?

– Фиг ты меня теперь побьёшь, – всё смеялся я. – Я и сам скоро таким же буду! Ну, мы и тупицы! Ведь решение – на поверхности! Решение, как переделать самих себя в супер-людей! Ну, как же так долго можно было ходить вокруг да около?! Я ВСЁ ПОНЯЛ!! Сейчас, вот здесь! ...Ох, Ева, и жизнь теперь начинается интересная!!

Любимая женщина поверила мне сразу же. И потому уже не плакала, а улыбалась, смотрела в глаза и, вряд ли сама понимая, что делает, гладила то плечи, то волосы...

И тут дал знать о себе кот. Видимо, обнимаясь всё крепче, мы невольно сдавили и его. Он возмущённо мявкнул и начал яростно вылезать наружу. Я рассмеялся, погладил его по крохотной мордочке и обратился к спасателям, которые, хлопая глазами и, конечно, ничего не понимая, словно в ступоре стояли и смотрели все наши разборки:

– Ребята! Коньяк, это, безусловно, здорово. А вот ...печёнки, случаем, у вас не найдется?

Октябрь 2004 г.

Возвышенное и земное

Александр Цыганков
В САДУ ЗОЛОТЫХ ГЕСПЕРИД

ЭКЛЕКТИКА

А –
 Лександрия времён упадка.
 Красное выпито без остатка.
 Гонит ветер народы моря!
 Много сильных, но нет героя.
 Всё по-старому? С новой строчки!
 Пусть корабль стремится к точке,
 За которой лучи восхода –
 Словно в зеркале антипода.

Тектонический сдвиг по фазе!
 Век, что голый король в экстазе,
 Вслед за пешкой гребёт в азарте.
 Время движается по карте
 В край блаженных! В страну заката.
 Не дворец, а ума палата
 Там стоит посреди залива.
 Там действительно всё красиво.

Как библейского судна остов,
 В каждом веке найдётся остров,
 Но такой, что сродни Итаке –
 С комиссаром при Телемаке.
 Мир – Утопия – Атлантида!
 Эя, выпавшая из вида,
 Как ловушка в ночном тумане
 В этом призрачном океане.

9.2007

ЭПОХА ПИРАМИД

Эпоха пирамид. Пески и крики
 Погонщика. Верблюды и собаки.

Сено в голове некоторых поэтов, видимо, очень
 нравится пегасу.

Станислав Ежи Лец

Надгробных плит развёрнутые книги
И статуи – как памятные знаки.
Закована в число природа поля.
На плоскости расставлены фигуры.
И низкое возвышенным неволя,
Диктует время стиль архитектуры.

Чем выше башни, тем ясней в просторе,
И всякая река длиннее Нила,
Но гибельней, чем варварское море,
Становятся обычные чернила.
И крепнет пирамидами столица.
И тени рвутся в зеркале глубоком,
Когда грехи библейская блудница
Снимает словно платье над потоком.

11.2006(9.2008)

ОЗОРНОЙ ВЕТЕРОК НА АНТИЧНЫЙ МАНЕР

Снежный ветер в саду золотых Гесперид –
Как настольная лампа внутри снегопада!
Искромётный рисунок! Немыслимый вид.
Потаённое слово в подстрочнике сада.
На античный манер – перечитан с листа
Озорной ветерок. И стрельчатые своды
Снегопада – как арки в пролётах моста
Замыкают круги, опираясь на воды.

Невозможно представить, как первый снежок,
Упраздня своё круговое паденье,
Словно в зеркало смотрится в тонкий ледок
И становится музыкой, слушая пенье
Ветерка, что в саду золотых Гесперид
Озорует, играя в подстрочнике сада,
И как лампу под сводами ставит на вид
Потаённое слово – внутри снегопада.

7.2008

В саду золотых Гесперид

РОМАНТИКА

Я тоже родился в Аркадии...
Франческо Гверчино

Как хороши в наивной простоте
Все эти записные персонажи.
Романтика! Античные пейзажи,
Где колорит привязан к наготы
Не Геры, а пастушки молодой.
И ветерок владеет флейтой Пана.
Аркадия! Прародина романа!
Связь времени с проточною водой.

Ну, до чего легенда довела!
Запомни всё! И всё начни сначала:
От Горного Алтая до Ямала
Открой словарь медвежьего угла,
Раз рёв зверья скорее в радость, чем
В печаль для тех, кто сами словно звери.
Добыча и военные трофеи –
Вот хлеб и вдохновенье для поэм!

Но в светлый миг – в час утренней звезды,
Ещё до солнца, выйди на дорогу –
Смотри и пой, твори свою эклогу,
Следи за всем, распутывай следы!
В стране чудес, в краю густых лесов,
Где божества живут среди народа,
Подслушай речь их лучшего рапсода –
Учи язык деревьев и ветров!

Пускай мечты о веке золотом
Не выше гор зелёного Тайгета,
Твой росчерк под весёлым полотном
Предвосхитил великого поэта!
Вернись, Франческо, в лучший мир, когда
Пригрезилось тебе сие виденье!

Александр Цыганков

Ты испытал прекрасное мгновенье!?!
Всё прочее – проточная вода!

3.2008

ЭДЕЛЬВЕЙСЫ

Я дарил девушкам самые редкие в мире цветы.
Они улыбались и не верили – сначала...

Потом – не могли дожидаться,
Когда я снова уйду в горы и пригоню стадо баранов...

И я понял, что у девушек воображение такое – кудрявое,
Да и мыслят они ~ волнообразно. И решил начать всё сначала...

Теперь – на большом корабле – мой путь лежит через море!
Но я не слышал, чтоб там росли эдельвейсы...

12.2006 (10.2008)

НАТЮРМОРТ В САДУ С ПЕРНАТЫМИ И ВИНОГРАДОМ

Там, где химеры слетаются на виноград,
Птица выпишет круг и взмахнёт крылами.
Полон другими певчими дивный сад,
Что ни пером не выразить, ни словами.
Этих пернатых даже в густых лесах
Раньше никто не видел, тем паче рядом –
В розовых палисадниках и садах,
На золотых столешницах с виноградом.

Сколько слетелось их! Не сложить в уме.
Что за пришельцы, откуда – такие гости?
Словно отверзлись клетки в предвечной тьме:

Прах обратился в тело, и в крылья – кости.
Их не страшит ни сторож, ни рыжий хвост
Хитрой плутовки, что на плечах у жрицы,
Той, у которой в избранных был прохвост
Да улетел по небу – по праву птицы.

Вольному воля! Полный размах крыла!
Случай – как лёгкий бриз – унесёт за море.
Словно и там поставят на край стола
Город во времени – как натюрморт в просторе.
Птица рисует круг и вершит полёт
В той чистоте, где нет ни химер, ни сада.
Только бессрочным кажется перелёт
От виноградника в сторону звездопада.

Томск – 1.2008

ПРОРОК И КУПИНА

В Святой Земле не кончится война.
Смелее будь! Как те волхвы, с востока,
Что видят куст, а мыслят – Купина,
И только в яслях узнают Пророка.
И ты иди – как те волхвы – всегда.
Как сказано: от края и до края.
К Святой Земле ведёт одна звезда,
Но ты скажи, что вся земля Святая.

Смелее будь! Смотри на листопад,
От светоча воскуривая ладан.
В сей березняк пройди – как в Райский Сад,
Где твой сюжет волхвами не разгадан.
И тихо – словно кончилась война.
Ты воевал! Но не узнал Пророка.
В тебе самом – пророк и купина.
И как часы – идут волхвы с востока.

12.2008

СОЛЯРНЫЙ ЗНАК

Шипы терновника и свастики паука,
И мак, алеющий на ниве вместо хлеба.
Цветок распущенный, разительней, чем звук
Бомбардировщика, слетающего с неба,
В окно, прорубленное в тот заморский край,
Где век тому назад, пропахшие железом,
Баварцы бравые, выкрикивая «Хайль!»,
Приветствовали смерть в диктаторе нетрезвом...

Солярный знак – тавро, каким клеймили скот, –
В зеркалах памяти опутан паутиной.
И возводящий вновь из праха эшафот
На собственную казнь ещё придёт с повинной,
Раз острые шипы распущенных цветов
Разительней ножей, губительней, чем звуки,
Трибун ликующих, из рупора веков,
Где знаком свастики изломанные руки
У гладиатора, кричащего слова
На языке, давно утраченном, как вера,
Тех жалких зрителей, качающих права,
Убийственных времен Септимия Севера.
Все это было здесь! И всё вернулось к нам:
И страх, и смертный грех, и слёзы, и расплата –
За зрелище всего, за жертвы всем богам.
На всех одна вина – за каждого солдата.

5.2006

ФАРТОВАЯ МУЗА
POESIS. ВЕК ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ

1

Ты доступнее третьей жены хромоного Клавдия
Для потешных солдат под началом сармата небритого.
Сколько ты прикормила собой, как сатиров Аркадия!
Пусть и лыка не вяжут, но с виду – достойнее Битова.

В саду золотых Гесперид

2

И не музой тебе называться, не храмовой жрицею,
А публичною девкою, глупой торговкой да сводницей.
Но какою невинной была и смотрела царицею!
Только тянется время как шлейф за тобой, греховодницей.

3

Не гражданская совесть, а символ порока и пошлости!
Неужели так низко ты пала, сползла с Капитолия?
Олимпийской фиалкой украсила римские борзости,
По сравнению с тобою, подружка Катуталова, Клодия.

4

Раз не можешь держать поясок на откормленной талии,
Отрезвись, оглянись да укройся в зелёной провинции.
Там, где меньше врагов, и дешевле, скромней лупанарии,
Но и там воздадут за услуги хмельные патриции.

5

Я готов побороть даже страсть, но не доблесть Горация!
Отрицаю тебя, воспеваю крылатого гения!
Пусть кого-то пленит новизна, словно яблоком грация,
Только игры гетер мне милей твоего искушения.

6

Затяни поясок и ступай с осквернённого Форума,
Да прикрой черноту, белизной оттеняя сенатора.
Там, где Клавдия нет, как в помине – ни Рема, ни Ромула,
Между круглых грудей приласкай своего узурпатора.

7

Даже имя твоё отзывается дикими ордами.
Мессалина! У бурной реки родилась ты, наверное.
Только воды прогоркли – до устья просолены готами,
Чтоб никто не допил, и осталось на дне Сокровенное.

11.2008

Александр Цыганков

Владимир Янчев
ПАМЯТИ ИВЛИНА ВО

1

Закружила Георгия жизнь совершенно другая:
Он ушёл из семьи (дети взрослые, так что без слёз).
Бросил всё, что имел, но по-детски жалел попугая,
Говорящего Жору, которого с Явы привёз.

Попугай загрустил, отворачивал клювик от пищи,
Беспрестанно смотрел с человеческой тоскою на дверь.
Говорить перестал, а ведь слов знал не менее тыщи,
Но хозяин ушёл – разговаривать не с кем теперь.

А Георгий давно одурел от платёжек и факсов,
Гонит свой «кадиллак» то на стрелку, а то на банкет;
Молодая жена, ненасытная, требует баксов,
Не пускает в кровать и не хочет готовить обед.

Он приходит домой, в телевизор смотрит не мигая,
И не в радость ему ни «Аякс», ни «Реал», ни «Спартак».
Целый месяц уже он не может забыть попугая,
Ненаглядного тёзку, который совсем не дурак.

Чтоб развеять тоску – он развлечься решил на Ривьере;
Улетел налегке, никому ничего не сказав.
А любимец его угасал у хозяйки в вольере,
И светила печаль человечья у птички в глазах.

Попугай умирал, не промолвив без Жоры ни слова.
А хозяйка пила беспросыпно десятую ночь.
И душа у неё безнадежно была нездорова,
И никто ей не мог в этой жизни печальной помочь.

Лишь наутро она обнаружила дохлую птицу,
Завернула в пакет – в холодильнике места полно.

И мерещилось ей – попугай на неё матерится:
«Замер-рзаю, бар-рдак! Открывайте скорее окно!»

До конца обалдев и прикончив запасы ликёра,
Дозвонилась с трудом во французский какой-то кабак:
«Ты прости, дорогой, но скончался твой миленький Жора,
Перед смертью орал, словно бешеный: “Жорка дурак!..”»

Отшвырнув телефон, оглядев ненавистные стены,
Она в ванну легла, наготовою своей молода.
И, забыв обо всём, помолясь, перерезала вены,
И как будто в кино обагрилась мгновенно вода...

.....

Дальше всё как всегда – понятые, врачи, прокуроры.
Но Георгий сказал – и перечить никто не посмел.
Он поверить не мог, что лишился любимого Жоры.
...И могучий мужик на глазах у толпы поседел.

Обращаясь к усопшей, сказал: «Ты прости, дорогая,
Пусть я буду жесток и несправедлив буду я пусть.
Извини, но сперва по-людски схороню попугая,
А потом уж с тобой, *Незабвенной* моей, разберусь...»

Посидел, покурил и о вечном подумал немного,
Отыскал где-то в шкафчике добрый армянский коньяк.
Выпил рюмку, погладил по холке бордосского дога,
Взял пакет с попугаем и молча понёс в «Кадиллак».

2

Возле тихой реки, где не слышно ревуших моторов,
Где канадские ели и гордые сосны росли,
Не торгуясь ни с кем и без всяких пустых разговоров,
Прикупил наш Георгий четыре гектара земли.

Как игрушечный, гроб заказал из морёного дуба,
А участок по кругу ажурным забором обнёс.

Под высокой сосной он схоронит любимого друга,
А под стройной берёзой потом упокоится пёс.

И в назначенный час по проложенной за ночь дороге
Шёл печальный Георгий с компашкой своих мужиков.
Белоснежный «линкольн» волочил похоронные дроги –
А за ними девицы с охапками пышных венков.

Детский гробик лежал, как в музее, на древнем лафете,
И оркестр президентский этюды Шопена играл.
По обочинам шли и рыдали крестьянские дети,
А народ деревенский цветы на дорогу кидал.

В общем горе мужчины стояли над птичьей могилой,
И гремела труба так, что слёзы стояли в глазах.
Гробик в ямку поплыл, и наполнились кружки текилой,
И салют оружейный звенел высоко в небесах.

.....

И с тех пор через день здесь немеренно импортных тачек,
Через день разрывается небо от жуткой пальбы.
Здесь хоронят котов, хомяков, канареек, удавов, собачек,
И надгробья в лесу вырастают, как будто грибы.

Здесь наслушаться можно таких обалденных историй –
Про любимых ежей, черепах, крокодилов и коз.
Чуть подальше в лесу открывают уже крематорий
И в другие края расселяют убогий колхоз.

.....

А Георгий здоров! Возвратился вот из Уругвая
И шокировал вдрызг молодую супругу свою.
Он оттуда привёз на полпуда почти попугая
И ещё анаконду – большую такую змею...

1968-1998гг.

Роман с продолжением...

Николай и Светлана Пономаревы
ГОРОД БЕЗ ВОЙНЫ
(Продолжение. Начало см.
«ГС» №№3-8)

19

ак ни странно, сны Сашке снились самые мирные: сначала про то, как они с Кешей и Катей купаются в озере, а вода такая тёплая, что даже не хочется выбираться на берег, и Катька очень красивая в пёстром купальнике, а Кеша не болтает непрерывно, потом как они с Ильёй едут через степь на чистеньком рейсовом автобусе. «В другой город, – говорил Илья. – Там хорошо, там все мои родственники живут». Город тоже начал сниться: высокие белоснежные дома со сверкающими на летнем солнце стёклами, смешные малолитражные машины на улицах, ребятишки-велосипедисты. И они с Ильёй выглядели как приличные подростки: в чистых голубых рубашках от гимназической формы, улыбающиеся. «Сейчас пойдём ко мне в гости пить чай, – позвал Сашку Илья. – Я живу вон в той двенадцатизэтажке на пятом этаже. Видишь, мои окна»... Тут Сашка почувствовал, что кто-то трогает его за плечо. Он обернулся и увидел стоящего сзади следователя Конторы. «Ты – предатель и мерзавец!!!» – сказал он и ударил Сашку в живот. Сашка проснулся и резко встал. Рядом сидел Женька Коньков и, отчаянно ругаясь, тормозил его:

– Вставай, падла! Твоя очередь дежурить. Олег сказал.

Позёвывая, Женька убрался в свою палатку, а Сашка, бросив под себя рюкзак, пристроился вместе с автоматом недалеко от балки. Была безветренная погода, правда, со вчерашнего дня натянуло туч, поэтому звёзд и луны видно не было. Рядом с палатками стоял броневичок из вчерашних, разведывательных. Их единственная подмога. Сидеть было даже приятно. Сашка очень любил степь: воздух был здесь особенным. Он был свободным, его могло нести куда угодно, хоть на край света, а в городе, будучи раз задутым в подвал, он навсегда оставался там, портился, становился ядовитым. Сашка даже немного завидовал диким пустынным людям, далёким от

Талант – как породистый конь, необходимо научиться управлять им, а если дергать поводья во все стороны, конь превратится в клячу...

Максим Горький

мерзких развалин, кладбищ, магазинов. Вот бы уйти к пустынным и кочевать по бескрайним просторам. Обходить города за сто вёрст. Сидеть вечером возле своего шатра и смотреть на звёзды...

– Сидишь? – окликнули его.

Сашка схватил автомат:

– Кто?

– Свои. От кондора хожу, посты проверяю, как вы, сволочи, тут врага караулите. Фигово! Те лохи у кустов дрыхнут, ты вот тут уши развесил, ни хрена не видишь, – посланец кондора, ругаясь, пошёл дальше.

Не успел он отойти далеко, броневик вдруг ожил и, тарахтя мотором, покатил в степь. Через несколько минут оттуда, куда он уехал, донеслись выстрелы, потом грохот танковых орудий, взрывы, потом пулемёт затих. Из темноты доносился теперь только гул танковых моторов. Сашка всё понял и бросился к палатке.

– Вставайте, быстро!!! – крикнул он и уже бежал к палатке Олега. Вскоре вся группа уже лежала близ края балки.

И тут показались вражеские танки и бронетранспортёры. Танков было всего два, но они были очень хорошие: поджарые, с длинными пушками. Ехали они быстро, как будто на марше. На полном ходу один из танков съёс палатку, где недавно спали Кеша и Хнык. Рядом с балкой остановился бронетранспортёр, и из него стали вылезать вражеские солдаты. Сашка опустил на колено и дал очередь, затем отпрыгнул в сторону и, добежав до чахлого кустика, залёг за ним. Из бронетранспортёра стали стрелять по тому месту, откуда Сашка только что стрелял. Он дал ещё очередь и снова перебрался на другое место. Перестрелка разгоралась, стреляли уже со всех сторон. Пули свистели рядом с Сашкой. Несколько тёмных силуэтов бежало в его сторону из темноты. Сашка дал ещё одну очередь. Тридцать патронов кончились. Сашка попытался заменить рожок, но он всё отчаянно не лез. Тут рядом грохнуло, в Сашку полетели комья снега и земли. Грохнуло ещё и ещё раз. Он попытался ползти, но перед ним поднялись снежные фонтанчики. «По мне из пулемёта» – и тут Сашка увидел странную

картину: рядом с ним сидел Витька, держа в руках автомат, и целился в люк бронетранспортёра. Бронетранспортёр, взревев мотором, двинулся в сторону Сашки и Шиза. Сашка из последних сил подпрыгнул и бросился бежать в сторону. Он прыгал по снегу, пока не столкнулся с кем-то в темноте. И тут Сашкины пальцы всё сделали за него. Тёмную фигуру переломило очередью и откинуло назад. Сашку кто-то схватил за ногу и он, кувыркаясь, покатился на дно балки.

Очутившись на дне, он вдруг почувствовал, что спасён. Он лежал – перестрелка затихала, шум танков становился тише. Сашка полез наверх и вдруг споткнулся об какое-то тело. Он потрогал – это был Хнык, который дрожал и всхлипывал. Оставив его, Сашка полез дальше. В сумерках первое, что он увидел, был Кеша. Тот сидел и мрачно курил. Несколько тёмных пятен лежали на снегу. У одного из лежащих были удивительно знакомые ватные штаны. Бронетранспортёр стоял на краю балки с развороченной пулемётной башней. Рядом с ним сидел совершенно живой Шиз и раскачивался вперёд и назад. Из балки вылез Женька Коньков.

– Ну, ты дурак, – сказал он удивительно скрипучим голосом. – Ты тут под пулями как кролик метался. Я гранату кинул и в балку. Хорошо, что всё нормально.

Из темноты выбежали несколько парней в форме штурмовиков – они были в крови, за спинами болтались автоматы. Вылез трясущийся Хнык. Он громко икал.

– Олег... Меня в балку откинул... А сам... – слёзы текли по щекам Хныка.

Сашка пошёл к Кеше.

– Дай закурить.

Кеша машинально сунул руку в карман и достал мятую папироску.

– Я всегда, когда трупы вижу, курю. Тогда не так тошнит, – сказал он, давая Сашке прикурить.

Пробежавшие штурмовики возвращались, таща парня с пробитыми ногами, в котором Сашка узнал проверявшего его на часах. «Мужики, больно, мужики» – стонал тот и пытался вырваться. «Терпи, Гера, терпи» – сквозь зубы цедил один из них.

Начинало светать. Бронетранспортёр с развороченной башней стоял как исполинский мёртвый зверь бегемот, про которых писали в научных книгах, и которых уже нет на Земле. Вокруг него лежало несколько молодых парней из Бельска, и один пожилой, наверное, их начальник. Чуть дальше дымили ещё два бронетранспортёра, видимо, в них попали из гранатомёта.

– Вон тех ты сразу срезал, – показал на мертвецов подошедший Женька. – Они сразу попали. Потом уже мы с Кешей стали стрелять. Потом я кинул гранату, и башню с пулемётом разнесло. Тут ты бежишь, кричишь чего-то, я тебя цап за ногу... Они там в башне ни хрена не видели, палят наугад. А Витька, он чокнутый, он вообще очередями не стреляет, он сразу. Но меткий, зараза. Это он водилу уложил?

Сашка кивнул.

– А я уже в транспорт их слазил, – продолжал Женька. – Там только стрелок из башни, без руки, и водила их. Ничего полезного нет. Я посмотрел. Пойду тут посмотрю.

«Кеша молчит, а Женька, наоборот, рот заткнуть не может. Как после боя люди меняются, – думал Сашка, вертя в руках дымящую папиросу. – Олега жалко, он справедливый был». Сашка посмотрел в ту сторону, где лежал Олег. Теперь уже он отчётливо был виден. Рядом Женька обшаривал карманы мёртвого бойца из Бельска. Сашка отвернулся и подумал, что он мог бы лежать где-нибудь рядом с Олегом, но ему повезло, очень повезло.

Кеша поднялся с земли.

– Пойду, – сказал он, – тошнит меня что-то.

Сашка сидел на снегу. Странно, бой длился несколько минут, а он так чудовищно устал. Штаны промокли от мокрого снега, становилось холодно. Где-то рядом плакал Хнык. Женька, ругаясь, ворошил трупы. «Лучше всех Витьке: убил человека, теперь сидит себе и ему плевать, на себя, на других, – решил Сашка. – Хуже Олегу, а впрочем...»

– Коньков, ты что делаешь? – Сашка встряхнулся, сообразив, что Женька выворачивает карманы кому-то из убитых. – Как ты можешь?

– Сиди, урод, – огрызнулся Коньков. – У них курево и монеты бывают.

– Ну ты и падальщик!

– Не гавкай, не напугаешь!

Сашка вздохнул, обжёгся о свою папиросу, и с удивлением подумал, что первый раз в жизни курит и ему не плохо. Женька обыскивает трупы, а он не может встать и дать ему в морду. Что-то произошло... Подошёл Шиз, посмотрел на Сашку, сел рядом:

– Что, дух, тяжело тебе?

– Нет, – ответил Сашка равнодушно, – мне никак.

– Это хорошо, твоя душа закрылась от мира и может самосовершенствоваться. Мир не должен мешать нам. Всё внешнее – ничто.

– Ты классно стреляешь.

Шиз пожал плечами:

– Не это главное в жизни.

– Витька, – Сашка выбросил окурок, – объясни мне, что случилось? Жили парни, может, также, как мы, в развалинах каких-нибудь, мечтали о чём-то, думали, а потом их послали на войну, и мы перестреляли их из автоматов. Зачем? Кому это всё нужно? Я когда маленький был, над каждой букашкой ревел, если задавят, а теперь при мне человек на куски разлетается, а мне всё равно. Это ведь ненормально, да?

Витька опять пожал плечами:

– Реши, важно ли что-то в мире для тебя, и ты узнаешь, важно ли для тебя то, что происходит сейчас.

Сашка молчал. Ему не очень были понятны Шизовы слова, не очень понятно своё странное равнодушие. Неужели Шиз прав? Неужели для него это всё ничего не значит и теперь ему будет всё равно: живой перед ним человек или мёртвый. Вон Витьке точно всё равно.

Подошёл Коньков, потряс горстью мелочи:

– Что, брезгливые мои? Западло трупаков щупать? Ну и ходите без денег.

Сашка отвернулся от него и почему-то подумал о Кате. Как там она?

– Слушай, Шиз, а если бы у тебя была девушка, и её бы убили, ты бы тоже наплевал? – спросил неожиданно.

Витька быстро посмотрел на него и вдруг встал и пошёл прочь.

– Ну ты и скот! – сказал Коньков. – Ты его что, специально вывести решил?

Сашка смотрел вслед Шизу и ничего не понимал.

– У него невесту хипаны убили, давно ещё. Поэтому он их и убивает со злости, а других просто так. А ты чё, не знал?

– Откуда? Я думал, он так просто тронутый.

– Почему он тронулся, сказать трудно, но мы с ним в одном квартале жили – девчонка у него классная была, а потом связалась с этими хиппи, на дозу подседа, ну и замочили за что-то. Я раньше его в группу пришёл, ещё при том командоре, – Женька закурил. – Зря ты, Санёк, подбирать ломаешься, у бельских курево куда лучше, около Бельска табак растят, а мы тут такой парашей дышим!

Сашка смотрел в ту сторону, куда ушёл Воронцов и думал, что даже у непробиваемого Шиза есть слабое место. Потому, что он живой, не может живой человек ничего не чувствовать, даже если он совсем ненормальный...

Вернулся Кеша, начал снова устанавливать палатку, ему помогал замурзанный, красный от слёз Хнык.

– Наверное, дальше будем здесь держаться, – сказал Кеша, увидев Сашку. – Вдруг опять бельские попрут или за мертвяками своими придут, кто их знает, некоторые подбирают.

– А мы? – спросил Сашка.

– Как кондор решит, но Олега, конечно, надо увезти. Скоро грузовик будет, ребята по рации связывались. Раненых возьмут, и мёртвых, если место будет.

Сашка взялся помогать с палаткой, та была теперь грязная, мятая и ставить её было неприятно.

– Как представлю, если бы мы с Костей там остались, так выворачивает, – признался Кеша тихо. – Не, Сань, получи боевые и домой, к бате.

– Как же ты раньше воевал?

– В такую переделку мы первый раз попадаем. В мае открыли окопы, где-то южнее, отсиделись в них. Женька с Лёвой ещё к блядям бегали приезжим. Один раз ночью постреляли, а потом нас погрузили и увезли, а войнушка затихла. Интересно, сколько нам заплатят?

Вскоре появился Эдик Кролик, за ним понуро шёл Тим Чернов и ещё несколько ребят.

– Чего, пьятеи, тьюпы не убияте? – поинтересовался он.

– Куда их убирать? – спросил Сашка.

– В кучу, конечно. А за бьёник спасибо, моядцы, не ястеяись, – сказал Кролик и ушёл.

Остался Горилла Тим и один парень из их группы.

– А Волка накрыло, – сказал Тим, почёсывая свою грязную руку. – И всех его парней тоже к чёрту накрыло.

Тим смачно плюнул, порылся в карманах и достал оттуда кусок хлеба, обдув с него табак, откусил и мрачно посмотрел на лежавшие трупы.

– И вам тут досталось. Ещё повезло, что гонят всяких лохов, хороших солдат мало, хорошие все в нашем Южном Форпосте сидят, а на вылазки кого попало шлют. Я их голыми руками бы всех переломал, но мы немного в стороне были.

– А что с Волком? – поинтересовался Хнык.

– Что, что, долбанули из танка по кустарнику, где у них палатки были, и кранты всем, – равнодушно сообщил Горилла. – Только мяса ошмётки.

Горилла с таким же мрачным видом, жуя хлеб, посмотрел на Сашку, и того передёрнуло – настолько дикий и неприятный был взгляд.

– Ну ладно, там у кондора пленных собирают. Пойдём, Силос, посмотрим, – сказал Тим и они с парнем пошли дальше.

– Пойдём, посмотрим... – заворчал Кеша, когда Тим отошёл подальше. – Считай, что у кондора пленных нет, этот обязательно паре-тройке головы свернёт. Ему к моему бате на ферму, баранов бы кулаками убивал.

Тем временем вернулся Витька, и они с Женькой аккуратно положили Олега недалеко от своей палатки, которая уцелела. Сашка и Хнык пошли проститься.

– Его на военном кладбище похоронят. Всё-таки он почти командор наш был, – сказал Женька. – А остальных закопают где-нибудь в общей яме.

Подъехал грузовик, обтянутый алой материей. Оттуда высыпали с десятков ребятишек в красных комбинезончиках и принялись стягивать с мертвецов одежду.

– Вон видишь, – показал на падальщиков Женька, – если бы я не вывернул у них карманы, этим зачморышам бы досталось. Одно слово, падальщики. Они одежду выстирают, а потом продают. Хорошо, мы успели Олега сюда принести, а то бы его, пожалуй, тоже бы раздели. Вон, суки, как шуруют.

– Очередью бы их, – сказал Сашка и удивился своей злости. Это всё выглядело отвратительно. Впрочем, вся эта война стала вдруг отвратительна.

Вслед за падальщиками приехала трофейная команда, которая подцепила бронетранспортёр к вездеходу и потянула в ремонтные мастерские. Потом пришли за Олегом. Сашка проводил его взглядом, полез в карман, ничего там не нашёл, но понял, что сейчас очень хочет курить. Хотел попросить у Женьки, но тут из-за грузовика вышел Пёс. Он выглядел как обычно, только очки треснули, а чёрная телогрейка запачкалась кровью.

– Максим! – испуганно сказал Хнык. – Вас же...

– Ребята, – тихо сказал Пёс, подходя, и Сашка увидел, что тот бледен как полотно, – надо идти бельских грузить. Тех, которых обобрали.

– Я не могу! – всхлипнул вдруг Кеша и скрылся за палаткой.

– Тошнотик хренов, – Женька встал. – Ерхов, пошли. Кто-то должен...

Сашка поднялся и медленно пошёл за Псом и Женькой. За ними – Хнык и Витька. Хнык с Псом залезли в кузов, Шиз устроился на снегу, подогнув под себя ноги, а Сашка с Женькой стали таскать трупы к грузовику. Трупы были тяжёлые, окочевевшие, некоторые совсем голые, некоторые в одежде. На многих остались куртки – они были прострелены и прилипли кровавой корочкой к телу. Сашка и Женька тащили их по мокрому

снегу, грязи, и Сашка понимал, почему стошнило Кешу, но сам сейчас ничего не чувствовал. Потом они с трудом покидали тяжёлые трупы в кузов и сели возле грузовика.

– Из них удобрений наделают, – сообщил Хнык.

– Дурак ты, – сказал Коньков.

«Не всё ли равно, – думал Сашка. – Куда человека денут после смерти». Женька достал из-за пазухи помятую синюю фляжку, отхлебнул, молча протянул Сашке. Глотнулось с трудом, но ни слабости, ни опьянения Сашка не почувствовал.

– А мне спирта? – заныл Хнык.

– Рылом не вышел, – Коньков, демонстративно спрятал фляжку.

«А я вышел», – подумал Сашка. Как во сне взял из рук Женьки сигарету, прикурил. Из грузовика раздались какие-то странные звуки. Сашка поднялся и увидел плачущего Пса. Тот сидел среди трупов, вертя в руках треснувшие очки и, кажется, сдерживался, чтобы не завывать в голос.

– Максим, не плачь, – сказал Хнык и посмотрел на Сашку. – Шиз говорил, что всю его группу на куски порвало, а он в это время за водой ходил. Тут в балке натаяло, вот он и пошёл. Он потом своих только по частям видел. Я бы испугался, если бы вы – по частям. Это очень страшно бы было.

– Заткнись, придурок, накаркаешь! – рявкнул Женька.

Пёс вылез из грузовика, постоял рядом, шатаясь, потом повалился в талый снег и закричал. Сашка смотрел на него, не зная, что теперь делать.

– Ничего, – мрачно сказал Коньков. – Так часто бывает, ты не смотри, на, лучше ещё выпей.

Сашка опять взял фляжку и опять не ощутил никакого действия. Пёс замолк, но не вставал.

– Бляди, – выругался Женька, – как деньги за боёвки брать – все первые, а трупы стаскивать – их тошнит. Ты, Сань, отпинай Янсена, чё он всё на тебя перекладывает!

Отпинай Янсена... Сашка усмехнулся. Все ему предлагают кого-то пинать, а оно надо? Кеша не виноват, что ему плохо. Когда Сашке было плохо, он помог – вон к Катке приволок. И Сашка бить его никогда не будет.

Женька подошёл к Псу, почти насильно влил ему в рот спирт. Пёс закашлялся и стал подниматься. А Женька потряс пустой фляжкой и сказал Сашке:

– Ну мы с тобой и насосались, развезёт теперь!

Сашка поднялся и пошёл к Псу. К его удивлению, путь оказался не таким простым, каким представлялся в начале. Ноги почему-то плохо слушались хозяина, и его заносило в стороны. «Вероятно, я уже совсем пьяный» – решил он. Подойдя к Псу, Сашка крепко обнял его.

– Не плачь, Максимка, все люди умирают. И мы с тобой тоже загнёмся, может, завтра, может, через месяц. У тебя мама есть?

Пёс покивал.

– Во-о-от, – продолжал Сашка. – Есть. А у меня нету. У меня вообще никого на хрен нету. А всё из-за нашей гадской жизни.

Сашка впервые очень громко заматерился и продолжил:

– Дай я тебя обниму, Пёсёнышка, дай. Ты тоже откинись. Точно я тебе говорю. Мы здесь все, как крысы. Так что забудь о Волке и других пацанах. Лучше пойдём Шизу бить морду. Он сидит, молчит, думает всякую дрянь. Про нас.

Сашка шагнул вперёд, но, не удержавшись, упал лицом в грязь. Он попытался подняться, но сообразил, что на четвереньках теперь передвигаться будет сподручнее, и пополз. Он полз, кажется, очень долго, пока не упёрся лбом обо что-то. Подняв голову, увидел Женьку Конькова.

– А я ещё спиртяги раздобыл, – идиотски улыбаясь, сообщил тот и протянул флягу.

Дальше мир полетел кувырком. Сашка целовался с Женькой, пытался обнять Кешу, наливал выпивку Хныку, плакал, падал возле палатки. Возле него ходили незнакомые люди, которые смеялись и что-то говорили. «Почему этот тьюпак не убьёшь?» – слышался голос Кролика. «Это наш друган» – отвечал ему Женька. «Кеша-а-а» – кричал Сашка, «Кеша-а-а» – вторил ему Хнык, казалось, что Сашка кричит недостаточно громко и он кричал ещё громче. Потом мир погрузился в темноту и посветлел, когда Сашка почувствовал, что его тащат. Он приоткрыл глаз – это были Кеша с Псом.

– Мы куда? – спросил он.

– Меняем дислокацию, – мрачно ответил Пёс.

– Ништяк, – пробурчал Сашка и мир снова погас.

20

Он обнаружил себя уже в кузове грузовика. Грузовик отчаянно трясся, дребезжал плохо закреплёнными бортами и натужно ревел мотором. «По грязи едем» – догадался Сашка и стал осторожно оглядываться: рядом, конечно, сидел Кеша, дальше, привалившись к Кешиному плечу, спал Хнык, сидели ещё несколько не очень знакомых пацанов, напротив полулежали Пёс с Женькой. У самого края, свесив ноги за борт, расположился Шиз. Женька курил.

– Алкоголик, – сказал Кеша, увидев, что Сашка проснулся, – настоящая замена Лёвке.

– Не, – протянул Коньков. – Он нормальный пацан, не то, что ты, отрыжка!

Сашка покрутил головой – та раскалывалась, во рту горело.

– Кеша, я пить хочу!

Женька опять достал фляжку:

– На, от сердца отрываю.

– Не надо, – слабо отказался Сашка.

– Да пей, урод, там вода талая! Спирт вы у меня весь выцедили, я его не произвожу!

Сашка хлебнул противной воды с привкусом степных трав и опять повалился на пол:

– Хорошо!

– Это тебе, друг, сейчас хорошо, – мрачно сказал Пёс. – А в талой воде, между прочим, амёбы дизентерийные бывают, наглотаешься и сдохнешь засранцем.

– А ему всё равно, какдохнуть, – усмехнулся Коньков. – Он у нас уже созрел, вон как Шиз.

– Не созрел он, – подал голос Витька. – Он ищет успокоение в веществах, туманящих разум, а успокоение – в чистоте этого разума.

Парни заржали, а Сашка всё не мог понять, о нём ли идёт речь. Наконец, грузовик остановился. Первым из кузова выпрыгнул Шиз, присвистнул, озираясь.

– Вылазь, пьянчуга, – Кеша стряхнул с себя Сашкину голову и дал пинка Хныку, – и ты валя, разлётся тут, как на лежанке!

Ребята полезли наружу. Место, на которое привезли группу, было очень похоже на то, из которого их увезли: та же степь без конца и края, только посреди степи стояла крепость из железобетонных блоков какого-то разобранного городского дома. Здесь были окопы с блиндажами и ежи с колючей проволокой. У каждого входа лежали мешки с песком. Рядом с крепостью виднелся колодец и несколько чахлах акаций. Чуть в стороне стояла слегка покосившаяся наблюдательная вышка.

– Вот в таком месте мы прошлый раз воевали, – сообщил Кеша. – Тут есть, где спрятаться, это тебе не два куста на ровном месте.

Сашка огляделся и пошёл к колодцу.

– Не пей сразу, – предупредил Пёс. – Набери вот в мою каску и присмотришь: если это место бельские занимали, там вполне трупак может болтаться, ну или кровяки много, знаешь, они такие штучки любят.

Сашка посмотрел на колодец, протянутую Псом каску, и пить ему расхотелось.

– Ладно, кончай базар, – распорядился Женька, – заселяемся.

Парни из других групп уже таскали снаряжение в крепость. Сашка подумал, что их тут двадцать человек, да стены неплохие, так что, вероятно, можно будет отбиться без потерь, и полез осматривать окопы.

– Он здесь жить собирается, – хохотнул ему вслед Кеша.

«Собираюсь, – подумал Сашка. – Не подыхать же мне собираться. Хотя это у нас запросто. Что за война такая, схватят тебя за шварку, привезут в степь, под чужие танки, если уцелел – опять схватят и на новое место. Чую я, что нами в штабе какие-то дыры затыкают, с кадетами бы так не обращались»... Окопы оказались довольно приличными: немного размокшими, с

грязью на дне, но глубокими. Сашка прошёлся по одному из них до блиндажа, залез в блиндаж, посмотрел через щель на степь и окончательно успокоился. В крепости уже горел костёр, парни расположились кто где. Сашкина бригада поставила две палатки снаружи у самой стены, другие – подальше, и теперь пацаны ели консервы.

Через узкое отверстие в панели, служившее не то окошком, не то бойницей, Сашка посмотрел, как уезжают привёзшие их грузовики, и сел к огню.

– Братва, а кто теперь за Волкова будет? – спросил Женька. – Вы хоть с кондором связывались?

– Связывались, – спокойно ответил невысокий крепкий парнишка, везде таскавший с собой мини-радиостанцию, за что все его называли Радист. – Он говорит, выбирайте пока самого разумного. А потом помех в эфире много, не насвязываешься.

– Ну, выбирать по правилам надо одного из командоров, – сказал Женька, – только нашего не считайте.

Командоров кроме Витьки было трое – все взрослые парни. Сашка никого из них толком не знал, и ему было всё равно, кто займёт место Волка. Лишь бы не пинал без причины. Ребята спорили, размахивали руками, а двое чуть даже не подрались, но, в конце концов, выбрали Уксуса.

– Хана, – сказал Кеша, когда споры закончились. – Этот убьёт и имени не спросит. Второй Горилла Тим.

Сашка пожал плечами и залез в палатку. Снаружи было слышно, как Уксус назначает порядок караулов...

Они промаялись на позициях два дня, а боёв даже не было слышно. На следующий день на грязном джипе приехал от кондора Эдик Кролик с бумагами и ещё одним парнем. Когда бумаги были подписаны, гонцы на радостях напились, и лежали в одном из блиндажей. Сашка с Кешей с утра до вечера играли в карты на сигареты, Пёс читал тощую книжонку, где не хватало уже половины страниц, Шиз лежал на мешках с песком и часами таращился в небо, а на Хныка напала тоска: он ныл, как ему не хватает Олега, ревел, размазывая по лицу слёзы и грязь, и так всех достал, что получил от Женьки по шее.

Вечером второго дня до ребят стали доноситься далёкие раскаты.

– Танки стреляют, точно вам говорю, – клялся Кеша.

Караулы на ночь были удвоены, и Сашка опять оказался в окопе. Рядом в блиндаже сидел Пашка Радист и непрерывно пытался выйти на связь с кондором.

– Ни хрена никто не слышит, – жаловался Пашка. – Техника – дерьмо, помехи одни, или это нас бельские глушат.

– Южный Форпост штурмуют, – сказал сидящий рядом с Радистом Уксус.

– Грузовики! – крикнул с вышки наблюдатель.

– Кого везут? – спросил Уксус.

– Навейное, бейские наступают! – выполз из своего блиндажа Кролик. – А что в эфире?

– Глухо.

– Бельские! – закричал наблюдатель совсем громко. Парни похватили оружие и рассыпались по окопам.

– Ну вот, опять, – бормотал Кеша рядом с Сашкой. – Начинается!

– А они что, – удивленно спросил Сашка, – на грузовиках прут? Мы же их порвём!

– Точно, – Уксус заматерился и сам полез на вышку. – Какие бельские! Ты, сучок слепой!

Наблюдатель оправдывался, пытался спрятаться от разозлённого Уксуса.

– Говнодавы! Салага знает, что грузовики в атаку не ходят, пообосрались тут! – Уксус пнул наблюдателя и спустился вниз.

– Это наши отступают, уроды!

Грузовики приближались, Сашка насчитал их шесть штук.

– Яненок везут, – предположил протрезвевший от страха Кролик. – Ийи пьяных с юга.

Парни подождали, пока грузовики подъедут совсем близко, и вышли из укрытия. Уксус и командоры говорили с шоферами, а Кролик бегал от одной машины к другой и что-то озабоченно высматривал.

– Ну, пацаны, – протянул Женька, вернувшись к группе, – дела на юге туго идут. Эти борта мёртвых везут, а вон в крайних

двух – раненые. Сейчас грузовики дальше поедут. Ну, блин, там заварушка.

Грузовики, дымя и урча, поехали дальше, а парни потянулись в палатки. Все, кроме дежурной группы.

Утром те же грузовики вернулись, на этот раз они везли подкрепление и провиант. Кролик деловито экспроприировал из запасов несколько ящиков дополнительной тушёнки отряду и небольшую канистру медицинского спирта – для себя и напарника. До вечера всё было тихо. Витька сидел на корточках у погасшего костра и шептал что-то себе под нос. Сашка пытался прислушаться, но ничего не понял. Хозяйственный Кеша приволок откуда-то несколько коротких досок и, прежде чем отправить их на отопление, выдирает оттуда ржавые гвоздики. Хнык весь день пролежал в палатке и выбирался только постонать о своих больных ногах. Сашка смотрел в бойницу и думал о степи, о Краеве, о Кате. Когда начало садиться солнце, все парни собрались по бригадам на ужин. Витькиной группе повезло больше других: они сегодня не были в карауле и могли спокойно поесть внутри крепости. Сашка развёл костёр, лениво хлопнул по шее Хныка, который тут же попытался от этого костра прикурить, и присел на ящик у стены. Ящиков в крепости было довольно много: в деревянных и картонных подвозили продукты, в алюминиевых – боеприпасы и лекарства. Ящики из-под продуктов тут же шли на отопление. Сашка сонно глядел на то, как Кеша ставит банки с тушёнкой к огню, подбрасывает топлива, и думал, что сейчас здесь не так уж плохо. Сухо, тепло и тихо. Чего ещё надо человеку? Потом Сашка повнимательней посмотрел на скрючившегося в уголке Хныка, Женьку, который методично чистил свой автомат, на Кешу с Максом, тесно сидящих у костра, и понял, что пытается угадать, кто же вернётся живым с этой боёвки.

– Согрелось, – сказал Пёс, – где только командора носит?

– Он на закат чего-то ноет, – сообщил Кеша, зачерпывая ложкой тушёнку. – Давайте, что ли, его пайку сожрём, чтобы ушами не хлопал.

– Ну-ну, – усмехнулся Пёс, – значит, призываешь нас употребить за Шиза его долю этой серой пищи. Мне, может, и своя уже не доставляет радости.

– Отдай мне, раз такой разборчивый! Сашка, чего он выпендривается?

Сашка пожал плечами и тоже подсел к огню. Парни замолчали и принялись за тушёнку. Подошёл Хнык:

– Я тоже чего-нибудь ещё бы съел. Картоху вот хочется.

– Да, если бы кто-нибудь угостил меня картофелиной, я б ему сейчас десять марок подарил, – со вздохом произнёс Кеша.

– Это очень не рациональное желание, никоим образом не соответствующее действительности, – сказал ему на это Пёс.

– А мне по фиг, понял, – Кеша бросил банку с тушёнкой и несильно стукнул Пса в грудь.

– Ты чего? – удивился тот.

– Чего? – закричал Кеша. – Чего? Я давно тебя спросить, суку, хотел: где ты был на самом деле, когда Серёгу Волкова из танка убивали?

Пёс резко побледнел, поднялся и с такой силой толкнул Кешу, что тот, не удержавшись, отлетел в дальний угол.

– Пацаны! – Сашка встал, чтобы растащить Кешу и Пса. – Не надо!

Он даже не заметил Хныка, несущегося на Пса с доской. Доска со всего размаха въехала Максиму в живот, и тот упал на пол. Кеша подбежал и принялся пинать его. Хнык тоже. Женька, лениво наблюдавший за схваткой, вытащил из-под себя алюминиевый ящик и, размахнувшись, бросил его в сторону дерущихся. «Убьют» – с ужасом подумал Сашка, метнулся к автомату и, сорвав его с предохранителя, дал очередь вверх.

– Прекратите!!! – закричал он.

То ли крик подействовал, то ли автомат привёл парней в чувство, но схватка тотчас же прекратилась. Ревел Хнык в углу, матерился Кеша. Женька Коньков деловито открывал свою банку с тушёнкой. Сашка подошёл к Псу и помог ему встать.

– Сильно тебе досталось?

– Эквивалентно интеллекту, – прошептал Максим, не решаясь разогнуться. – Мне всегда достаётся.

Вбежали парни из других групп. Пришёл Уксус.

– Что случилось? – спросил он у Женьки.

– Пёс с автоматом баловался – он выстрелил, – жуя, ответил Коньков.

– Пёс – это ваш очкан? – уточнил Уксус.

– Ну, Псина, кранты, – ядовито прошептал Хнык. – Сейчас тебя, суку, замочат!

– Это я стрелял, – сказал Сашка.

– Зачем? – Уксус пристально посмотрел на Сашку. В его взгляде было что-то от Гориллы Тима.

– Случайно, – внутри у Сашки похолодело.

– Дай автомат, – спокойно сказал Уксус.

Сашка осторожно протянул ему «Калашников» под испуганным Кешиным взглядом.

– Отойдите все.

«Убьёт» – безнадежно подумал Сашка. Как будто в подтверждение этого Уксус отбросил автомат в сторону и достал из-за пояса пистолет. «Всё, – решил Сашка, – конец».

– Уксус, не надо! – пробормотал Кеша.

Сашка видел, как Уксус медленно поднимает ствол на уровень его лица, и думал о том, что у него за поясом тоже есть пистолет, но доставать его уже поздно.

– Ну что, псих сраный, повоевать захотелось? – холодное дуло упёрлось Сашке в лоб. – Патроны у тебя лишние? Ну тогда и у меня найдётся.

Сашка поразился, какая вокруг тишина. Только Женька продолжал звякать ложкой, как ни в чём не бывало. Как будто то, что сейчас при нём застрелят человека, не могло испортить ему аппетит. Сашке казалось, что тишина длится очень долго. Так долго, что он устал стоять. Захотелось закричать: «Стреляй, не мучай!»

– Выстрелить, что ли? – Уксус обращался к Псу, стоявшему рядом. – Как думаешь, выbleднок?

– Не надо, – ответил Пёс.

– Не надо, – сказал Кеша.

Женька молчал, Хнык продолжал всхлипывать. Сашка стоял, не дыша, и хотел только одного – чтобы всё это скорее кончилось. Как это кончится, было уже неважно.

– Ладно, – Уксус так же медленно начал опускать руку с пистолетом. – Прощаю последний раз.

Сашка облегченно выдохнул воздух и тут же получил пистолетом по лицу. Из носа закапала кровь.

– Это тебе вместо пули, – сказал Укус и вышел.

Сашка мешком свалился на пол, закрыл лицо руками, потекли слёзы.

– Чё ты сунулся, урод? – спросил Женька. – Этот очкарик сам наварился – не хрен от своих бегать, ну и попинали бы его, труса и предателя.

«Предателя, – подумал Сашка. – Вот и меня в Корпусе посчитали предателем. Я знаю, что это такое». Сашка посмотрел на Женьку ненавидящим взглядом, встал, сел в угол. Кеша и Пёс подошли одновременно.

– Он бы не выстрелил, – сказал Кеша. – Он против тебя ничего не имеет.

– Саша, не плачь, – Пёс поправил очки. – Тебе не надо было меня защищать. В этой среде если раз прискребились – пиши пропало.

– Вы чокнулись! – заорал Сашка. – Ты озверел, Кеша! Мы же не люди!

– Не люди, не люди, – успокаивал его Пёс. – Люди все в городе остались. А мы так – военный контингент.

– Почему всё так! – орал Сашка, словно желая высказать всё, что накопилось за те несколько дней, что он воевал. – Почему про хорошую жизнь пишут только в книжках! Почему все мы такие сволочи!

– Успокойся, Саша, успокойся, – Пёс схватил Сашку за плечи и хорошенько потряхнул. – Написать книжку про хорошую жизнь проще, чем её построить. Такая книга называется утопия. То есть фигня, которой никогда не будет. Мы, во всяком случае, не доживём. А если ты сейчас не замолчишь, то вернётся Укус. Я его видеть не хочу, да и ты, наверное, тоже.

Сашка отстранил Пса, подошёл к ящику и сел. Кеша заботливо подал ему недоеденную банку тушёнки.

– Будешь курить, Сашка? – как ни в чём не бывало поинтересовался Женька, выбросив свою пустую жестянку и вынимая кисет. – Табак ещё трофейный, со жмуrow.

Сашка кивнул, был угощён самокруткой, которую тут же раскурил. «Всё как и раньше, – успокаивал он себя. – Всё как и

раньше». Не успокаивало. Тревога, обида не исчезала, всё явственной и явственной возвращались эпизоды, происходившие с ним ранее. И пистолетное дуло в лицо, и ощущение готовности самому убивать. Убивать таких, как Укус. Убивать этих не людей с нечеловеческими бесстрастными глазами. Тех, из-за кого, возможно, никогда не будет в их городе хорошей жизни. Пёс не прав. Город с белыми домами возможен. Надо только победить бельских и начать строить белые дома. Только Укосу, Горилле, Силосу там будет не место...

Сашка сидел с потухшим уже окурком и равнодушно смотрел, как расходятся парни по палаткам. Он остался один, если не считать Шиза, который зашёл в блиндаж, открыл банку и принялся есть. Взгляд его был пуст, словно командора не было здесь, а только его оболочка. Сашка, стараясь не глядеть на Шиза, отправился в палатку. Лёг, долго вертелся и не мог заснуть, потом очень захотелось на свежий воздух.

– Может, мне с тобой пойти? – спросил Кеша.

– Отстань, – рывкнул на него Сашка.

Всё. Больше так жить было нельзя. Нельзя жить с желанием убивать. Он уже желает чужой смерти. Он уже готов радоваться хотя бы гибели Укуса. Он уже представляет, с каким бы удовольствием увидел бы того, распростёртого на земле, с дыркой во лбу и остекленевшим взглядом. Сашка подумал, что сходит с ума. Или уже сошёл. Он посветил спичкой у календарика. Сегодня было 8 ноября. Недолго он пробыл в группе. Сашка поднёс спичку к календарю и тот нехотя загорелся. Вот и всё, завтра уже не будет. Завтра не будет Александра Ерхова. То есть, его уже нет. Нет давно, ещё с прихода в бригаду. А тот, кто живёт в его теле теперь, жизни не достоин. «Я уже умер, – подумал Сашка, – поэтому умереть ещё раз мне будет не страшно»... На улице, как всегда, было сыро и холодно. Сашка осторожно обошёл крепость, наблюдательную вышку, отошёл на сотню шагов в степь, аккуратно вытащил из-за пояса браунинг... Так просто: надо приставить дуло к виску, нажать на курок и больше ничего не случится. Из-за рваного края тучи выглянула луна, осветила степь неясным светом. Сашка смотрел на лужи, остатки не ставшего снега, на их крепость так, как будто видел всё это в

последний раз и хотел запомнить, потом поднял руку, приставил пистолет к виску. Рука была холодная и какая-то непослушная. «Надо нажать на курок, — медленно подумал Сашка. Пальцы не слушались. — Я совсем не боюсь... Или боюсь? Неужели я хочу жить? Такой жизнью?» Луна опять скрылась, а Сашка всё стоял. «А больно ли это? — мелькнула мысль. — Вдруг я промахнусь?» Секунды шли. Палец, лежащий на курке, задрожал. Сашка хорошо чувствовал это. Он весь стал этим пальцем. Дрожь разливалась от пальца по всему телу, и вот уже озноб достиг головы. Воздух вокруг наполнился каким-то шуршанием, шёпотом, неясными голосами. Как будто кто-то хотел отговорить его от задуманного, как будто кому-то он был ещё дорог и нужен... Могло ли это быть правдой? Нет. Он один, совсем один в этом городе. Без семьи, без настоящих друзей, без будущего... Так что и сомневаться нечего... Дрожь усиливалась... Сашка напругся, выгоняя её из тела. На счёт три... Раз... Два... Три...

Ничего не произошло. Он стоял и дрожал. Потом резко опустил руку, уронил браунинг в грязь и пошёл к крепости...

Когда рассвело, Сашка всё ещё сидел около мешков с песком и совсем ни о чём не думал. Мимо него проходили дежурные, один раз прошёл сам Уксус, но Сашка не шевелился. Наконец, подошёл Витька Шиз, сел рядом, протянул браунинг. Сашка взял ствол холодной рукой, повертел в руках.

— Ты слабый, — сказал Шиз. — Я видел тебя вчера, я ждал твоих действий, но тебе ещё рано. Ты не выполнил своего предназначения здесь.

— Пошёл ты, чокнутый! — Сашка замахнулся на Шиза, но Витька равнодушно перехватил его руку и продолжил:

— Настоящая смерть должна быть мучительной. Ты хотел сделать всё просто, но нет, дух, ты так легко не освободишься.

— Уйди! — Сашка вывернулся из рук командора и сильно пнул того под коленку. Шиз охнул и крепко схватил Сашку за плечи. «Какой он сильный» — еле успел подумать Сашка. Шиз повалил его на землю, прижал своим весом и продолжал говорить:

— Нет, дух! Ты будешь умирать долго и проклянешь день, когда родился.

— Мама! — закричал Сашка с ужасом и потерял сознание.

Продолжение следует...

Детям и родителям

Игорь Петров
СКАЗКИ**ПЛУГ И КАМЕНЬ**

Отправился как-то Плуг пахать. Пашет-пашет и вдруг, на середине поля, повстречался с Камнем.

– Ты бы не мог уйти, – обратился к Камню Плуг, – а то лежишь у меня на пути и мешаешь работать.

Камень побагровел.

– Что?! – закричал он. – Я должен уйти! Да я лежу на этом поле сто лет! Я появился здесь, когда тебя и в помине не было! Тебе надо, ты и уходи!

Не ожидал Плуг такого ответа. Расстроился, что не может дальше пахать и ушёл домой.

На следующее утро Плуг снова пришёл в поле. Смотрит, а Камня нигде нет. «Вот и славно, – с облегчением вздохнул он. – Видать, Камень одумался и нашёл себе другое место».

И обрадованный Плуг принялся за работу. Но он ошибся. Никуда Камень не ушёл – просто он глубже закопался в землю, чтобы его сразу не заметили.

И вот пашет Плуг, пашет и вдруг, на середине поля, ударяется обо что-то твёрдое. Да так сильно, что едва не ломается!

– Ты опять не даёшь мне покоя! – показался из земли Камень. – Когда это кончится!

И он принялся кричать и размахивать руками.

Расстроенный Плуг бросил работу и снова ушёл домой. А Камень, довольный победой, стал готовиться к новой встрече – придумывать обидные слова, которые он скажет Плугу завтра.

Настало утро, и Плуг с никудышным настроением поплёлся в поле.

Пришёл и видит, Камень ещё глубже закопался в землю. «Ладно, – подумал Плуг, – больше я с ним ссориться не буду». И, вздохнув, принялся за работу.

Если бы сказку сделали былью, жизнь была бы ещё страшнее.

Валентин Домиль

На середине поля, когда Камень оказался на пути, Плуг просто свернул в сторону и обогнул препятствие. Камень даже рот раскрыл от неожиданности.

– Эй! – закричал он. – Ты куда? Я здесь!

Но Плуг, ничего не говоря, продолжил работу и к вечеру вспахал поле.

– Ну ничего, – пробубнил рассерженный Камень. – В следующем году Плуг точно на меня налетит. И, может, даже сломается... Тогда я ему всё скажу, что о нём думаю!

Но на следующий год Плуг уже был готов к встрече с Камнем и, помня его скверный характер, снова обогнул препятствие.

«Надо было мне ещё глубже в землю зарыться, – расстроился Камень. – Ладно, – решил он, – будущей весной поговорим».

Пришла весна и Плуг, как ему и положено, отправился в поле. Камня было не видно. Он так глубоко спрятался, что земля казалась ровной и чистой.

Плуг начал пахать, а Камень принялся радостно потирать руки.

Дойдя до середины поля, Плуг, на всякий случай, обогнул опасное место. Из груди у Камня вырвался стон отчаяния, и он заплакал от бессилия.

– Ну подожди мне! – погрозил он кулаком Плугу. – Дай только срок, ещё встретимся!

Но когда наступила следующая весна, Камень вдруг одумался и решил пойти на мировую с Плугом. «И чего это я, действительно, спорю из-за пустяка, – рассудил он. – Всего-то нужно перейти метров на двадцать в сторону...». Хотел Камень вылезти из земли, но не смог, сил не хватило – так глубоко в неё забрался – только на половину и выбрался.

Шли годы. Со временем старая ссора забылась, и Плуг и Камень начали даже здороваться при встрече. И что интересно, Плуг, с каждым разом, становился всё блестящее, а Камень дал трещину и покрылся мхом.

ТЕРПЕНИЕ И СПЕШКА

Повстречались как-то в поле Терпение и Спешка. Посидели, поговорили и так понравились друг другу, что решили вместе жить. А для начала – найти место подходящее, чтобы дом построить и хозяйством обзавестись.

– Давай, прямо сейчас и отправимся, – предложила Спешка.

– Это на ночь-то глядя? – удивилось Терпение.

– А зачем время зря терять?

Как ни пыталось Терпение отговорить Спешку – дескать, в темноте и дорогу не видно, и можно зайти в место какое гиблое, да где там: «Пойдём, и всё тут!»

Делать нечего, согласилось Терпение в ночь идти: не начинать же ссору с новым товарищем по такому пустяку.

Вот идут они по лесу, на пни да кусты натываются.

– Может, остановимся, да рассвета дождёмся, – говорит Терпение.

– Нет-нет, идём дальше, – не соглашается Спешка. – Место, которое мы ищем, где-то рядом.

Вот настало утро. Огляделись Терпение и Спешка и видят, что зашли в болото.

– Ну, что я тебе говорило, – покачало головой Терпение. – Как нам теперь из болота выбираться?

– А зачем выбираться? – улыбнулась Спешка. – Чем тебе это место не нравится? Давай здесь дом ставить, а то мне уже ходить надоело.

– Тебе надо, ты и ставь, – рассердилось Терпение, – только я на болоте жить не стану.

– Ещё как станешь, – зевнула Спешка, – увидишь, какой я дом замечательный построю, и станешь.

Воткнула Спешка несколько кольев в кочки, набросала на них веток и говорит:

– Ну, как тебе?

– Ты же обещала дом построить! – нахмурилось Терпение. – А это шалаш, не шалаш, куча, не куча – логово какое-то.

– И построю! Обязательно построю, но только потом, когда обживёмся. А сейчас нужно о пропитании побеспокоиться, а то холода уже не за горами.

Стала Спешка ветки да коряги в разные стороны разбрасывать.

– Ты что это делаешь? – спрашивает Терпение.

– Хлеб будем сеять, – сообщила Спешка. – Не стой, помогай, нужно поле очистить под посевы.

– Какой хлеб! – возмутилось Терпение. – Уже первые заморозки начались!

– Вот и надо поторапливаться, – говорит Спешка. – Быстрее посеём, скорее и урожай соберём.

Махнуло в сердцах рукой Терпение и отошло в сторону. Стоит, смотрит, что Спешка делать будет. А она очистила небольшую полянку и разбросала наспех зерно по кочкам.

– Ну вот, – довольно потирая руки, произнесла Спешка, – завтра посмотрим, что у нас вырастет, а теперь не мешало бы и поспать, а то я совсем умаялась.

Ничего не сказало Терпение, только задумалось, правильно ли оно сделало, что со Спешкой связалось.

Вот проснулись утром наши знакомые. Смотрит Спешка на своё засеянное поле и дивится:

– Надо же, ничего не взошло! Наверное, Терпение, ты было право – место это никчёмное. Нужно было мне тебя послушать и дальше идти.

Почесала Спешка затылок и продолжает:

– Ладно, признаю свою ошибку. Бросаем всё и отправляемся искать лучшее место. Пошли!

– Это куда же? – спрашивает Терпение.

– Как куда? На другой берег! Вон река поблизости протекает. Чувствую я, все хорошие места там и находятся.

– А как же мы на другой берег попадём? – говорит Терпение. – Моста поблизости нет, а река ещё не встала.

– Ничего, переплывём, река не широкая.

Прыгнула Спешка в воду и поплыла. Машет руками что есть силы, а течение её в сторону сносит.

– Ой, – кричит, – не выплыву! Вода уж больно быстрая и холодная!

Схватило ветку Терпение и протянуло Спешке.

– Хватайся скорее, а то утонешь!

– Нет! – заупрямилась Спешка. – Поплыву дальше!

Кое-как она доплыла до маленького островка посередине реки. Вылезла на берег, мокрая, замёрзшая, зуб на зуб не попадает.

– Давай ко мне, – машет рукой Спешка. – Передохнём и дальше отправимся...

Никуда не поплыло Терпение. Дождалось ночи и когда подморозило, осторожно перешло на островок.

– Вот что, Спешка, – говорит Терпение. – Видно, нам не по пути. Ты всё время торопишься и попадаешь в разные неприятные истории.

– А ты медлишь! – обиделась Спешка. – Послушать тебя, так на ходу спать будешь.

Спорили-спорили они, а потом перебрались на другой берег и разошлись в разные стороны – Спешка в горы полезла, а Терпение развело костёр и стало дожидаться рассвета.

Наталья Елизарова **СКАЗКИ**

ДОЧЬ ЛУНЫ И СОЛНЦА

Жил-был один богатый и знатный вельможа. Его имение было такое большое, что и за месяц не объедешь на вороном скакуне, а злата, серебра в сундуках – считать, не пересчитать. Задумал он однажды жениться – а то неудобно как-то перед окрестными князьями, да графьями – вроде почтенный человек, именитый, солидный, а холостяк, будто какой-то вертопрах-молодчик.

Много красавиц мечтали отдать ему свою руку, много родовитых семейств сочли бы за великую честь породниться с ним, но наш жених был строг, да придирчив, всем отказывал.

Смотришь, бывало, на юную прелестницу и восхищаешься её совершенством: и хороша, и умна, и на клавесине играет, и языки заморские знает, и характер кроткий, ангельский, – кажись, чего ещё надо для счастья! Женись, да радуйся! Ан нет – наш придира непременно отыщет в ней какой-нибудь изъян. То то ему не так, то другое не эдак: сморщит губы, скривит нос, да ещё и слово обидное скажет – а оно, как клеймо, – во век не отмоешь. Расстроенные девушки, не солоно хлебавши, с позором убегали домой, запирались в своих опочивальнях и рыдали горячими слезами по несколько недель кряду. Родители девиц в отчаянии хватались за сердце, братья – за кинжалы. Свахи от досады рвали на себе волосы...

Приближённые вельможи бросились к нему с упрёками. «Что ты за истукан бесчувственный! – говорят. – Таким невеселам от ворот поворот дал – короли бы за себя их взять не побрезговали! И какой жены тебе только надобно?!» Вельможа, подумав, молвил: «Та, кого я захочу назвать своею супругою, должна быть дочерью луны и солнца». Призадумалась челядь, почесала затылки – никогда никто не слышал про таинственную дочь луны и солнца. Где её искать?

...Как-то раз, проснувшись рано утром, вельможа подошёл к окну, распахнул занавески и прямо-таки остоленел на месте. Ему улыбалась девушка, краше которой ещё не рождала земля: прекрасная, как звезда, купающаяся в серебряных струях ручья, нежная, как небо, тронутое поцелуем зори, свежая, как капля росы на цветке. «Вот она – дочь луны и солнца!» – воскликнул вельможа, и что есть мочи закричал: «Слуги! Слуги! Несите скорее сюда мой мольберт!» Прибежали слуги, ничего понять не могут, в окно таращатся – а там нет никого. Переглянулись они между собой, покрутили пальцем у виска, – подумали, что хозяин с ума сошёл, и, пожав плечами, принесли ему требуемое. Жадно схватил вельможа кисть из тончайшего ворса, обмакнул её в бирюзовую краску, сделал несколько лёгких мазков – и, о чудо! – ожил холст, а на нём – изумительный пейзаж майского утра... Прислуга недоумённо уставилась на картину: «А где же дочь луны и солнца?» Художник улыбнулся и ничего не ответил.

САДОВНИК

Жил на свете один юноша. И был он настолько беден, что ему нечем было платить даже за самую дешёвую комнатку на постоялом дворе. Хозяева из милости разрешили ему поселиться на чердаке – всё равно никто из постояльцев не хотел снимать эту крошечную каморку, куда нельзя поставить ни стола, ни стула, и где спать приходилось, скрючившись на жёсткой соломенной подстилке калачиком. К тому же во время дождей крыша чердака протекала, как решето, так что там всегда было очень сыро и холодно. Юноша зарабатывал на жизнь тем, что продавал на улице полевые цветы. Но за них платили такие гроши, что их едва-едва хватало на кусок чёрного хлеба. Однако молодой человек не унывал, и все невзгоды делил с шутками, да с прибаутками. И была у него мечта – обзавестись собственным клочком земли, разбить на ней палисадник и выращивать там экзотические цветы, привезённые из жарких, тропических стран. И чтоб всякий прохожий мог наслаждаться их чарующей красотой и изумительным ароматом.

Как-то раз повстречалась ему на углу городской площади юная цветочница. Сжимая в покрасневших на ветру руках туесок с фиалками, она переминалась с ноги на ногу в своих стареньких, прохудившихся ботинках, зябко куталась в большую мешковатую шаль в заплатках и время от времени кашляла в кулачок сухим, надрывным кашлем. «Купите букетик, господин», – робко обратилась девушка к проходившему мимо юноше. Тот, не в силах вынести её жалобного, умоляющего взгляда, выложил за букет пару мелких монет – весь его сегодняшний заработок. Худенькое, истощённое лицо цветочницы озарилось тусклой улыбкой: «Спасибо, добрый господин!», – сделав неумелый реверанс, чуть слышно прошептала она. Её взгляд упал на поклажу покупателя – огромную плетёную корзину, заваленную благоухающими ландышами. В голубых глазах цветочницы промелькнуло недоумение, которое вскоре сменилось лёгкой дымкой благодарных слёз...

Спустя некоторое время юноша и девушка обвенчались. Он был на седьмом небе от счастья, старался во всём угодить своей возлюбленной. А та оказалась с ноготком и очень быстро прибрала к рукам молодого супруга. «Знаешь, милый, – заявила в один прекрасный день она. – От продажи цветов совсем нет никакого проку. Кому они нужны? Разве какой-нибудь по уши влюблённый мальчишка их на первое свидание купит, а людям уважаемым, с достатком дарить незабудки да ирисы ни к чему – они свою даму и в харчевне угостить могут, и к модистке отвести, и у ювелира заказ сделать... Если мы и дальше станем продавать цветы на улице, то никогда не сведём концы с концами... Нужно торговать тем, что пользуется у покупателей спросом. Например, овощами. Их и на суп, и на салат, и на гарнир употреблять можно. А люди завтракают, обедают и ужинают каждый день...» Подивился молодой муж уму и рассудительности своей благоверной. «И то верно, – подумал он. – Сколько можно прозябать в нищете? А если дети пойдут, тогда и вовсе на цветочном промысле не сдюжить».

И с того дня начал он выращивать пузатые арбузы, рыжие тыквы, сочные помидоры. На рынке их бойко, с удовольствием раскупали. И очень скоро все окрестные повара и кухарки только к нему стали ходить за свежими овощами и зеленью. Денежки рекой потекли в руки. Очень скоро молодая чета переехала с постоялого двора на приличную квартиру, а потом и вовсе приобрела себе новый домик. Жена со вкусом обставила его добротной мебелью, стены украсила бронзовыми подсвечниками, а окна шёлковыми занавесками. Стала крахмалить мужу белые манишки, готовить на обед наваристые супы, стелить каждую неделю на постель чистые простыни в горошек и делать множество других приятных вещей, разрешённых законом. Муж был горд и счастлив налаженным бытом.

...Но прошло несколько лет, и вдруг он ни с того ни с сего ощутил какую-то смутную, беспричинную тоску – вроде всё хорошо, а как будто чего-то не хватает. Начал он грустить, да задумываться, и с думами своими, одному ему ведомыми,

бродить по набережной. Ходит, пинает носком башмака круглые гальки, да вздыхает о чём-то. И сам он себя понять не может – дома у него так чистенько, уютно, а ноги туда не несут, хочется прочь бежать, подальше от ненавистной рассады огурцов и моркови.

Шёл он как-то раз, шёл, и услышал тоненький девичий голосок: «Господин, купите букетик для любимой!» Он так и замер на месте – перед ним стояла маленькая продавщица цветов – худенькая, оборванная, глядевшая по сторонам голодными и жадными глазами...

Не вернулся в тот день продавец овощей домой. Бросив семейный очаг, поселился в гостинице с юной цветочницей. А далёкая мечта его молодости о прекрасном саде снова напомнила о себе. И тогда он купил возделанный участок земли и развёл на нём цветник, о котором много лет грезил во сне, и посадил его разными диковинными растениями. Кто бы ни прошёл мимо того сада – не мог на него налюбоваться. Это место казалось людям райским уголком, в котором плачущий вытирал слёзы, отчаявшийся обретал надежду, а равнодушный – желание любить.

Но не долго продлилось его счастье. Брошенная жена, не смирившись со своей участью и озлобившись, вознамерилась неверному супругу отомстить. Бросилась она прямо в королевский замок, повалилась в ногу монарху и в голос запричитала, жалуясь на жестокого изменника и коварную разлучницу. Государь страшно разгневался. Приказал слугам тот час же доставить к нему преступную пару (а, к слову сказать, в стране этой супружеская измена смертной казнью каралась).

Приволокли стражники бедного садовника и его возлюбленную к королю, бросили их, связанных, к его ногам. Вскинул он на них свои суровые очи: «Как вы осмелились государственный закон нарушить и осквернить святые брачные узы столь омерзительным деянием?! Да знаете ли вы, что вам за это голову отрубят?!» Услышав такие слова, маленькая цветочница лишилась чувств, а её любимый побелел, как полотно. «Что ты можешь сказать в своё оправдание?» –

грозно спросил его король. «Не стану я оправдываться, Ваше Величество, – отвечал садовник. – Вина моя велика, и прощения мне нет. Дозвольте лишь мне перед смертью задать вам один вопрос». «Спрашивай», – сказал монарх, удивлённый его ответом. «Слышал я, что мой король не только государственный муж, но и замечательный художник, а потому я спрашиваю Ваше Величество – смогли бы Вы ради выполнения своего долга и обязательств не картины писать, а всю жизнь, до самой смерти, как маляр, заборы красить?» Король, который, действительно, был талантливым живописцем, задумался. «Нет, не смог бы», – после некоторого молчания ответил он. «Вот и я, мой государь, не смог. Много лет я жил, разводил овощи, продавал их, обзаводился хозяйством, складывал в кубышку деньги, а в душе жила тайная мечта о цветущем саде. И как только у меня появилась возможность её осуществить, бросил ради неё всё. И если мне придётся за это заплатить своей головой – что ж, моя мечта того стоила»... Король призадумался, а потом велел развязать пленников и отпустил их домой с миром.

...А строгий закон тот вскоре был отменён.

МАРГАРИТКА, ИЛИ СКАЗКА О ПОТЕРЯННОЙ КРАСОТЕ

лучилось это давно, ещё наших бабушек на свете не было. В одном государстве правил король. Его женой была писаная красавица. Солнышко, поднимаясь утром из-за облака, спешило полюбоваться её нежным румянцем. Ветер прилетал из-за океана, чтобы расчесать её золотистые кудри. Звёзды завидовали блеску её изумительных глаз. Во всём божьем мире не было пары счастливее молодых короля с королевой! Музыканты славляли их любовь песнями, поэты в их честь слагли стихи, а родители называли своих новорожденных младенцев именами супругов.

Но однажды в счастливую страну пришла беда. Напал на неё вероломный и коварный враг – жестокий султан Аджубей. Начал он безжалостно жечь и разорять селения, грабить

и убивать беззащитных жителей, уводить в рабство пленённых девушек. Пришлось молодому королю собрать войско, отправиться на войну. Горько было ему расставаться с красавицей-женой, да ничего не поделаешь.

Молодая королева после его отъезда в слезах заперлась в своих покоях: тоскует, убивается, – белый свет ей не мил. Пробовали было придворные утешить её, но она и слушать никого не захотела, всех прогнала. Лишь к старой няньке, вскормившей её, сохранила благосклонность и дозволила ей входить в свою опочивальню.

Нянька, жалея госпожу, говорила:

– Опять грустишь, дочка. Вон как глазки припухли... Нельзя так, всю красоту растеряешь.

– Ах, няня, мне ли думать о красоте!

– Не скажи. Не ровен час, вернётся господин, увидит тебя старую и некрасивую и ещё чего доброго не узнает.

– Не беспокойся, узнает, – с улыбкой отвечала прекрасная королева. – Лишь бы живой вернулся.

...Дни проходили за днями, месяцы за месяцами, а от короля не было никаких вестей. Его молодая жена извелась в бесконечном ожидании. Вздравшись на вершину самой высокой в замке башни, она целыми днями напролёт смотрела на дорогу, ожидая гонца. Её сердце изнывало от тревожных предчувствий. Воображение молодой женщины рисовало кошмары: будто её супруг, истекающий кровью, лежит на земле, а по его плечам и груди расхаживают вороны.

Однажды, не в силах больше выдерживать тягостное беспокойство, она взмолилась: «Не пожалею ничего на свете, лишь бы узнать, жив ли мой муж!» Её слова услышала колдунья, проходившая мимо замка – старая, безобразная, злющая. Она сказала королеве, что поможет ей узнать, жив ли её возлюбленный, если та отдаст ей все свои наряды и драгоценности. Та, не раздумывая, согласилась; хлопнув в ладоши, велела слугам уложить в сундуки богатые одежды и наполнить камнями и золотом шкатулки.

Заблестели глаза чародейки при виде дорогого убранства, жадно потянулись её скрюченные пальцы к перстням алмазным, ожерельям жемчужным. Искоса взглянув на юную красавицу, она пробормотала себе под нос: «Дерево сохнет от засухи, женщина – от тоски... Кому нужна сухая ветка? Кому нужна постаревшая жена?» Разгневалась королева, топнула ножкой в атласной туфельке, приказала старухе немедленно дать ответ. Усмехнулась ведьма, извлекла из грязных лохмотьев своей юбки закопченный осколок зеркала и протянула его красавице: «Вот твой супруг, смотри!» Отшатнулась королева, в голос закричала: показал ей осколок поле ратное, кровью залитое, и короля молодого с бледным запрокинутым челом, а вокруг него – чёрных воронов – когти их стальные шёлковую рубашку рвут, клювы хищные алой влагой обагрены.

Горько зарыдала королева, прокляла в слезах свою вдовью долю. А колдунья ей и говорит: «Не вдова ты ещё, государыня. Жив пока твой супруг. Но недолго будет биться его сердце – Смерть уже летит за ним». Бросилась к ней в ноги королева, на коленях стала молить о помощи. «Не так просто помочь твоему горю», – отвечала хитрая старуха. В отчаянии красавица обещала отдать всё, что имеет, лишь бы спасти супруга. «Дорогой ценой заплатить тебе придётся за его спасение, очень дорогой», – негромко проронила ведьма, пронзив её недобрым блеском агатовых глаз. «Говори, чего хочешь?! Я исполню любое твоё желание, только спаси его!» – воскликнула девушка. Старуха, усмехнувшись уголками крючковатого рта, назвала цену – спасение возлюбленного в обмен на молодость и красоту. «Бери всё, что у меня есть, только сохрани ему жизнь!» – не раздумывая ни секунды, закричала королева.

В тот же миг её прекрасное тело сгорбилось, поседел и поредели роскошные волосы, выпали сахарной белизны зубы, а бархатистая молочная кожа покрылась глубокими морщинами. Юная красавица превратилась в столетнюю старуху.

Ведьма, расхохотавшись, облачилась в её одежды. Хлопнув в ладоши, кликнула стражников и велела прогнать королеву, которую в обличье древней старухи никто не узнал, за пределы государства. Подгоняемая тумаками и бранью своих

бывших слуг, женщина лишилась крова. «Ничего, – вытирая слёзы и с тоской глядя на затворившуюся перед ней чугунную ограду, подумала она, – скоро возвратится государь мой и выгонит эту негодяйку вон... нужно только подождать немного».

Звонкая песнь горна заставила её сердце трепетно забиться от радости – супруг, судьбою суженый, вернулся! Не помня себя от волнения, бросилась королева ему навстречу. Но проскакал мимо вороной конь, а желанный сердцу друг, даже не взглянув на неё, устремился навстречу самозванке. Ведьма бросилась в его объятия, обвила богатырскую шею своими тонкими пальцами, а на них – чужие перстни, гнусным обманом добытые, поблёскивают. Увидела королева, как её благоверный приник жаркими поцелуями к устам коварной разлучницы, и безутешно зарыдала: «Не быть мне больше рядом с милым! Потеряла я навеки своё счастье, не воротить назад...» Обезумев от горя, бросилась она наземь и в то же мгновение превратилась в маргаритку.

...Спустя три дня, утомлённый и пресыщённый дурманом хмельного вина, заморскими яствами и приторной патокой изощрённых ласк лже-супруги, молодой король покинул пышные свои покои и отправился осматривать угодья. Ходит он, бросая мрачные взгляды по сторонам, вздыхает: вроде бы и дом есть – полная чаша, и жена-красавица, а на душе – лютая зима, смертная мука сковала холодом сердце. «Взять бы, да уйти, куда глаза глядят...», – с тоскою думает он про себя. И тут его внимание привлёк крошечный, неприметный цветочек, скромно ютившийся у обочины дороги. Король, наклонившись и сорвав его, вдохнул едва уловимый аромат, который напомнил ему о чём-то далёком, трогательном и удивительно светлом. И было в этом лёгком, как дуновение ветерка, ощущении что-то настолько пронзительно-острое, что у мужчины защемило сердце. Нежно погладил он медовые лепестки – и они засверкали под лучами солнца слезами-росинками. Просветлело лицо короля: дрогнули уголки сурово очерченных губ, расправилась упрямая складка на переносице, а в зрачках печальных карих глаз заплескали золотистыми бликами маргаритки. Вдев в петлицу камзола цветок, король уверенными

шагами заспешил к замку. А превращённая в маргаритку прекрасная королева прильнула к его груди последним обжигающим поцелуем.

...С той поры все мужчины, вспоминая первую и самую большую любовь свою, прикалывают к одежде маленькую белую маргаритку, как символ хрупкого, утраченного счастья.

ТРИ СЛОВА

Было ли это на самом деле или не было, не ведаю, только старые люди в нашем селении рассказывают, что много лет назад жил один богатый купец. Всего у него было вдоволь: и земли, и денег, и торговых домов, и лавок разных, заваленных товарами со всего света. Да вот незадача – не было у купца наследника, некому было оставить после смерти громадный капитал. Горевал купец, кручинился – уж больно не хотелось ему, чтобы кровью и потом нажитое добро чужим людям досталось. Ходил он вместе со своею супругою по лекарям, по знахаркам разным, да всё без толку – пара оставалась бездетной. Вконец отчаявшись дожидаться сына, купец послал во все стороны света гонцов, чтоб извещали всякого встречного, да поперечного, что ежели кто сподобится сделать безутешную чету родителями, то наградой ему будет полный сундук золота.

И вот, прельщённые щедрой наградой, повалили отовсюду толпой в купеческие палаты разные врачеватели – честные и шарлатаны – и пытались с помощью всевозможных снадобий, микстур да заклинаний выполнить желание купца. Но безуспешно. Беспомощно разводя руками, возвращались они восвояси.

Спустя какое-то время заявила в купеческий дом древняя старуха в грязных лохмотьях и сказала купцу, что знает, как помочь его горю. «Сколько знаменитых докторов пытались за зря, – смерив её недоверчивым взглядом, проговорил он. – Где тебе, нищенка, с ними тягаться!» И он хотел уже было прогнать её прочь, да за старуху перед мужем вступилась купчиха. «Выгнать её мы всегда успеем, – сказала она. –

А вдруг она нам и вправду поможет?» Купец, почесав затылок, уступил.

«Будет у вас наследник, но с одним условием, – прошамкала беззубым ртом старуха. – Когда исполнится ему восемнадцать лет, должен он будет жениться на моей родной дочери». Переглянулись супруги, нахмурились. «Коли родится у меня сын – изволь получить сундук золота: до верха насыплю, с места не сдвинешь! – прорычал купец. – А родство с тобой мне без надобности!» Но старуха упорно стояла на своём: «Не нужно мне твоё золото! Или твой сын женится на моей дочери, или – прощай!» И на том бы они и разошлись, если б хитрая купчиха не начала шёпотом уговаривать супруга обмануть старуху. «Сделай, как она просит, а там видно будет – глядишь, придумаем, как выкрутиться». И снова с женой согласился купец. «Будь по-твоему, нищенка», – пообещал он. На том и столковались.

Старуха дала мужу и жене испытать какой-то чудодейственный отвар, приготовленный по старинному колдовскому рецепту, и – спустя девять месяцев, родила купчиха красивого мальчика.

Радости супругов не было границ. Справили они младенцу золотую колыбельку, в кружева и шелка его обрядили. Да закатали такой пир горой, что и царям не снился. Веселятся, пьют, едят, танцуют с приглашёнными на крестины гостями, а про давешний уговор – забыли.

В самый разгар праздника объявилась старуха, ведя за руку горбатое, уродливое существо в язвах и струпьях. Подошла к драгоценной люльке, откинула костлявыми пальцами венецианские кружева, заглянула в чистые детские глазки, да пробормотала что-то себе под нос. «Не дотрагивайся до моего сына, проклятая ведьма! – закричал купец. – Чего тебе надо в моём доме?» Старуха нагло заявила, что пришла повидать будущего зятя, да познакомить его со своей дочерью. Помрачнел купец, стиснул стальные кулаки: «Забирай сундук с золотом и проваливай!» Нищенка напомнила про даденное ей слово. Взбешённый купец велел слугам схватить обеих, да выпороть, как следует, чтоб

на другой раз не повадно было благородным людям дерзости говорить.

Тот час же бросились крепкие краснорожие молодцы с бычьими шеями исполнять приказ своего хозяина, похватали старуху с дочерью, заломили им руки-ноги, узлами затянули – не вырвешься, – да поволокли на конюшню – кнутом сечь. Как ни упрашивали испуганные женщины пощадить их, как ни старались слезами разжалобить – ничего не помогло – словно к бесчувственным истуканам взывали... Вдоволь погуляли плетёшки из воловьей кожи по их спинам, всласть покуражились: несчастные мать с дочкой от побоев тех жестоких чуть Богу душу не отдали. После вылили на них ушат холодной воды, привели в чувство, да за ворота вышвырнули. Окровавленная старуха, охая и причитая, прокляла новорожденного, и пожелала ему смерти, едва тот вымолвит три слова. Услышав из уст знахарки проклятия, купец приказал засечь её до смерти, но его остановила жена. «Будет с них и этого, – сказала она. – Отпусти, пусть идут вон!» Купец, не став спорить, махнул женщинам рукой, чтоб убирались.

...Минуло несколько месяцев. Мальчик понемногу подрастал, радуя родителей пригожим личиком, смыслёнными глазками, да резвыми ножками. Купец с купчихою не могли насытиться на своё чадо – не ребёнок, а золото. Единственное, что их тревожило – это слова старухи, пожелавшей их отпрыску скорую смерть, едва тот вымолвит хотя бы три слова. Поэтому они, желая спасти своего сына от верной гибели, ему рот повязкой завязали, чтобы он по своему детскому разумению, не дай Бог, что-нибудь не залепетал.

Так и жил он с завязанным ртом. А как стал немного постарше, любящие родители ему про проклятие старухи рассказали и строго настрого запретили говорить, чтобы не умереть безвременной смертью. Хотел было мальчик спросить у них про то, что такое смерть, да те в ужасе руками замахали, зашикали на него, губы ладонями зажали. Испугался он, аж затрясся весь: понял, что смерть – это что-то очень страшное. И с тех пор он даже не помышлял о том, чтобы

заговорить. И все в округе, никогда не слышавшие от него ни единого слова, думали, что он немой.

...Прошло восемнадцать лет. Купеческий сын превратился в статного юношу – окреп, возмужал. Стали на него девушки заглядываться, мечтая пойти с ним под венец. Тут и ему пришлось время влюбиться – в генеральскую дочь, слышную в городе первой красавицей. Купец с купчихою, видя, что их сын то краснеет, то бледнеет перед ней, решили её сосватать. Сказано – сделано: нарядились они в свои лучшие одежды, купили богатых подарков и пошли в генеральский дом просить руки красавицы. Генерал с генеральшей тому предложению были рады-радехоньки – жених-то богатющий! Но виду не показали и даже поломались для прилику, цену невесте набивая. Но, в итоге, всё равно согласились и решили честным миром сыграть свадьбу.

...После венчания, возвратясь из церкви, уселись молодожёны за праздничный стол. Гости пьют хмельные вина, едят яства заморские, да шутики шутят, а новобрачная возьми, да и пристань к новоявленному супругу с расспросами – мол, любишь ты меня или нет – скажи, и всё тут. Приуныл тот, нос повесил: и хочется ему милой жене слова ласковые сказать, да нельзя – крепко засел в голове отеческий наказ – как скажешь три слова, так помрёшь. Что тут делать? А молодка пуще прежнего канючит: скажи, да скажи. Посмотрел он на неё грустными глазами, покачал головой – не могу, мол, сказать, не проси. А она не поняла, обиделась: «Ах, так ты меня не любишь!», – и, надув губки, расплакалась. Как ни старался он её приглубить-утешить, всё зазря – расстроились отношения, точно трещина по фарфоровой чашке пробежала. Хотел он в сердцах ей крикнуть: «Я люблю тебя!», – да вовремя сдержался, промолчал. И только представился ему подходящий момент, вышел потихоньку из-за свадебного стола, украдкой прошёл в свою комнату, быстро собрал вещи и, не замеченный никем, бежал из дома. И тяжело ему было покидать возлюбленную, и оставаться рядом с ней не было никакой возможности.

И пустился он с того дня в далёкие странствия по морям и океанам. И встречалось ему много разных людей: торговцы

уговаривали его купить свои товары, нищие просили милостыню, путники – указать дорогу. И везде к нему обращались с вопросами, и везде ждали от него ответа.

И тогда в страхе и панике решил он скрыться от людей. Ушёл далеко в горы, поселился в ущелье самой высокой скалы – там, куда никогда не ступала нога человека, куда не проникали людские голоса.

Очень скоро он оброс, как леший, его одежда износилась. Но он, чувствуя себя в безопасности оттого, что отныне никто не понуждает его к разговорам, был счастлив. Пил дождевую воду, питался корешками горных растений, да случайно залетевшими в пещеру летучими мышами – тем и жил.

...Прошли годы. Герой наш, вконец измаявшись от тоски и одиночества, решил на Божий свет выйти, навестить родные края, провести близких. Взял он посох, котомку и отправился в путь. Идёт, смотрит по сторонам и дивится – одежда на людях чудная, дома, – как столбы, высокие, и кругом шум, да гам стоит, аж в ушах звенит.

Ходил он, ходил, искал своё селение, но так и не нашёл. Чужое всё вокруг, незнакомое. Притомился, сел возле церковной ограды и, тяжело вздохнув, вытер со лба крупный пот. Проходящая мимо женщина бросила ему монетку. И тут, откуда ни возмись, налетела на него горбатая карлица, отобрала монетку, да как ударит клюкой в бок: «Чего расселся, прощелыга?! Это моё место! Проваливай подобру-поздорову!». Он от неожиданности так и опешил. А старушонка, сжимая сухонькие кулачки, кровоточившие язвами, наступала на него со злобным шипением: «Катись отсель, тебе говорят! Моё это место! На этой паперти ещё моя прабабка стояла с той самой поры, как эту церковь в честь погибшего купчика отстроили».

Как сказала она эти слова, защемило его сердце. Огляделся он вокруг и видит – на церковной ограде табличка висит, а на ней написано, что храм сей воздвигнут его супругой и родителями в память о его безвременной кончине. Ну, думает, то-то же мои родственники обрадуются, когда меня живым увидят. Подумал так, и пошёл по улице дом свой искать, чтобы пред очами дорогих людей предстать целым и невредимым.

Шёл он, шёл, пока не набрёл на свой дом – вот они, знакомые резные наличники, вот он, балкон с колоннами, выкрашенными белой краской, вот он, жестяной петушок, крутящийся от дуновения ветра. Сердце от радости так забилося, что чуть из груди не выпрыгнуло. Не помня себя, взбежал он на крыльцо. Но тут ему преградил дорогу человек в пятнистой одежде и сердитым таким голосом сказал: «Куда прёшь, папаша! Не видишь – музей уже закрыт. Завтра приходи». Как ни пытался он в свой дом прорваться, сердитый человек его не пропустил, даже бока намять обещал, если не уйдёт.

Тут и вовсе ему тяжело стало. Сел он на крылечко дома, где его никто не ждал, и горько заплакал. Из окна высунулась лысая голова какого-то толстяка. «Что там у тебя, Фёдор?», – спросила голова у человека в пятнистой одежде. «Да вот, пришёл один чокнутый, говорю, закрыт музей, завтра пожалуйста, а он ни в какую». «А ты пропусти его, Фёдор, – отозвалась голова. – Ценители искусства нынче редки».

Его впустили.

...Едва переступил он порог дома, ноги его подкосились. Кругом стояли какие-то ящички со стеклянными крышками, а в них чего только не было: и сервиз, который ему на свадьбу подарили, и чернильница с гусиным пером, коим он писать учился, и даже сломанный тятенькин монокль... А на стенах – картины: матушка в кружевном чепце, раскуривающий трубку отец, сам он в коротеньких штанишках, и... Побледнев, он впился глазами в огромный портрет в золочёной раме – в полный рост, во всём блеске своей красоты, стояла в подвенечном платье его возлюбленная, от которой он сбежал в день свадьбы много лет назад. Толстяк засмеялся: «Да, брат, были раньше женщины, не чета нынешним... Эх, если б можно было родиться годков эдак сто назад!»...

Схватившись за сердце, он начал медленно оседать на пол. Толстяк бросился к нему: «Ты чего, папаша?!... Эй, Фёдор, скорую!»...

По его безжизненным губам промелькнула слабая улыбка и, проговорив «Я хочу умереть», он испустил дух.

Игорь Егоров
НАХОДКА

Историко-приключенческая повесть

*Посвящаю светлой памяти
моего большого друга,
замечательного человека,
Сергея Григорьевича Фарманова*

**Глава 1. Димка-кладоискатель или
Таинственная пуговица**

Коська, гони сюда! Дело есть! – закричал Димка, выглядывая из-за угла дома. Я круто повернул велосипед и, нырнув под натянутую бельевую верёвку, с разгону чуть не налетел на него.

– Какое дело? – спросил я, хотя знаю, что у Димки всегда к кому-нибудь есть «дело» и, наверняка, связанное с пиротехникой или кладом. Пиротехникой и кладами у нас многие занимаются во дворе.

– Слушай, Коська! Я знаю, где можно найти старинные монеты! – сказал он почти шёпотом, напирая на меня всей грудью в полосатой рубашке. Когда Чкипа (так ребята перевернули Димкину фамилию Пучкин) говорит о кладе, он становится прямо-таки наэлектризованным. Даже его чёлка ёжиком так и целилась в меня!

– А где? – я тоже невольно почти шёпотом спросил у него.

– Пошли со мной! Я знаю такое место! Закачаешься!.. А велосипед закатай домой, он нам не нужен, только мешать будет, – тут же посоветовал Димка. Я послушался его, но потом пожалел. Родители нагрузили меня молочными бутылками и отправили в магазин.

– А, ерунда! По пути сдадим эти посудины, и дело в шляпе! – успокаивал меня Димка.

Пока шли, Димка без умолку рассказывал, как в прошлом году где-то у стены дома нашёл турецкие монеты, хотя, наверное, сроду их не видал, да и откуда им было

взяться здесь, в Омске?! И всё-таки я чуть не забыл про бутылки. Хорошо, что ещё не проскочили «Молочный»!

Вскоре мы подошли к реке, точнее, туда, где Омка впадает в Иртыш, и по обрыву, скользя и падая, осыпая комки сухой глины, чуть не кувырком скатились к самой воде.

– Слушай, Димка, зачем ты меня сюда привёл? – спросил я, вытряхивая из кеда глину, уже почему-то заранее жалея о том, что согласился пойти с ним.

– Эх ты! Ничего не понимаешь! Вот здесь, около берега можно, знаешь, какие монеты найти! Их раньше здесь на счастье бросали! – и мой приятель сел на корточки, и горсти гальки полетели из воды на песок. – Мы их потом в музей отнесём! – радостно подмигнул мне Димка. Я тоже кинулся рыться у берега, но ничего, кроме какого-то заржавленного дверного крючка, там не нашёл.

Я плюнул на это дело и сел на песок, а Димка продолжает «мутить воду». Вдруг он как завопит:

– Нашёл, нашёл!!! – и показывает мне пятнадцатикопеечную монету тысяча девятьсот семьдесят пятого года рождения! Я чуть со смеху не подох.

– Ха! У меня дополна таких монет! – и я вытащил из кармана целую горсть пятнашек за бутылки. – А вот как раз одной и не хватает! – и, выхватив пятнашку у Димки, сделал ему «подножку». Димка не удержался и полетел в воду! Только брызги в разные стороны! Но так удачно плюхнулся, что только штанину замочил.

– Всё равно найду, по-настоящему! – обиделся он и давай опять месить гальку, как тесто.

А я занялся изучением собственной тени: уши как уши, хотя мне не нравятся мои уши: из-за этой стрижки, всё время топырятся, и что им надо! И плечи какие-то не очень-то...

От быстроты реки, сплошь облитой слепящими солнечными бликами, то и дело выскакивали и лопались прозрачные лиловые пузырьки. Я отыскал длинную щепку и нарисовал ею на песке циферблат. Жук-солдатик пересёк мой циферблат, я щепкой закрыл ему путь, но он, не долго

думая, юркнул под ней и засеменял дальше по своим солдатским делам крохотными лапками.

Я воткнул щепку в середину циферблата. Мои солнечные часы показывали 12!

– Дим, уже 12, – простонал я, – мне же ещё за молоком!

И вдруг, стряхивая с покрасневших рук крупные капли воды, он вскочил с корточек и, вертя перед своим утиным носом пуговицу, принялся её внимательно разглядывать.

– Коська! Зырь! – во всё горло закричал Димка.

На ладони у него лежала странная пуговица с едва заметной насечкой и небольшим ушком.

– Димка, это, по-мо-о-ему, ла-а-данка! – догадался я, от неожиданности растягивая слова.

– Чего?

– Ну ладанка, не знаешь что ли, медальон раньше носили на шее! Дай посмотреть! – попросил я, сам чуть не вырывая у него из рук медальон. Мне не терпелось узнать, что там, внутри, но из-за ржавчины было непонятно, где же его створки?

– Тьфу ты, чёрт! – я уже злился, пытаюсь открыть его. – На! Не могу! Чуть ноготь себе не сломал!

– Эх, ты! «Чуть ноготь себе не сломал!» – передразнил меня Димка. Но, даже сопя и кряхтя, он тоже не смог открыть медальон.

– Ладно, пошли домой, что-нибудь придумаем! – тут же нашёлся Димка.

– Выброси в речку! Всё равно какая-то чепуха, ничего стоящего! – махнул я рукой.

– Димка весь аж побагровел, будто его кипятком ошпарили.

– Ну уж нет, я не успокоюсь, пока не открою! А вдруг там тайна клада!

– Ха-ха-ха! Тоже мне кладоискатель! На той неделе ты тоже: «Клад, клад!» А потом оказалось, что я этот «клад» уже видел возле нашего мусорного ящика!

– Ну, ты, по уху захотел?! – и Димка, наскочив на меня, рукой захватил мне шею, и мы полетели с ним на песок.

Глава 2. Дело не только в очках

Я хлопнул дверью.

– Котька, молока купил? – спросил отец из кухни.

– Да-а! – угрюмо ответил я.

– А почему такой недовольный? – отец заглянул в прихожую. – Ага! Понятно! Где это тебя угораздило?

– Да так, – отозвался я и невольно глянул в зеркало: на щеке около глаза целых две царапины и губа припухла!

– Костя, ты не видел, что Марина делает во дворе? – спросил строго отец. (Марина – моя младшая сестра).

– В песке возится! – отозвался я, хотя и не видел её вовсе. Приложив ладонь к щеке и оттянув кожу, я ещё раз осмотрел царапины.

– Котька, не переживай! Раны украшают мужчину! – я оглянулся, отец стоял за мной и уже улыбался.

– Папа, есть что-нибудь есть?! – крикнул я, скидывая кеды.

– Окрошку будешь?

– Конечно! – закричал я ещё громче.

– Тьфу ты, ёля-моля! Где же мои очки? – сам себя спрашивал отец.

Я хорошо знаю, если он ищет очки, всегда применяя свою любимую приговорку «ёля-моля», значит, поссорился с мамой или был неприятный разговор по телефону. Мама ему всегда говорит, что если бы он не терял своих очков, то давно бы уже написал свою диссертацию по кулачкам (это есть такой технический термин). Но я-то знаю, что дело не только в очках! Иногда мама смеётся и обещает купить верёвочку для очков, но она догадывается о причине папиной трудности с диссертацией. «Просто он такой человек, – говорит она, – что не будет расшаркиваться и раскланиваться с начальством». И в соавторы никого из них не берёт, если не внесли ничего своего, будь хоть каждый из них «сразу тремя шишками на ровном месте»! И правильно! Пусть сами кумекают!

– А мамы нет? – спросил я на всякий случай.

– Нет, – отозвался папа.

Я даже вздохнул. А то бы сейчас точно началось: «Что у тебя с губой?» да «Что у тебя со щекой?!» Всё-таки в этом отношении мама не отец. Да её и можно понять: она у нас врач, а потому все в нашей семье «больные», и каждый из нас по меньшей мере «болеет» тремя «болезнями»!

Наконец, отец нашёл очки и налил мне окрошку. За столом вдруг страшно захотелось сказать отцу о медальоне, но я вовремя спохватился: ух и вздул он меня недавно за найденную на улице пудреницу, такую круглую, металлическую, с зеркальцем!

– Котька, быстренько доедай да беги за Маришкой! – крикнул отец уже из комнаты.

– Ла-адно! – протянул я.

Я дохлебал окрошку и дунул во двор. «А что если он и вправду откроет медальон?!» – подумал я, со свистом летя по перилам.

Глава 3. Примирение

На другой день читаю я Майн Рида «В поисках белого бизона» на том месте, где герои чуть не померли с голоду в этих несчастных прериях, и тут один из них догадался разбить кости бизонов и поджарить костный мозг на костре. У меня аж слюнки потекли!

Вдруг – звонок. Открываю дверь, на пороге стоит Димка и как ни в чём не бывало выпаливает:

– Слушай, Коська! Такой добрый фильм сейчас идёт, закачаешься!

– Какой? – спрашиваю я, отвернувшись в сторону. А он будто и не замечает, что я на него в обиде:

– «Крестonosцы!» Пойдём сейчас вместе сходим!

– Некогда мне, – говорю я.

– Кось! Ты что, не можешь забыть, что ли, вчерашний медальон? Знаешь, а я его открыл! Опустил в керосин на часок, а потом р-р-раз и открыл! И знаешь что?!

– Что?! – не утерпел я от любопытства, не дав даже договорить Димке. – Чей-то портрет. Женщина?

– Угу... А ты откуда знаешь?

– Ну что ж ты мне сразу-то не сказал!

– А что говорить, там всё равно ничего не разглядеть, весь потрескался и в каких-то пятнах.

– Это ничего не значит. Ты взял его с собой? Не-ет. Ладно, заходи! Я сейчас.

Я начал одеваться, а Димка встал у окна и уставился на горшок с геранью.

– Чтой-то ты цветок не поливаешь? – говорит он, когда я уже совсем было напялил брюки.

– Как?! – возмутился я. – В усмерть его сегодня залил!

– А что же он такой вялый?

– А это он от избытка жизненных сил! – я где-то уже слышал такое выражение и теперь вернул его в разговор.

Димка даже нахмурился.

– Ну что, пошли?..

– Пошли! – подхватил я, и мы мигом выскочили во двор. Около подъезда стоял худенький старичок в старенькой кепке и кричал прямо-таки по-петушиному: «Точить ножницы-ножи! Точить ножницы-ножи!» Малышня уже собралась вокруг него и с восторгом смотрела на хвост искр, летящих из-под руки точильщика.

Для них этот маленький старичок уж явно был не меньше чем волшебником! Мы завернули за угол и помчались к кинотеатру.

Очередь в кассу не то что вытягивалась, а скорее набухла, потому как стояли сразу помногу человек, в основном ребята нашего с Димкой возраста, всем до зарезу хотелось посмотреть фильм.

– Интересно, есть там ещё билеты? – спросил Димка неизвестно кого, сильно вытягивая шею.

– Входные есть, – буркнул очкастик, стоящий рядом с нами с таким видом, будто он всё на свете знает.

– Нормалёк! Входные так входные! – обрадовался Димка. Когда мы вышли с билетами на улицу, в запасе оставалась у нас ещё тьма времени.

– Слушай, Димка, я хочу посмотреть медальон.
 – А он у меня с собой, я его и не забывал! – ответил Димка и хитро мне подмигнул.

– Как?!

– А так! Я специально не сказал, что он у меня, а то бы ты давай разглядывать, и мы бы не успели за билетами!

И Димка, охлопывая карман брюк, запихнул туда руку и остолбенел.

– Что? Потерял?! – спросил я, у меня даже в горле захрипело, будто я проглотил крошку, а она попала не туда.

– Я... Ага! Испугался? – захохотал Димка и торжествующе достал маленький свёрток в тетрадном листе.

– Ну, ты даёшь! – выдохнул я.

А Димка не может успокоиться, что так ловко разыграл меня. Я развернул медальон. Он был закрыт, но не до конца. Я откинул створку и увидел портрет очень красивой женщины. Хоть он и весь потрескался, но лицо-то я разглядел. Это была в самом деле просто необыкновенной красоты женщина с тёмными удлинёнными глазами, смотрящими прямо на меня. Она снисходительно улыбалась.

– Коська! Влюбился, что ли? – толкнул меня локтем Димка. Я растерянно уставился на него.

– Слушай, не мешай мне рассмотреть как следует!

– Смотри, смотри! – засмеялся Димка.

И вдруг от неожиданности я чуть не вскрикнул: на внутренней стороне крышки я увидел нацарапанную чем-то острым, еле заметную ломаную стрелку, указывающую прямо на портрет, а на ободочке возле портрета было выдвинуто с завитушками «Н. М. С.»!

– Что это, Димка?! – у меня холодок пробежал по спине.

– Ты понимаешь, здесь явно какая-то тайна! – Димка ошарашенно уставился на меня.

– Слушай! – воскликнул я. – А если этот медальон показать кому-нибудь?! У меня, знаешь, есть один хороший знакомый, друг отца... историю знает, как свои пять пальцев, собаку съел, и не одну!

– Ну уж так и не одну?!..

– Ну да ну, ловлю дырками Луну! Слушай, дай мне его ненадолго! – обрадовался я, зажав в руке нашу находку.

– Ладно, бери, только ненадолго, учти!

Глава 4. И грянул бой!

После фильма Димка загорелся одной идеей, и мы решили, не мешкая, её осуществить. Собрав малышню и отыскав Мишку и Игоря, знаменитых в нашем дворе пиротехников и поджигателей мусорниц, изложили им свой план и всей ватагой ринулись в подвал.

– Эх, и пошухерим! – воскликнул Мишка и как свистнет по-своему, до звона в ушах, припустив во весь дух впереди всех.

В подвале, около одного сарая, мы отыскиали то, что нам и нужно было – дырявые вёдра и переломанные носилки, оставленные рабочими после ремонта в нашем доме. Всё наполовину проржавело, но зато и легче было сделать щиты и шлемы!

В вёдрах мы пробили гвоздём щели для глаз, из носилок, отломав деревяшки, смастерили щиты. Игорь с Мишкой притащили откуда-то мел, и на щитах мы нарисовали огромные кресты, как это было у крестоносцев. Скоро нашлись копыя и мечи.

И вот мы торжественно надели на головы вёдра и схватили в руки щиты, мечи и копыя. И закипел бой! А точнее, вырвались в небо хохот, скрежет и звяканье!

– Стойте! – закричал Димка. – Нам надо разделиться, что вы, как ненормальные, друг на друга без разбора!

И он приложил свой меч к прорези для глаз:

– Игорь, ты – рыцарь Хаген! А Мишка и салажонки Генка, Колька и Вовка – это твоя свита!

Несуразно одетый, с вечно короткими рукавами, Игорь так и оторопел. Сроду у него не было никакой свиты, и вообще он всегда подчинялся Мишке, а тут вдруг Мишка – и в его свите, чушь какая-то!

– Чкипа, ты что, чиканулся! – уставился на Димку Мишка и покрутил пальцем у виска. – Какая свита? Бей, да и всё! – и как треснет Димку по его шлему, и давай с ним рубиться, да ещё и другим досталось.

Вообще, я окончательно понял, что Мишка – самый настоящий анархист, ему бы только «пошухерить», ещё и недозволенные приёмчики применяет. Подставил мне сзади подножку, и я шлепнулся прямо на щит.

И тогда я тоже подкрался к нему сзади и ткнул его мечом под лопатку, а он как заорёт: «Убил, убил!», а сам ну прямо, как заводной, машет своей деревяшкой в разные стороны.

И вдруг... я смотрю, он топчет что-то очень знакомое, я сразу руку в карман, а свёртка-то нет! Я разогнался и как пихну его плечом, теперь уже не на шутку! Мишка, как футбольный мячик, полетел к «грибку» песочницы, даже щит свой потерял.

– Ты чего! Так и убить можно! – обидевшись, говорит он, вскочив на ноги и выплевывая песок из рта.

– А ты не кричи, что убил, – говорю я, запыхавшись, и быстро сую свёрток в карман, – а то точно убью!

– Ты чего?! – насутился Мишка. – С цепи, что ли, сорвался?!

Если бы он знал, что мы с Димкой нашли! А все ребята уже обступили нас. Чтобы замять это дело и не выдать тайны находки («Только тайна! – пока не откроем!») – решил я, примирительно похлопал Мишку по плечу и попросил его, чтобы он так больше не махал мечом и не применял всякие свои приёмчики.

Глава 5. Эти ненормальные рыцари

На другой день после сражения я проснулся рано и долго лежал с открытыми глазами.

«Нет! – решил я. – Нам надо ещё поискать у речки! Там есть ещё кое-что!»

Я быстро вскочил и, похватав кое-как на столе в кухне оставленное родителями на завтрак, во весь дух помчался к Димке. Когда я позвонил ему, он ещё только вставал и

был заспанный и угрюмый. Он пошёл умыться, а я плюхнулся на стул и, весело подмигнув светящим мне лучам солнца из-за веток за окном, произнёс про себя: «Н.М.С! Вот – тайна!»

Всё-таки мы с Димкой ну и романтики! Как-то раз залезли мы с ним в школьную теплицу через разбитое окошко, накрутили сигар из сухих листьев лимона и давай курить, воображая себя такими испанцами-смельчаками (почему-то нам представлялось, что только испанцы залихватски, с особым шиком могли курить сигары). И вдруг всё наше фантазёрство бац – и кончилось! Из страны корриды и кастаньет мы попали прямо в учительскую! Там остатки нашей «испанской» смелости мигом улетучились, как только учитель пения, потянув носом воздух около нас и посмотрев на завуча, мрачно проговорил: «Са-мо-сад!»... Но родителей всё-таки не вызвали в школу!..

Я пощупал медальон в кармане и хотел ещё раз его посмотреть, но тут вдруг увидел у Димки на диване книжку с чудным названием «Исландские саги». Я открыл в ней наугад страницу и прочитал:

*Страшную боль победил он
Своею разумною волей,
Духом не пал ни на миг,
и лицо его было спокойным.
Руку с обрубленной кистью
в ремень щита он просунул,
Вырвал рукой уцелевшей
тотчас кинжал он короткий –
Тот, что сказано раньше,
висел на поясе справа –
И за увечье своё отомстил
жестокою карой.
Хагену правое око
ударом он выколол метким
И от виска до губы
кинжалом рассёк ему щёку...*

Я ещё раз прочитал:

*Вырвал рукой уцелевшей
тотчас кинжал он короткий...*

И мне тут же захотелось превратиться в такого же смелого, стального, со всех сторон закованного в доспехи рыцаря. Я перевернул страницу и читаю:

*И отдыхая от шума
сраженья и грозных ударов
В спор шутливый вступили,
вином наполнивши кубки...*

«Ничего себе! – подумал я в изумлении. – Одному выткнули глаз, другому отхряпали руку, а они ещё и пируют, как ни в чём не бывало!»

Но только я опять уткнулся в книжку (уже совершенно разочаровываясь в этих ненормальных рыцарях), как появился Димка, отфыркиваясь и вытираясь полотенцем.

– Ну как, что-нибудь выяснил с медальоном?! – чрезвычайно серьёзно спросил он.

– Нет, когда бы! Но у меня возникла идея, ещё раз как следует поискать на том же месте, у реки!

– Ха! Так я и сам знаю, что надо поискать! – ухмыльнулся Димка и вытащил из-за шкафа пудовую гирию.

– Видал! Теперь каждый день поднимаю! – и Димка покачал гирей между ног, но почему-то не поднял, поставил её на пол и поплевал на ладони.

Я сразу же сообразил, что он сейчас заставит меня поднимать эту гирию.

– Слушай! У меня план! Накопаем червей, – говорю я, – и заодно порыбачим на том месте!

– А что, идёт! Сейчас я достану удочки! – обрадовался Димка и тут же исчез в кладовке.

Мне даже показалось, что он больше обрадовался не моему предложению, а тому, что не надо поднимать у меня на глазах эту дурацкую гирию.

Глава 6. Главное – поиск!

Мы с Димкой нашли на кухне банку из-под повидла и пошли за червями. Я предложил идти к обувной фабрике через дорогу. Там здорово воняет кожей и всегда много червей. Это место мы открыли с ребятами ещё в том году.

Димка шёл и всю дорогу чему-то улыбался. Наверное, он свою гирию вспомнил!

Мы проскочили под самым носом у троллейбуса и завернули за угол фабрики. Димка поставил банку под кустом, и мы щепками стали потрошить землю. Примерно через полчаса у нас была почти треть банки красных, извивающихся «обрубочков». Здесь и правда около фабрики черви почему-то походили на «обрубочки».

А ещё через полчаса мы уже с Димкой плевали на крючки с червями, произнося при этом каждый свою «молитву» на лов, и забрасывали удочки. Димка сразу же поймал двух пескарей, а я одного чебачка. А потом как отрубило: клёва как не бывало!

Я первым бросил удочку и стал разгребать гальку у берега. Здорово всё-таки хотелось найти ещё что-нибудь. Теперь мне чуть ли не под каждым голышом мерещились медальон или монета!

А Димка в это время, неимоверно чертыхаясь, никак не мог оборвать тину с лески.

Я с силой перевернул на сторону весь в углублениях, обсосанный водой камень.

– Коська, смотри! – как заорёт Димка.

– Димка, – закричал я, вскочив и прыгая, как полоумный, от радости, – гильза!

В руке я держал самую настоящую гильзу от винтовки. Димка даже удочки побросал.

– Ух ты! Доброе место! – Димка уже отобрал у меня гильзу и, затаив дыхание, разглядывал её.

– Надо ещё искать! – сказал он деловито, и мы с жаром углубились в поиски.

Но, перерыв почти всю гальку вдоль нашего места, так ничего и не нашли.

– Ничего, – успокаивающе вздохнул Димка, – у нас зато есть медальон!

– И его тайна: инициалы! – добавил я.

– Точно! – поддакнул мой приятель. Конечно, тайна тайной, и всё-таки меня очень удивило, что мы с Димкой ничего, кроме гильзы не нашли.

Я пообещал своему другу, что завтра же пойдём к Сергею Николаевичу, моему знакомому, и покажем медальон. Интересно, что он скажет?

На другой день мы с Димкой уже мчались, как метеор, по коридору института, в котором работал Сергей Николаевич.

– Костик, а ты что тут делаешь?! – удивился папин друг, выглянув из-за двери.

Мы с разгону чуть не снесли его вместе с дверью!

– Вас ищу! – смутившись от такой быстрой встречи, выпалил я, едва переводя дыхание. – Вы мне, вернее, нам... очень нужны!

– Ну, рассказывай, что стряслось.

Я ещё больше почему-то смутился. – Да, собственно, ничего такого особенного, просто мы с Димкой на реке нашли один медальон. Мы и решили показать вам!

– Вот что, ребятки! Сейчас я расправлюсь со своими студентами! – и Сергей Николаевич шутливо нам подмигнул. – Подождите меня напротив в аудитории.

Мы с Димкой кивнули и зашли в класс, который почему-то назывался аудиторией, хотя стояли те же самые парты, что и у нас в школе, и от нечего делать давай рассматривать на них всякие надписи. Чуть не на всех партах было написано: «Я тебя люблю!» Не только по-русски, но по-английски и по-французски! Можно было подумать, что в этой аудитории учатся не наши студенты пединститута, а сплошь иностранцы, причём все друг в друга влюблённые по уши!

И всё же одна надпись ясно говорила, что здесь учатся, конечно же, никакие не иностранцы, а самые что ни на есть наши, омские, студенты. Надпись эта была в рифму: «Если ты не дурак, то иди на филфак!»

Мы с Димкой так и расхохотались.

– Ну и чепуха же! А? – покачал головой Димка.

– Что надо! Во! Как раз для дураков!

Но не успел я взвить большой палец кверху, как вошёл Сергей Николаевич.

– Ну-с, показывайте-ка, что у вас! – обратился он к нам, сняв очки и протирая их платком.

– Сергей Николаевич. Вот, нашли на реке! – и я протянул ему на ладони нашу находку, у меня даже голос сел.

Сергей Николаевич взял медальон, повертел его в руках и осторожно приоткрыл створку.

– Сергей Николаевич, посмотрите! – не утерпел я.

– Инициалы!

Мы с Димкой затаили дыхание. Сергей Николаевич осмотрел медальон.

– Да, буквы-то с завитками..., произнёс он, задумавшись. – И вообще очень редкая вещица... Вот что, ребята, надо бы нам как-то состыковаться с музейными фондами! Давайте так, послезавтра у меня свободный день, часиков в одиннадцать подходите к музею! Держите пока! – и он вернул нам нашу находку.

– Ну вот, видишь! А ты ещё тогда сомневался! – сказал я Димке, когда мы вышли на улицу.

– Погоди, может, ещё ничего и не выяснится, – отозвался он, недоверчиво шмыгнув носом.

Через день, ровно в одиннадцать, мы с Димкой уже беспокойно курсировали у дверей музея. Наконец, показался и Сергей Николаевич. Он шёл скорой походкой, размахивая, как школьник, портфелем. «И куда делась та его строгость, которая была в институте?» – подумал я и улыбнулся своим наблюдениям.

– Салют! Как настроение? – помахал он нам рукой.

– На все пять! – бодро ответил я, перенимая его полухватливую манеру.

Мы поздоровались.

– Нам не сюда, вон та дверь наша! – сказал Сергей Николаевич. И мы повернули к крыльцу с бронзовыми китайскими львами, сильно смахивающими на бульдогов.

– Сергей Николаевич, а что такое «фонды»? – поинтересовался я.

– Ну, это... архив, – пояснил он, пропуская нас вперёд. Старушка-вахтёрша, упакованная в телогрейку, так зорко принялась осматривать нас с ног до головы, что даже очки у неё совсем спрыгнули на кончик носа.

– Здравствуйте, это со мной, – успокоил её Сергей Николаевич.

Мы прошли по короткому коридорчику к двери с надписью «Музейные фонды». Сергей Николаевич осмотрелся и показал нам на стулья.

– Костик, подождите пока здесь!

– Понял! – подмигнул я Димке.

Но тут дверь открылась, и нас позвал Сергей Николаевич.

– Вот, знакомьтесь, Александр Михайлович!

– А, юные следопыты! Ну, заходите!

Мы увидели знакомого Сергея Николаевича. Он, вставая из-за стола, протягивал нам руку.

– Александр Михайлович.

Я чуть язык не прикусил от его крепкого пожатия.

– Костя! – ответил я.

И совсем он был не похож своей спортивностью на работника архива. Даже куртка на нём была «олимпийка».

– Ребятки, – обратился к нам наш новый знакомый, – мне Сергей Николаевич сказал, что вы нашли весьма интересную...

– Да! Вот – медальон! – и я достал его из кармана.

Не знаю, как Димка, а меня всего так и распырало от гордости.

Александр Михайлович повертел медальон в руках и так ловко открыл створку, будто он только и делал в жизни, что открывал медальоны!

– Ого! Девятнадцатый век! – воскликнул он и даже как-то смешно прищёлкнул языком. – Вот это да! Так вы, говорите, нашли на реке?

Мы с Димкой кивнули, хотя и не говорили ему ничего о реке.

– Ага! Там, где впадает Омь в Иртыш, – подтвердил Димка.

– Интересно, интересно... А, Сергей Николаевич? – и Александр Михайлович, шурясь смеющимися глазами от солнечного зайчика, взглянул на Сергея Николаевича.

Мы с Димкой переглянулись, совершенно ничего не понимая.

– Так вы мне оставите свою находку? – спросил Александр Михайлович.

Я сразу же кивнул головой и посмотрел на своего друга. Но Димка, как будто неохотно, тоже кивнул, пожимая плечами.

Когда мы потом с ним шли по улице, я ему говорю: «Так ты что, не хотел отдавать медальон?» Димка опять пожал плечами.

– Ты знаешь, – признался он мне, – я думал, что мы сами откроем тайну!

– Ну всё равно же надо было показать кому-то! – пытался убедить его я.

– Знаешь что! – вдруг остановившись, повернулся ко мне Димка. – Нам надо самим искать! И о медальоне пока никому ни гу-гу, понял?! – и Димка гипнотически посмотрел мне в глаза.

Глава 7. Приключения с умиранием и оживанием

Замелькали последние дни каникул. Хотя мы с Димкой и жалели о них, но и в школу уже здорово тянуло.

Вот и 1-е сентября. В этот день я чуть не первым прибежал в сквер около школы. Хотя и было прохладно, но зато вовсю, радостно, по-праздничному светило солнце. Сразу же, кого я увидел, так это Миньку Лучансу. Минька белобрысый, нос луковкой, сам толстый, кругленький, ну прямо Колобок из сказки, все у нас в классе его так и зовут «Колобок». За лето он даже ни капли не изменился: как был колобком, так им и остался! Минька такой потешный в своих круглых очках, и вообще всё у него такое кругленькое: пенал кругленький, ластик на карандаше кругленький, даже треугольники тоже с кругляшком посередине. Больше всех предметов он любит математику. Наш класс он всегда выручает на всяких районных и областных олимпиадах по математике. Уже один раз он был в ФМШ в Новосибирске, так называется летняя физико-математическая школа. Он носит фмшатовский значок и никогда с ним не расстаётся. Есть ребята в нашем классе, которые ему даже завидуют, но я всегда совершенно спокойно относился к его математическим успехам. Может, поэтому Колобок часто даёт мне книжки по занимательной математике и астрономии, но почему-то мы с ним так и не подружились. Наверное, он какой-то чересчур «математический». Хотя в остальном добрый парень!

Не успел мне толком Колобок рассказать об уравниении Бернулли, как к нам подскочили Игорь Воробейчиков и Санька Большаков.

Игоря и так все зовут дылдой, а за лето он и вообще вымахал, как бы сказал мой отец, с нашу знаменитую городскую пожарную каланчу! Игорь занимается в баскетбольной секции и часто ездит на соревнования в другие города. В конце концов, надо же на что-то полезное применять свой рост! А фамилия ну явно ему не подходит. А вот Саньку многие зовут Воробейчиком, хотя он и Большаков. А всё потому, что они с Воробейчиковым – друзья, не разлиты водой. Санька же рядом с Воробейчиковым ну прямо-таки воробейчик! Когда Воробейчиков уезжает на соревнования в другой город, Санька ходит, как не в себе,

и даже начинает хватать двойки, хотя и многим часто помогает. Вот это дружба!

А вот и наши девчонки, и все, конечно, с букетами!

«Эх, если бы мы с Димкой уже открыли тайну медальона! – вздохнул я про себя. – Смирнова бы совсем по-другому на меня посмотрела, а то прошла, будто и не заметила!»

Таня Смирнова мне очень нравится, не знаю чем, но очень, особенно когда она сосредоточится и пишет, пишет в тетрадке. А Димка говорит, что «в ней нет ничего такого» и что я «вообще ничего не понимаю в женской красоте!»

Вдруг кто-то как саданёт меня в плечо! Я еле удержался на ногах и чуть не полетел в клумбу головой.

– Здорово, Коваль!

(Моя фамилия Ковалёв, но так иногда сокращённо зовут меня одноклассники).

Я обернулся и увидел расплывшееся в глупой улыбке рябушное лопухое лицо Гайдено.

– Здорово, Гай! – отозвался я, потирая ушибленное плечо, и чуть не добавил «Юлий Цезарь». Хотя какой он к чёрту Цезарь! Тоже мне лопухий Цезарь! Да ещё вдобавок весь в веснушках! Ох, как бы я сейчас звезда-нул ему в лоб за его шуточки!

С Лёнькой Байбаковым, тоже двоечником, они составляют прямо-таки «ударную» силу в нашем классе. Хотя Байбаков сам почти не дерётся, а только подстерегает со своей компашкой того, кто ему чем-то не угодил, но последний удар всегда остаётся за ним. Этот удар он называет «под дыхло». Его жёлтые кошачьи глаза, обещающие расправу, не раз повергали в уныние многих в нашем классе, и в эти минуты Лёнька особенно весел.

«А где Димка? – мелькнуло у меня в голове. – Опять, наверно, проспал!»

Но тут мне кто-то руками крепко-крепко зажал глаза. Я обернулся. Это был Димка!

– Коська, смотри никому ни гу-гу о медальоне! Понял? – шепнул он мне на ухо.

– Димка! Марья Алексеевна! – я потянул его за рукав. Девчонки уже помчались к ней с букетами.

Всё-таки замечательная у нас классная! Ух и здорово она нам рассказывает на биологии про своих насекомых, а мы слушаем её, разинув рты. Говорят, у неё дома полное собрание Брэма! И вообще она такая, что даже о Байбакове и Гайдено говорит, что у них «золотое сердце и золотые руки». (Не знаю, как насчёт сердца, а вот руки у них точно «золотые»: в раздевалке срежут так пуговицы кому-нибудь на пальто, будто их и не бывало!) Хотя о ком-то другом Марья Алексеевна может сказать, что это и «недотёпа», и «недоразумение». Например, Димку она почему-то называет «Епиходовым» и «ненормальным».

Но от этого никому хуже не стало, потому что Марья Алексеевна тут же всегда говорит что-то и хорошее, так что и обижаться вроде как не стоит.

После торжественной линейки в сквере все, как по сигналу, ринулись в школу, но пропустили вначале первоклашек.

Мы с Димкой сели за одну парту. Раньше мы с ним всё время ссорились из-за всякой ерунды, и в том году я сам пересел от него к Лариске Васильковой.

Я сразу же настроился на серьёзный лад, достал из портфеля тетрадки и учебники, накануне я не только учебники, но даже тетрадки обернул.

Димка тоже вроде как решил исправляться. Поначалу мы с ним и правда слушали всё внимательно и записывали аккуратно.

Так начались первые дни учёбы, сильно не задавали на дом, и мы по сути дела продолжали отдыхать, настроение у нас было праздничное. И всё-таки медальон не давал мне покоя. «Ну когда же мы сами будем открывать тайну?» – спрашивал я Димку, но он всё твердил: погоди да погоди, словно что-то задумал такое, что уже было для меня прямо-таки новой тайной!

Я два раза звонил в архив, но мне каждый раз отвечали, что Александр Михайлович уехал в командировку.

Прошло ещё несколько дней. Начались всякие проверки и контрольные, короче, школьные будни. Теперь на уроках мы часто с Димкой играли в морской бой и читали под партой приключенческие книжки.

И вот Димка отчебучил такое! Хотя, в общем-то, всё получилось неожиданно и даже глупо. Шла перемена, и Димка взял и залез в шкаф для наглядных пособий. Но только он это сделал, как Лариска Василькова хлоп – и придвинула парту к дверце шкафа (наверное, мстила за то, что я пересел от неё), а тут звонок! Заходит Альбина Игнатьевна, наша учителька по английскому, а Димка сидит в шкафу и ни гу-гу, как испарился.

– Ху из эбсент? – спрашивает Альбина Игнатьевна.

А дежурный Витька Бураков, весь красный и вспотевший от беготни на перемене, отвечает, что отсутствует Воробейчиков, и, не долго думая, добавляет: «И Пучкин!», то есть Димка.

Ребята так и заливаются, только мне и Димке, наверняка, не до смеха: сидеть целых 45 минут в этой душегубке не очень-то, наверно, смешно. Вот идёт урок, а Димка сидит там, в шкафу, и никаких признаков жизни. Альбина Игнатьевна уже наверняка заметила, что в классе что-то творится, но почему-то виду не подаёт и заставляет переводить какой-то скучный текст. А Димка сидит, не шелохнувшись и совсем не из трусости, уж я-то его знаю. Просто он характер выдерживает или роль узника для себя придумал. Но к середине урока я вижу: ребята начинают беспокоиться, но все молчат. Сам я тоже не могу решиться сказать, потому что боюсь подвести Димку: а вдруг с ним всё в порядке?

– Ты что наделала?! – толкаю я Лариску в спину. – А если Димка задохнётся?! Учти! Ты мне за это ответишь!

А Лариска только ехидно улыбается и показывает мне язык.

– Ничего, ему полезно немного успокоиться! – говорит мне она.

– А если я сейчас скажу, что ты наделала? – не перестаю я донимать Василькову.

А она: «Не беспокойся, не задохнётся твой Димка. Смотри, вон какие щели!»

Вдруг, как пушечное ядро, над нами: «Василькова! Вотс хэппенд, что случилось?! Почему ты всё время разговариваешь с Ковалёвым?!»

– Альбина Игнатьевна, а что он ко мне лезет! – кричит Василькова.

«Ну смотри, Василькова, если Димка погибнет, я тебе не прощу!» – говорю я себе, и у меня в голове такие картины, страшнее не бывает!

Но тут меня осенил просто гениальный план действия!

– Колобок, – шепчу я сидящему ближе всех к шкафу Миньке Лучансу, – посмотри, как там Димка!..

Колобок незаметно подвигается к шкафу и заглядывает туда сверху через стекло. Все замерли и посматривают на Миньку, но делают вид, что усиленно заняты переводом.

Тут я вижу, Колобок что-то строчит на листке и потом через ребят передает мне записку. Я разворачиваю её и вижу слово «живой»! У меня сразу от сердца отлегло и даже с каким-то зверским энтузиазмом тоже принимаюсь переводить текст. Но тут звонок. И только Альбина Игнатьевна за дверь, ребята бросаются к шкафу, распахивают дверцы, и оттуда красный, как помидор, выкатывается Димка!

Но на этом Димкины приключения с умиранием и оживанием не кончились. В другой раз он был уже мёртвым, конечно, не вправду. И вот как это случилось.

У нас должен был быть урок биологии, входит наша классная Марья Алексеевна и вместо обычного «а сегодня мы поговорим о хордовых или членистоногих» уничтожающе смотрит на Димку, даже волосы в её высокой

прическе так и вскочили дыбом, а от этого её полное лицо тоже как бы вытянулось.

– Нет, ну это же надо, что Пучкин отмочил! – и Марья Алексеевна высоко взвила руку.

– А что такое?! – вихрем пронеслось на лицах, и глаза так и заблестели от любопытства.

И Димка тоже вроде как сражён неожиданностью, пожимает плечами, недоумевая.

– Нет, ну это не класс, а какой-то паноптикум! – распаляется Марья Алексеевна, показывая Димке, что у него «не все дома». – Это же надо до такого додуматься. Сейчас звонят в учительскую из библиотеки и спрашивают: у меня ли в классе умер Дима Пучкин? А я и знать не знаю, что он в покойники записался!

Я смотрю, ребята начинают переглядываться и смеяться.

– Сегодня утром мы с ним виделись, – и Марья Алексеевна опять, уничтожающе округлив глаза, глядит на Димку, – он ещё ко мне с дневником подходил, показывал роспись родителей! Недотёпа, а ведь сообразил, что сказать! Потерял книжку из библиотеки, так вместо того, чтобы прямо признаться, что... потерял, так нет же, позвонил в библиотеку и сказал, что Дима умер, поэтому не может сдать книгу, и концы в воду!

А ребята со смеху чуть под парты не закатываются.

Тут Марья Алексеевна назвала нас всех «детками-ягодками», это её любимое выражение, когда в классе кто-нибудь выкинет какую-нибудь штуку. Все, конечно, просто подымают со смеху, только на Димке лица нет. А Смирнова глянула в нашу сторону и, презрительно махнув хвостиком пушистых волос, отвернулась.

– Ну, что, Епиходов, давай дневник, – говорит Марья Алексеевна и с сожалением смотрит на Димку. – Кашки бы таким деткам... берёзовой! – вздыхает она, совсем уже не сердясь, и открывает Димкин дневник.

А Димка, вижу, готов уже со стыда хоть в тартарары провалиться.

Пока Марья Алексеевна пишет в Димкином дневнике, я незаметно толкнул его в бок:

- Слышь, Димка, а что за книжку-то ты потерял?
- Да «Саги», – мямлит он.

Когда ребята уgomонились и Марья Алексеевна начала рассказывать о членистоногих, Димка как пихнёт меня коленкой под партой:

– Коська, слышь, пойдём сегодня со мной после уроков!

Я сразу же понял, что это связано с медальоном и, обрадовавшись, кивнул Димке.

– Только заскочим в архив, вдруг что-нибудь выяснилось! Ага? – добавил Димка.

– Ага! – поддакнул я.

Глава 8. Тайна и ещё раз тайна!

– Кыш, шпана! – засмеялся Димка, вспугнув ногой у крыльца со львами взъерошенных от ветра голубей.

Но не успели мы открыть дверь, вахтёрша нас как холодной водой окатила:

– А архив сегодня не работает.

– Как так не работает?! – завозмущался Димка. – Сегодня ж среда!

– Ну и что, что среда. Давеча слыхала, конференция у них...

– Эх, – с досадой вздохнул Димка, – а я хотел кое-что выяснить!

– Что?!

– Хотел узнать, не потеряли ли...

– Да ты что!

– Ладно, Коська, слушай мой дальнейший план! Сегодня поедem к моей бабушке, я тебе такое покажу, закачаешься! А потом рванём на кладбище, там недалеко старинное кладбище, Казачье. У меня есть идея!

Мы с Димкой сели на трамвай и поехали к его бабушке.

«Всё-таки непонятно, – думал я, поглядывая то на Димку, то в окошко, – что у него за новая идея?» Но я решил

не торопить события, всё равно от него в такую минуту ничего не добьёшься.

– А, Димочка! – обрадовалась бабушка, открыв дверь. Димка крепко-крепко обнял и поцеловал её.

– Бабушка, а это мой друг Костя Ковалёв, – представил меня Димка.

– Костя – хорошее имя, – отозвалась бабушка, – а меня зовут Евдокия Васильевна. Ну, раздевайтесь, проходите, – и бабушка повела нас в комнату.

«Наверное, Димкина бабушка была когда-то очень красивая, – подумал я, – глаза у неё тёмные-претёмные, прямо как у Димки, и даже морщинки походят просто на сдутую пенку на молоке!»

– Ну, садитесь, – сказала бабушка, – посмотрите телевизор, а я пойду на кухню разогрею суп.

Только бабушка ушла из комнаты, Димка быстро сунул руку за шкаф, и я увидел вначале рукоятку с головой льва, а потом и всю саблю!

– Понял! – сказал Димка с важным видом.

– Откуда это?! – чуть не вскрикнул я.

– Дедушкина! – с гордостью отозвался он. – Это имен-ная, подарена самим главнокомандующим за то, что он вывел полк из окружения!

– Ух ты! – поразился я и сразу же так зауважал Димку, будто это не дедушка, а он вывел целый полк из окружения!

– Такое не каждому дают, даже генералу! – сказал Димка опять с гордостью.

– Дай посмотреть! – невольно вырвалось у меня.

– Тсс! Потом! Бабушка не любит, когда я её достаю!

– Димочка, идите кушать, – позвала бабушка из кухни, – я уже налила.

– Сейчас! – и Димка тотчас убрал саблю. – Коська, пошли руки мыть!

Мы с жадностью набросились на суп с курицей. Димка ел и всё нахваливал, я поддакивал ему.

– Ну как у вас в школе, успеваете? По всем предметам? – спросила бабушка.

– По всем, по всем, – выпалил Димка, поспешно доедая суп.

Мне даже показалось, что у него сейчас вот-вот кто-то отнимет тарелку вместе с ложкой и он не успеет назад выхватить даже ложку.

– А родители как, не ссорятся? – опять спросила бабушка.

– Да нет... пока, – отозвался Димка, облизывая губы. «Молодец Димка, зря не будет расстраивать бабушку!» – подумал я.

– Бабушка, а можно я покажу Косте саблю? – спросил Димка.

Евдокия Васильевна сильно смутилась. Я заметил, что её глаза покраснели. Она, отвернувшись, повесила кухонное полотенце на гвоздик.

– Ну покажи, – отозвалась бабушка, – только ведь это не сабля.

– Как так?! – мы с Димкой удивленно переглянулись, ведь мы же только что видели самую настоящую саблю!

– Это кортик морского офицера, причём шведского, – добавила Евдокия Васильевна.

Мы так и раскрыли рты.

– А вот у этого кортика целая история, прежде чем он достался Николаю Яковлевичу, Диминому дедушке, – продолжала Евдокия Васильевна.

– Бабушка, расскажи, пожалуйста! – умоляюще попросил Димка.

– История-то, конечно, неточная, да я и знаю её понаслышке, – и Евдокия Васильевна, не отрывая взгляда, посмотрела на нас, как будто немножко что-то вспоминая. – Подарен кортик был Николаю Яковлевичу генералом Левским за то, что он вывел полк из окружения. А вот как он попал к Левскому – есть вроде такая легенда – он достался ему от родителей, а родителям от ссыльного поляка, которому этот кортик подарил ссыльный декабрист, морской офицер, а вот имени этого декабриста я не помню.

– Бабушка, мы посмотрим кортик? – и Димка потащил меня за рукав в комнату.

Теперь мы уже внимательно рассмотрели кортик.

Голова льва на конце рукоятки. Глаза его блестели драгоценными камнями: один глаз зелёный, другой – красный. Ручка из пожелтевшей кости. Снизу рукоятки на защитной для руки пластинке была надпись на каком-то чужом языке и в конце этой надписи: «N.S.».

– Димка! Что это?! – вскрикнул я.

– Н.С.! – медленно, как бы даже недоумевая, произнес Димка.

– У нас-то «Н.М.С.». Неужто совпадение?! – и я уставился на Димку.

– Коська! Вот где собака зарыта! – и Димка, как пружина, вскочил от радости со стула, со всей силы хлопнув кулаком в ладонь.

Но тут вошла бабушка:

– Вы что так громко обсуждаете? – спросила она.

– Да нет, мы так просто, бабушка, – замялся Димка.

– Ну, посмотрели? – спросила снова Евдокия Васильевна, – жаль, что кортик без ножен.

И бабушка взяла его у нас и поставила на место.

– Бабушка, ну, мы пойдём, – сказал Димка и опять стал крепко-крепко целовать её.

– Слушай, Димка, этому кортику цены нет! – сказал я, когда мы вышли на улицу.

– Ещё бы! – отозвался Димка, задумавшись.

– Так мы идём на кладбище? – спросил я его.

– Конечно! – бодро отозвался мой приятель, и мы сразу же быстро зашагали.

– Слушай, Димка, а что ты хотел узнать на кладбище-то, неужто связано с инициалами! – опять спросил я.

– А ты как думал! – подмигнул мне Димка.

Мы подошли к пустырю, заросшему лебедой и кашкой. В середине пустыря, над зарослями акаций торчала неказистая церквушка.

– Часовня, – кивнул Димка на неё, – теперь там хранят какие-то киноплёнки. Дедушка ещё был жив, рассказывал, что в ней всех отпевали. А скорее, всяких купчишек. Ещё он рассказывал, что на этом кладбище были похоронены датчане с какого-то датского телеграфа.

Это я хорошо помню!

– Слышь, Дим, а почему бабушка не любит, когда ты достаёшь кортик? – спросил я.

– Почему, почему! Неужели ничего не понял? Просто бабушке тяжело вспоминать, как дедушка болел из-за контузии на войне...

Мы шли прямо к часовне, и скоро нам стали попадаться мраморные памятники и погнутые заржавелые кресты. Мы читали почти стёртые надписи, многие были написаны по-старинному, с твёрдыми знаками на концах слов. И тут... мы одновременно так и застыли; на одной из мраморных плит было написано: «Наталья Никитична С...на!»

– Фу ты, у нас Н.М.С. – вздохнул Димка, ударив себя в лоб.

– Да, верно, – подтвердил я.

– Слушай, Коська! – говорит вдруг Димка. – Давай поиграем в привидения!

И Димка спрятался за памятник, потом, растопырив руки и с накинутым на голову пиджаком, с каким-то дурацким завыванием выскочил из-за него. Но я только расхохотался.

– Димка, – говорю я, – какие же привидения могут быть днём? Совсем не страшно. Вот если бы ночью, тогда другое дело!

Димка даже сник, но тут как подскочит от радости.

– Коська, хочешь, я буду памятником на постаменте?!

– Как так?! – удивился я.

– Смотри, Коська! – кричит Димка, забравшись на памятник, как на постамент. – Я – величайший гений человечества! – и Димка скорчил такую важную рожу, задрал свой утиный нос, что я со смеху чуть не укатился.

– Смотри! – приложив руку ко лбу, как мыслитель, кричит Димка и тоже хохочет во всё горло и как шлёпнется с постамента!

Я даже ничего не успел сообразить. А Димка сидит на земле, ухватившись обеими руками за ногу, и уже не хохочет, а воет.

– Ты чего, Дим? – подбегаю я.

– Ой, Костя, в ногу чтой-то хрустнуло, – бормочет сквозь слёзы Димка, а сам уже бледный, как памятник.

– Дай посмотрю! – говорю я, но вижу: нога как нога! Димка хотел встать, но вдруг как заорёт и шмяк на землю! Я с трудом приподнял его под мышки.

– Держись за мою шею! – говорю я ему, взваливая его себе на спину. – Дернуло же тебя влезать на эти постаменты! Ну зачем...

– Ладно, не талдычь! – морщась и сжимая зубы, говорит Димка.

Дотащил я Димку почти до дороги. А дальше не знаю как.

Видим, старичок-казах на телеге с лошадкой. Я Димку посадил на траву, а сам – к старичку. А он уже нам машет: садитесь, мол, у меня места много!

Трясёмся мы с Димкой в телеге и поглядываем на старичка. А он знай себе намурлыкивает весёлую песенку, очень похожую на нашу, русскую «Светит месяц, светит ясный, светит полная луна!» И видно так по душе ему эта песенка, что он даже зажмурился.

А Димка крепко-крепко сжал мою руку в своей и смеётся, и чертыхается на каждой кочке.

Глава 9. О драмах и романах, или друзья-писатели

После уроков я заскочил домой, быстренько пообедал и, захватив с собой «Голову профессора Доуэля», книжку Александра Беляева, во весь дух помчался к Димке.

Открыла мне его сестра Катя с двумя тугими косичками и подкрашенными ресничками.

– Ну, как Димка? – спрашиваю.
 – Как?! Лежит на диване в гипсе.
 – Да я знаю, что в гипсе! Как он вообще?
 – А так, ничего... – говорит Димкина сестра. – Драму пишет!
 – Катька, кто там пришёл? – слышу я из комнаты Димкин голос.
 – Это я, Димка! – кричу я, и мучаюсь со шнурком.
 – Сейчас! – кричу. Хлоп – и шнурок пополам.
 – Здорово! Ну как? – спрашиваю я, заходя в комнату.
 – Нормально, – отвечает Димка, – садись.
 – Вот принёс тебе, что ты просил.
 – А! «Голова профессора...» Отлично! Положи там на стол. (Брр: у меня даже мурашки забегали по коже, я вдруг представил, как кладу голову профессора Доуэля на стол!)
 – В классе только и разговоров, Димка да Димка! – говорю я.
 – Что они, совсем уже! – и Димка покрутил пальцем у виска, – говорить, что ли, не о чем?
 – Да нет, кто-то уже вызнал, что мы нашли старинный медальон!
 – Вот чёрт! – с досадой хлопнул себя Димка по загипсованной ноге. – Наверно, Катька сболтнула!
 – Да, на девчонок лучше не полагаться, – заметил я.
 – А может, и не Катька... – задумчиво почесал в затылке Димка.
 – Слушай, Коська, хочешь, почитаю? – тут мой приятель достал из-под подушки тетрадку в толстенном переплёте.
 – Историческая драма! – прочитал он твёрдым голосом. – «Рыцари в блестящих латах»!
 И тут из другой комнаты доносится: «Полузащитник Воронов заканчивает свой (а что «свой», я не понял) великолепным ударом в дальний угол! Гооол!!!»
 – Катька! – кричит Димка, выходя из себя. – Выключи телевизор!

– А он мне не мешает! – высовывается из-за двери Катька.
 – Ну же сестрой наградили! – восклицает Димка, чуть не плача.
 – Ладно, читай, не обращай внимания, – успокаиваю я Димку.
 – Да! Не обратишь здесь, пожалуй!.. Ладно. «Рыцари в блестящих латах»! – опять начинает Димка. – Действие первое. Тюрьма. Бертольд: «Вот уже десять лет, как я здесь томлюсь». Поёт песню. (Тут голос у Димки неожиданно крепнет). Димка распевает во всё горло:
 «Я рыцарь удалой С железной головой, Скачу, куда хочу, И кровью отплачу!» «Засну, пожалуй». Бертольд засыпает.
 – Ух ты, здорово! – говорю я.
 «Только кому отплачу?» – недоумеваю про себя. А Димка уже даже воспрял духом и давай шпарить: «Действие второе. За столом сидят рыцари и дамы. Альбер: «Сейчас сыграют нам на флейте. Эй, музыкант!» (Входит музыкант. Играет на флейте.) Клотильда: «Великолепная игра!» Матильда: «Чудесная игра!»
 – Хорошо! – в восторге говорю я. А Димка – дальше:
 – Альбер: «Иди, иди! С тебя довольно, что ты играл таким господам!»
 Музыкант: «Но вы же обещали заплатить!» Альбер: «Для тебя должно быть честью исполнять для нас. Скажи спасибо, что мы тебя внимательно слушали. Убирайся!»
 – Вот же гад, этот Альберт! – вскипел я и как тресну кулаком по столу.
 – Молодец Димка!
 – Только не Альберт, а Альбер, – поправил меня Димка.
 – Всё равно молодец! – и я крепко-крепко, от души пожал ему руку.
 Димка от смущения засмеялся во весь рот.
 – Это кто там мебель ломает? – вдруг послышался голос из соседней комнаты, сильно похожий на Катькин, только взрослый.

– Это мы! То есть я! – растерянно отозвался Димка.
 – Ладно, ничего! – шепчет он. – Коська, только ты никому не говори, что я пишу драму!

– Ты что, Дим! Можешь на меня положиться!
 – Тсс! – приставляет Димка палец к губам.
 – Знаешь, о чём я сейчас подумал?! – говорю я.
 – О медальоне? – спрашивает Димка.
 – Точно!

(Теперь мы оба говорили очень тихо, чтобы нас никто не слышал.)

– Понимаешь, у меня такие мысли созрели: всё сходится!

– Что сходится?

– А то, что сабля, то есть кортик твоего дедушки принадлежал брату этой Н.М.С., ведь там тоже Н.С., только буквы латинские, она ему свой медальон подарила, как Марья Болконская. «Пусть, – говорит, – он хранит тебя в твоём трудном походе». Ну, или что-нибудь в этом роде. А сама умерла, и похоронили её на том кладбище, ну, около дома бабушки (ведь на том памятнике неразборчиво, а может, мы на медальоне не разглядели, и буквы там не Н.М.С., а Н.Н.С. – Наталья Никитична Сна!) А он тоже геройски погиб, иначе разве бы награждали его оружием!

У Димки глаза округлились, вижу, что рассказ мой его просто захватил, а потом в глазах «чёртики» заплесали, и уголки губ к ушам поползли.

– Ты что, Дим?

– Ну ты даёшь! Пока я тут драму писал, ты же целый роман сочинил! Ну и фантазия! Да моя драма по сравнению с твоим романом – тьфу! Ну всё у него сходится. Слушай, а может, я тоже их родственник? Сабля-то у моей бабушки теперь, а мы с ней как-никак родня!

– Не выделяйся! Может, и родственник, в конце концов, мы все когда-то от одной обезьяны произошли! Но ты знаешь, Димка, я ведь долго тогда её портрет рассматривал, она на одну девчонку в нашем классе похожа.

– На Смирнову?

– Ага! И ты заметил? Понимаешь, я так немножко зажмурился, ей хвостики Танькины подставить и представить девчонкой – вылитая Смирнова!

– Я давно заметил, что тебе Танька нравится. Хорошая девчонка и симпатичная.

– Я её сегодня спрашиваю: «Тань! Какое, – говорю, – у тебя социальное происхождение?» Ведь Н.М.С. наверняка из дворян. А она: «Что? Что?» Я: «Ну родители у тебя из крестьян там или из дворян?»

– А она: «Костя, ну какой ты странный. Ну что ты, как следовательно, “социальное происхождение”! Если хочешь, приходи к нам запросто, я тебя с папой и с мамой познакомлю, если они тебя так заинтересовали». И улыбнулась так хорошо. В общем, она меня не поняла. Вот, – выдохнул я.

– Она тебя поняла лучше, чем ты думаешь, Коська! Молодец Танька! Ну ты-то хорош! Нет, ты даже не знаешь, каким бы ты мог стать писателем или даже сценаристом! Ведь у тебя всё здорово получилось.

– Ты так думаешь? – обрадовался я.

Но тут Димка меня и «прикончил». Он сказал, что у меня всё как в индийском фильме. Такая сказочка, когда все родственники после долгих исканий находят друг друга.

– А в жизни всё не так просто. В школьный музей до сих пор идут письма с просьбой разузнать что-нибудь о погибших на войне близких. А в годы сталинских репрессий... Вчера мама рассказывала Катьке, что муж поэтессы Марины Цветаевой после ареста пропал и никаких документов: за что про что, где похоронен? А ты и могилку нашёл, вот Н.М.С. – Н.Н.С., вот её медальон, вот её портрет, вот её прах. Во-первых, подтасовка (хотя ещё раз проверить не мешает). Во-вторых, роман, фантазия.

– Да я уж и сам вижу. Тогда у меня вот такой план: нам может помочь Минька Лучансу! Во-первых, он математик и, значит, болтать не будет! Во-вторых, светлая голова!

– Вот здорово! И я тоже о Колобке думал, только не решался тебе сказать, мы же хотели хранить тайну!

– Вот мы её и «храним», а не разгадываем! Носимся с ней как с писаной торбой!

Глава 10. Минька Лучансу узнает о нашей тайне

Минька выслушал меня чрезвычайно внимательно. Поправив с важным видом очки, он сразу же пообещал хранить тайну.

– А я уж вас заждался! – обрадовался Димка. – Заходите! Только дверь закройте! – сказал он почти шёпотом. – А то Катька такая любопытная, просто спасу нет!

– Ну, что ты предлагаешь?! – сразу в лоб спросил Димка Колобка. Пока Колобок поправлял по своей привычке очки, я не выдержал и выложил:

– Минька предлагает взять из музея медальон и самим попытаться установить, когда он был сделан!

– Или, – вставил Минька, – когда был написан портрет!

– А как?! – и волосы на Димкиной голове так и нацелились на Колобка.

– Давайте к ювелиру! – предложил я, – вещь-то, наверно, дорогая! Или как?!

– А нас в милицию не заберут? – с сомнением заметил Колобок.

– Да чего там, мы сами пойдем в милицию! – выпалил я. – По телевизору недавно смотрел: эксперты только так могут установить дату, запросто! Раз! Просветят – и готово!

Глава 11. Неожиданный ход

На другой день мы с Колобком сразу же после уроков помчались в архив, чтобы взять хотя бы на время наш медальон.

Александр Михайлович сначала ни в какую не хотел его нам отдавать, но мы сказали, что решили показать нашу находку ещё одному специалисту, и тогда он согласился.

Мы с Минькой ворвались, как бешеные, к Димке, переполненные новостями дня. Мы побывали в милиции, а там нам подсказали обратиться к художникам – «это по их части».

– Слушай, Минька! Идея! – говорю я. – А если нам позвонить к Сергею Николаевичу, может, у него есть знакомые художники?

– А кто это? – уставился на меня Минька.

– Да это же друг отца, я забыл тебе сказать, – объяснил я ему. Мы, как Бобчинский и Добчинский, втолкнулись в телефонную будку.

– Да-а, Минька, худеть тебе надо! – поддел я его.

– И ты, Брут! – обиженно отозвался Минька.

– Да ладно, кушай на здоровье! – подмигнул я ему с улыбкой.

Я набрал номер:

– Алло! Это деканат? А можно Сергея Николаевича?

– Да, я у телефона, – ответил голос в трубке. «Какая удача!» – подумал я.

– Сергей Николаевич, здравствуйте, это опять я, и опять насчёт медальона! – закричал я.

И через пятнадцать минут Сергей Николаевич уже шёл нам навстречу. Приятно иметь дело с человеком, который всё успевает!

– Ну вот что, ребята, и пойдём мы с вами не к художнику, а к искусствоведу! – сказал Сергей Николаевич.

Искусствоведом оказалась такая серьёзная девушка с тугой длинной косой тёмных-претёмных волос, что мы с Минькой вначале испугались её (мне показалось, что даже Сергей Николаевич несколько оробел), но потом узнали, что она тоже училась в нашей школе и тоже у Альбины Игнатьевны! Лена (так звать эту девушку) рассказала нам такую смешную историю, как они однажды с одним мальчишкой, Лёшкой Чепиковым, принесли на урок Альбины Игнатьевны в портфеле котёнка, посадили его в парту, а он к концу урока как давай мяукать! Вот была потеха! Только потом Альбина поскакала на своих каблучищах жаловаться директору...

– Лена сказала, что она сразу поняла: портрет написан талантливым художником, – говорю я Димке, – а мы поняли, что Лена такая... Она бездну нам всяких интересных вещей рассказала – и всё мимоходом! Вот выздоровеешь и сходим! Даже Сергей Николаевич заинтересовался...

– Ну, а с медальоном когда выяснится?! – обрадованно вскочил Димка с подушки.

– Да мы послезавтра обещали зайти! – хором выпалили мы с Минькой.

Представляю, какие мы с Минькой были в этот момент, если Димка от смеха чуть не шлёпнулся с дивана.

Глава 12. Эти общественные нагрузки

На другой день после уроков, только без Миньки, я опять заскочил к нему. Открыл мне сам Димка.

– А ты что, уже ходишь?! – спрашиваю я.

– Да так, как умею, – отозвался он и заковылял на диван. – Ты знаешь, Дим, Смирнова сегодня сказала, что тебя хотят разбирать на совете отряда!

– Ни финты себе! Вот тебе и Таня!

– А причём тут она?! – вступился я за Смирнову. – Это всё Василькова и Свирская! Общественницы активистки! – добавил я, усмехнувшись. – Только бы на собраниях трещать!

– А, пускай разбирают! – махнул рукой Димка.

– А я говорю: как можно разбирать, если Димка болен?! А они: «Ну и что?»

– Во дают! – фыркнул Димка, укладываясь на диван.

– А Василькова тоже хороша, тебя же в шкафу сама захлопнула, а теперь разбирать решила! Альбина-то пожаловалась Марье Алексеевне, что ты в шкаф залез.

– А откуда она узнала, что это я в шкаф залез? – удивился Димка.

– Как откуда! Сказали же, что отсутствуют в классе Воробейчиков и ты. Эта каланча Воробейчиков и не войдёт в шкаф, значит, остаёшься ты!

– Да нет, – говорит Димка, – они не только из-за шкафа!

– Ну да! Ещё за то, что не ведём с тобой никакой общественной работы!

– Так и тебя хотят разбирать?

– Ну да! Но ты знаешь, хоть они и говорят, что мы с тобой никаких нагрузок не несём, а сами же девчонки все эти нагрузки расхватывали!

– Да и все почти нагрузки – для птички! Не знаешь, что ли! – завозмущался Димка. – Чтобы только на этих скучных собраниях подводить итоги!

– Вот именно! – говорю я. – А помнишь, во втором классе мы собирали консервные банки, лазили по всяким мусоркам, и наша звёздочка была всегда впереди всех!

– Ещё бы, конечно помню! – воскликнул Димка и даже заулыбался, словно припомнив очень приятное. – И никто не заставлял нас собирать эти банки!

– Ну ладно, Коська, так ты завтра идёшь с Колобком насчёт медальона?!

– Ну да! – обрадованно отозвался я, сразу же плюнув на все эти неприятности.

Глава 13. Непредвиденные обстоятельства, или опять – Смирнова!

На большой перемене все понеслись в буфет. Я тоже страшно проголодался и припустил чуть ли не впереди всех!

Очередь в буфете была ещё как маленький хвостик, я быстро подскочил к ней, но с разгону не успел остановиться, и все ребята в очереди чуть не попадали на пол. Булочки, пирожки и бутерброды так и просились сами в рот, поэтому, когда очередь дошла до меня, я как закричу: «Булочку и компот!»

Потом мы с Минькой стояли с компотом и булками, и я тихо-тихо, чтобы никто не слышал, рассказал ему о загадочном совпадении букв на кортике и на медальоне. Но можно было и не опасаться: рядом с нами толклись

только пятиклашки. (Хоть Чкипа и посмеялся надо мной, но всё же эта мысль не оставляла меня.)

И тут совершенно неожиданно откуда-то выскочил Лёнька Байбаков. Он заломил руку одному пятиклашке и, пробивая себе путь пинками, запихнул свою обкусанную булку другому пятиклашке, нахохлившемуся коротышке, прямо в компот! У пятиклашки слёзы из глаз так и брызнули, а Лёнька хохочет...

Я оглянулся на мальчишку с заплаканными глазами и, в один прыжок подскочив к Лёньке, схватил его за край новенького пиджака. Байбаков дал дёру, и только пуговица осталась у меня в кулаке! Меня так и подмывало дать ему по шее! Минька даже погнался за Байбаковым, но налетел на Василькову и разлил ей на форму компот.

– Ничего, я ему ещё покажу! – погрозил я кулаком в сторону удравшего Байбакова.

Я обернулся: Колобок что-то объяснял Васильковой и Свирской. Я махнул рукой и вышел из буфета, и тут кто-то как шваркнет меня по затылку! Я оглянулся: белобрысый толстяк с Байбаковым хохочут во всё горло.

«Наверно, Лёнькин телохранитель», – мелькнуло у меня в голове.

– Коваль, после уроков поговорим? – с ехидной ухмылкой спрашивает Байбаков.

Меня всего так и затрясло.

– Ах так! – не удержался я и со всего маху как залеплю ему по уху!

Но тут Лёнькин толстяк наскочил на меня сзади и, подминя под себя, повалился со мной на пол, сильно-сильно выворачивая мне руку за спину.

Байбаков склонился надо мной и, жарко дыша мне в лицо, повторил:

– После уроков поговорим! Понял?!.. Отпусти его, Петух!

Я вскочил, оттирая затёкшую руку, а Лёнька с телохранителем и след простыл!

Я пожалел, что не сумел ему ещё раз двинуть как следует!

– Ну ничего, поговорим! – прошептал я, прикусив губу.

Я никому не сказал об этом и с нетерпением ждал конца уроков. Теперь мне уже хотелось по-настоящему «поговорить» с Байбаковым. И тут я вспомнил о медальоне: ведь мы же должны были с Минькой пойти к искусствоведу! Я оторвал половинку промокашки и, написав на ней: «Минька, если я не смогу, сходи сегодня без меня к искусствоведу», послал её Колобку. И сразу же получил от него записку: «Что значит “если”? Мы же договорились!»

«Потом скажу. Подожди немножко меня около школы», – накатал я ответ.

Не успели ребята выскочить из класса после уроков, как появился Байбаков со своей компашкой.

– Петух! Ну-ка закрой дверь! – скомандовал Лёнька. Петух мигом исполнил его приказание, сунув ножку стула в дверную ручку. И тут я понял, как надо действовать!

– Петух, – говорю я, – слушай дальше внимательно, что тебе прикажет Байбаков! Ну что же ты, Петух? Слушай, слушай! Тебе же нравится: «Петух, сделай то, Петух, сделай это!..»

– Ну ты, молчи! – рванул меня за воротник толстяк, – а то и правда схлопочешь!

– Ха! Ишь ты, как аккуратно завязал галстучек! – потянул Байбаков за один конец мой пионерский галстук.

Я разозлился и со всей силы ударил его по руке, освобождая галстук.

– Гай, сейчас мы его испытаем! – побледнел Байбаков, его кошачьи глаза так и сверкнули на меня.

«Что он задумал?!» – не мог я понять.

Байбаков, Гайденок и ещё один, с колючей головой, похожей на кактус, из их шайки, потащили меня к окну и сильно-сильно прижали мне руку к батарее. Батарея была такой горячей, что у меня от боли аж зазвенело в висках, а под лопатками похолодело, но я крепко сжал зубы, чтобы не закричать!

– Аа-ай! – завопил мальчишка с кактусовой головой, обжёгшись и выдергивая свою руку из-под рук Байбакова и Гайденко.

И тут в дверь громко забарабанили. Байбаков испуганно оглянулся:

– Ладно, отпустите его! – пролепетал он.

– Тьфу, дур-рак! – плюнул я в лицо Байбакову и, вырвавшись, кинулся к двери.

Петух выдёргивал ножку стула из дверной ручки. Я с треском распахнул дверь и чуть не столкнулся со Смирновой.

– Что здесь происходит?! – удивилась она, заглядывая в класс.

– Ничего! Просто мы поговорили! – едва переводя дыхание, отозвался я.

– Костя, подожди! – закричала она. – Сейчас я только возьму дневник!... Костя!

Больше я уже ничего не слышал, выскочил на улицу, но Миньки уже не было. Я сразу же хотел пойти в музей, но тут увидел Смирнову.

– Костя! Ты же забыл! – протянула она мне мой портфель.

– Надо же, я и правда про него забыл! – смутился я.

– Из-за чего они тебя? – спросила Таня.

– Что из-за чего?

– Ну, били!

– Они меня вовсе и не били! – обиделся я.

– А кто же тогда кричал?!

– А, это тот, ты заметила, такой, с кактусовой головой, наверно, обжётся!

– Как обжётся? Где? Ничего не понимаю!

– И правильно! Так ему и надо! – засмеялся я, по привычке перекинув портфель в другую руку, и чуть не заорал от боли! Только теперь я увидел у себя на ладони пузырь!

– Костя! – испуганно вскрикнула Таня. – Что они с тобой делали? Пытали?!

Последние слова она произнесла с таким негодованием, что я вдруг повернулся и поцеловал её в щеку.

Я почувствовал, что уши мои горят, как на огне. Я зажмурился. Мне показалось, что Смирнова мне сейчас залепит по щеке (я читал о таких случаях в книжке), но Таня уже держала двумя ладонями мою пятерню с пузырьком посередине и дула на неё.

– Зачем ты, не надо! – прошептал я.

– Зайди к нам, я смажу гусиным жиром и перевяжу, – тихо сказала она, но я только растерянно улыбался.

В этот день я, конечно же, ни в какой музей не пошёл и вернулся домой уже вечером. Я потихоньку прокрался в свою комнату и сел за учебники.

– Костя! – услышал я мамин голос из кухни. – Ты где это бродишь? Тебе здесь уже звонили.

– Кто звонил?! – вскочил я.

– Не знаю, какой-то Миша.

– Минька! – обрадовался я и начал натягивать на себя куртку.

– Ты куда?! – мама уже стояла в дверях с кухонным полотенцем. – А это что такое? Что у тебя с рукой?!

– А, ерунда!

– Никуда не пойдёшь! Хватит! Один Епиходов уже лежит в гипсе!

– Ну почему Епиходов?! – вскипел я. – И что значит Епиходов?

– Епиходов и есть! – усмехнулась мама. – Тридцать три несчастья, так называл своего героя Антон Павлович Чехов!

– Ну мама! Мне нужно к Миньке!

– Позвони по телефону! Телефон – великое средство общения!

– Но у него нет телефона! – в отчаянии воскликнул я.

– А откуда же он звонил?

– Не знаю, может, из автомата? – развёл я руки.

– Всё! Никаких походов в ночное время. Живо раздевайся! Ну что за наказание с вами! – вдруг запричитала

мама. – Хоть бы в кружок какой-нибудь записались, а то только слоны слонять по улицам! А грязной посуды на кухне целые Гималаи-Кордильеры, некому вымыть! Всё я должна! Одному, видишь ли, изобретать надо, а другому – только бы гасать по улице!

«Ну вот, опять! – тяжело вздохнул я про себя, – а я-то думал, что она меня хоть немножко понимает!..»

Глава 14. Минькино открытие

– Костя! – радостно закричал Колобок, увидев меня около школы. – Ты знаешь, вчера... А что-то у тебя с рукой? Пузырь какой-то!

– А, чепуха! – отозвался я. – Долго рассказывать. Ну что выяснилось с художником?!

– С художником-то ничего, а вот с медальоном выяснилось!

– Что?!

Минька быстро достал из кармана медальон и, открыв его, ловко иголкой от ФэМэШатовского значка вынул из створки портрет. Под портретом я увидел сложенный вчетверо маленький клочок пожелтевшей бумаги. Он развернул его, и мне сразу же бросились в глаза параллельные линии в виде буквы Т и в середине кружок. От неожиданности увиденного у меня пробежал холодок по спине.

– Ты понял? – спрашивает Минька загадочно.

– Нет! – отозвался я, недоумеваю.

– Это же...

Но не успел я дослушать Миньку, как на углу школы, точно из-под земли выросли две знакомые фигуры.

«Опять?! – подумал я. – Значит, на том не кончилось!» Колобок о чём-то разгорячённо ещё говорил, но я его уже не слушал.

– Минька, ты иди, я догоню тебя!

– А? – уставился он на меня.

– Ты иди, я догоню тебя, – мрачно повторил я.

Было понятно, что сейчас они драться не собираются. «Наверно, Байбаков подослал!» – догадался я.

– Слышь, Коська, – неуверенно начал Гайденко, – ты не подумай чего... ну, в общем, я тогда... ну я тогда думал, драка будет настоящая!

Я посмотрел на впервые виноватое лицо Гайденко, и мне вдруг стало даже смешно, а Гай обрадовался, поняв, что я его простил.

– Знаешь, ты парень – во! – и он показал это большим пальцем.

– Если нужно, ты только свистни, мы с Петухом кому хочешь наkostenяем! Хочешь, Байбакову?!

– Ага! – с готовностью поддакнул толстяк.

– Слушай, Петух! – спросил я. – А ты кто?

– Как кто?

– Ну, Петька или Петухов?

– А! Да нет! – округлив физиономию, добродушно захихикал Петух. – Это ещё в первом классе я лучше всех умел кричать петухом! А так Аксёнов я! Женька меня зовут!

– Не будем никому костылять! – с размаху хлопнул я Женьку по плечу. – Мир во всём мире!

Хорошо, что вовремя завизжал звонок, а то бы точно Гайденко с Петухом от радости затормошили меня до полусмерти!

Мы с Гайденко, запыхавшись, забежали в класс, и я сразу же Миньке накатал записку:

«На перемене заскочим под лестницу, хочу понять, что за рисунок в медальоне!»

«В медальоне – план!» – написал Минька.

Я как на иголках ждал звонка. Но урок тянулся страшно медленно. Вообще, уроки истории почему-то всегда очень долго тянутся.

Наконец, королю Карлу отрубили голову, и весёлым смехом залился звонок. Мы бросились с Минькой под лестницу, и я с нетерпением выхватил у него медальон.

– Где твой значок?! – спрашиваю я.

Минька отцепил значок и передал мне. Я иголкой от значка быстро вынул портрет и опять увидел тот же клочок

пожелтевшей бумаги, сложенный вчетверо; я развернул его и уже внимательнее рассмотрел рисунок. Около кругляшка в перекрестье линий проступали буквы Б и П.

«Что бы это значило?» – подумал я.

– Слушай, Коська! А ты знаешь, кого я увидел там с Леной?! – говорит вдруг Минька.

– Кого?

– Сергея Николаевича!

– Ну правильно, он же тоже выяснить хочет!

– Да нет, они, кажется, уже всё «выяснили»! У него в руках были такие цветы, а у неё были такие глаза!..

– Да ты что?! Так он?!.

Глава 15. И опять общественные нагрузки!

– Сегодня мы разбираем Диму Пучкина за его из ряда вон выходящее поведение! – как речёвку, выпалила Светка Свирская. – Встань, Пучкин!

Димка встаёт и недоуменно оглядывается по сторонам. Смирнова смотрит на него плачущими глазами. А Василькова от радости потирает руки.

– Объясни, почему ты вместо того, чтобы заниматься общественными нагрузками, залез в шкаф? – тараторит Светка.

– Я не залезал! – кипятится Димка. – Это Василькова залезла и приклеила себе усы!

– А где ж ты тогда взял медальон?

– Мы с Костей Ковалёвым ловили рыбу, и я случайно поймал его на удочку!

– На удочку? И тебе не стыдно врать?! – и тут у Светки неожиданно голос меняется на голос Альбины Игнатьевны. – Тихо!!! Что за шум?! Вот с хэппенд? Что случилось?! Марья Алексеевна, ну что все стучат ногами!

Минька хватается с учительского стола колокольчик и дребезжит им в самое моё ухо. Я вздрагиваю и открываю глаза. Будильник так и выходит из себя!

– Тьфу ты! Что за... – бормочу я сквозь сон и, уткнувшись носом в подушку, опять засыпаю, но родители то и дело тормозят меня за плечо.

Глава 16. И как можно быстрее!

– Коська, заходите! – обрадовался Димка, увидев нас с Минькой в дверях. – Что-нибудь выяснилось?

– Ещё бы! – подмигнул Минька.

И Минька ещё раз продемонстрировал, уже при Димке, как он ловко вынимает иголкой от значка портрет из створки медальона.

– Р-раз! А теперь смотри! – говорит Минька и, как фокусник, достаёт из медальона клочок пожелтевшей бумаги и быстро разворачивает перед Димкиным носом рисунок.

– Вот почему там была ломаная стрелка на крышке! – вдруг догадался я.

– Что это?! – спрашивает Димка, смотря на рисунок. – Неужели план?!

– Вот именно, план! – отозвался Минька. – И ещё какой!

– А какой?! – спрашиваю я.

– Какой, какой!.. Важный!!! – тут же нашёлся Минька.

– А теперь слушайте меня! – говорит Минька. – Вы где нашли медальон?

– На речке! – выпалили мы с Димкой.

– Вот именно! Это план реки! Параллельные линии – это же перекрестье Омки и Иртыша.

– А кругляшок – клад! Ура!!! – ошалев от радости, завопил Димка и чуть не полетел с дивана. – Клад!!! Я же говорил, что мы найдём клад!

– погоди! – остановил его Минька, поправляя по привычке очки на носу.

– Во-первых, мы ещё не нашли, а во-вторых, что это за буквы Б.П. и что это за клад?

– И потом, как его достать? – почесал я в затылке. – Ведь он же под водой!

– Вот именно! – подтвердил Минька. Димка растерянно хлопал глазами.

– Я считаю, что этот план надо показать кому-нибудь! – сказал Минька. – Сами же мы ничего не сделаем!

– Это правильно! – согласился я. – И как можно быстрее!

Мы с Минькой решили первым делом показать план Александру Михайловичу.

– Пусть он посоветует, – говорит Минька, – куда нам обращаться. – И мы опять пошли в архив.

– Ну и как с медальоном, показали специалисту? – спросил немножко обиженно Александр Михайлович.

– Показали! – изрёк Минька. – Но вот что мы обнаружили ещё! И Минька всё сразу выложил!

– Послушайте, а ведь как раз то, что по всем приметам совпадает! – воскликнул Александр Михайлович, как будто догадавшись о чём-то.

Мы с Минькой переглянулись, ничего не понимая.

– Какие приметы?

– И вы ничего не знаете? – удивился Александр Михайлович. – Вы, наверное, газет не читаете! Хотя в вашем возрасте я их тоже не читал.

И тут же он достал из стола газету, в которой быстро синим карандашом обвёл какую-то заметку! Мы с Минькой с жадностью проглотили её глазами. В ней говорилось о том, что в устье реки Оми во время работ по углублению дна землечерпалка подцепила оружейный снаряд японского производства, а через два дня было обнаружено ещё два таких же японских снаряда.

Александр Михайлович внимательно посмотрел на план в медальоне:

– Именно в этом месте и надо искать, где ваш «кругляшок»!

– Так этот план, выходит, связан со снарядами?! – спросил я, всё ещё недоумевая.

– Я думаю, что да! – отозвался Александр Михайлович. – Б.П. – это боеприпасы!..

Глава 17. Скорей включай телевизор!

– Димка! Скорей включай телевизор! – обрадованно закричал я, ворвавшись с Колобком к нему в комнату. – Сейчас будут показывать, как разминируют баржу со снарядами!

Димка, уронив с дивана книжку и подушку, наперегонки поскакал на одной ноге в другую комнату. Мы с Минькой ринулись за ним.

– Димка! – кричу я. – А девчонки не заходили?

– Заходили! – кричит Димка. – Вон яблок и винограда принесли. Ещё с ними были Воробейчик и Гайденко.

– И Гайденко?! А он тебе «наконечник» от стрелы не показывал? – захохотал я.

– Показывал! Сплюснутый гвоздь! Говорит, нашли с Петухом! – и Димка чуть не шлёпнулся от хохота.

Он нажал кнопку телевизора, и через секунду вспыхнул экран. Мы сразу же увидели то место, где впадает Омка в Иртыш. Оно было огорожено и осушено. Затем показали уже ближе, как сапёры осторожно разминируют баржу со снарядами.

– Представляете, что было бы, если бы всё это рвануло! – говорю я.

И я представил себе, что могло бы случиться, если бы не нашли с нашей помощью затопленную баржу со снарядами. Землечерпалка задевает ковшом за снаряд, он детонирует. Следом за ним вмиг взрывается и весь остальной арсенал. Пролёт моста через Омку, как в замедленной киносъёмке, вместе с проезжающими машинами, взмывает в воздух, разлетается на куски, и они падают в воду, вздымая фонтаны брызг. И вдруг глазам предстают опоры моста, на месте пролёта зияет пустота!

Но всего этого не произошло, благодаря нашей находке!..

А голос диктора рассказывал, как сложно и опасно ведутся работы по разминированию этих снарядов.

– Неожиданные обстоятельства, – сказал диктор, – помогли быстро обнаружить затонувшую баржу колчаковцев с опаснейшим грузом.

– Димка! Это же про нас, про наш медальон! – воскликнул я, в порыве восторга крепко обнимая своих друзей Димку и Миньку.

– Тихо, Коська! – зажал мне рот Димка. Диктор говорил о найденном плане.

– Так а медальон-то что? Непонятно! – удивлялся Димка. – Толком ничего не сказали!

А диктор ещё говорил, говорил, говорил...

– У них слишком мало времени! – оправдывал я телевизионщиков. – А вот о медальоне Александр Михайлович сказал так: он принадлежал скорее всего какому-то колчаковскому офицеру, который знал об этой барже со снарядами и, сделав план её местонахождения в медальоне, хотел этот план, по-видимому, секретным образом кому-то передать!

– Нет, об этом мы можем только догадываться! – начал мне возражать Минька.

– А я считаю, что это так и было! – настаивал я на своём.

Но Минька ни в какую не соглашался.

Я оглянулся на Димку. А он, думая о чём-то своем, уже смотрел счастливыми глазами на улицу. А за окном над светлым предзимним городом уже всюю кружились, вдруг неожиданно застывая в полёте, как лёгкие птицы, зовущие в даль, первые крупные хлопья снега...

Примечания

Наталья Елизарова
ГОРОД ЗЕРОН
Фантасмагория

¹ (с.80) – Все герои и события в произведении являются вымышленными. Любое совпадение случайно и непреднамеренно.

Елена Зейферт
НИКОГО
Из книги прозы «Сизиф & К»

¹ (с.95) – Kamerad! Hilfe! Retten Sie mich bitte! – Товарищ! Помогите! Спасите меня, пожалуйста! (нем.)

Евгений Асташкин
НЕНАРЕЧЁННАЯ
Поэма

Книги нужны, чтобы напоминать человеку, что его оригинальные мысли не так уж новы.

А. Линкольн

¹ (с.197) – *Страз* – искусственный камень, копия драгоценного.

² (с.209) – *Мелизмы* – небольшие мелодичные украшения.

³ (с.215) – От термина «броуновское движение» – беспорядочное движение мелких частиц в жидкости или газе.

⁴ (с.232) – От слова «вамп» – вампир.

Зоя Соснина
YEDES, YEDES HAT NUR SEINE...

¹ (с.269) – Yedes, yedes hat nur seine – Каждому, каждому своё. (нем.)

Дора Черашняя
«ВЕЧНО НЕЗАКОНЧЕННОЕ...»

¹ (с.290) – Дора Черашняя – кандидат филологических наук (г. Ижевск).

Лидия Трубицина
ПРЕДНАЗНАЧЕННАЯ СТЕЗЯ
Предисловие к книге Галины Кудрявской
«И только эхо вдалеке»

¹ (с.294) – Лидия Трубицина – член Союза журналистов России, член Союза театральных деятелей России, заслуженный работник культуры РФ.

² (с.294) – Кудрявская Г.Б. И только эхо вдалеке. Книга стихов. – Омск, 2008. – 104 с. – (Б-ка омской лирики).

Ксения Тилло
О «ЖИВОЙ ПАМЯТИ»
ВОЛЬДЕМАРА ГОРХА

¹ (с.296) – См.: Горх В.А. Живая память. – Кемерово: ИПП «Кузбасс», 2008. – 248 с.

Наталья Елизарова, Ирина Елизарова
СКАЗКИ ИГОРЯ ПЕТРОВА ГЛАЗАМИ
ПЕДАГОГА

Литература

1. Петров, И. Сказки / И.Ф. Петров. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2008. С.472.

2. Там же. С.229.

3. Там же. С.231.

4. Там же. С.10.

Андрей Дёмин
О ПОЭЗИИ ОЛЕГА ЧЕРТОВА

Литература

1. Чертов О.В. Вечный Дом: Стихотворения. Издание 2-е, дополненное. Москва – Омск: Восточный ветер, 1996.

2. Чертов О.В. Небесный град / Избранные произведения в 2 томах, том I. Москва – Омск: Восточный ветер, 1998.

3. Частное лицо – Олег Чертов. Статьи, воспоминания, письма, архив, дневники. Москва – Омск: Восточный ветер, 1996.

4. Чертов О.В. Гуманизм Оксфордских реформаторов. М.: Сма-рагд, 2000.

5. Эразм Роттердамский. О приуготовлении к смерти / пер. Олега Чертова. Москва – Омск: Восточный ветер, 1998.

6. Тарковский А.А. Благословенный свет. СПб.: Северо-Запад, 1993.

КУЗНЕЦК – ЯСНАЯ ПОЛЯНА

¹ (с.327) – Кушникова М., Тогулев В. Загадки провинции: «кузнецкая орбита» Фёдора Достоевского в документах сибирских архивов. – Новокузнецк: Кузнецкая Крепость, 1996. – С.175.

² (с.328) – Там же. – С.166.

³ (с.328) – Там же.

⁴ (с.329) – Там же. – С.167.

⁵ (с.329) – Там же.

⁶ (с.329) – Там же. – С.168.

⁷ (с.330) – Там же.

⁸ (с.333) – Там же. – С.168-169.

⁹ (с.334) – Там же. – С.169.

¹⁰ (с.334) – Там же.

¹¹ (с.334) – Там же.

¹² (с.334) – Там же. – С. 170.

¹³ (с.338) – Крейд В. Георгий Иванов. – М., 2007. – С.356.

¹⁴ (с.341) – Слово «Уважаемый» зачёркнуто красными чернилами. *Сост.*

¹⁵ (с.341) – Первая строка рукописи начинается с абзаца (отступ 13 машинописных символов; все последующие абзацы имеют отступ 3 машинописных символа). *Сост.*

¹⁶ (с.341) – Исправлено нами. Было: «проявляющем». *Сост.*

¹⁷ (с.341) – Далее красными чернилами зачёркнуты слово «которые» и запятая после него. *Сост.*

¹⁸ (с.341) – Было: «воодушевлённые», последняя буква исправлена красными чернилами на «х». *Сост.*

¹⁹ (с.341) – Слово написано красными чернилами над строкой. *Сост.*

²⁰ (с.341) – Следующая далее запятая удалена нами. *Сост.*

²¹ (с.342) – Было: «испытал», над строкой красными чернилами вставка из двух букв: «ыв». *Сост.*

²² (с.342) – Конец л.1, начало л.2 рукописи. Вверху л.2 напечатано: «Письмо В.Ф. Булгакову. 2.». *Сост.*

²³ (с.342) – Было: «думал», слово зачёркнуто знаками «—», над строкой напечатано: «ожидал». *Сост.*

²⁴ (с.342) – Исправлено. Было: «общества». Над последней буквой слова допечатано между строк: «о». *Сост.*

²⁵ (с.343) – Исправлено. В оригинале отсутствует закрывающая кавычка. *Сост.*

²⁶ (с.343) – Читаются только последние три буквы слова и вопросительный знак. Первые буквы угадываются по смыслу, в сопоставлении с последним словом абзаца. *Сост.*

²⁷ (с.343) – Конец л.2, начало л.3 рукописи. Вверху л.3 напечатано: «Письмо В.Ф. Булгакову. 3.». *Сост.*

²⁸ (с.344) – Исправлено. В рукописи нет запятой. *Сост.*

²⁹ (с.344) – Конец л.3, начало л.4 рукописи. Вверху л.4 напечатано: «Письмо В.Ф. Булгакову. 4.». *Сост.*

³⁰ (с.344) – Далее полстроки не читается ввиду ветхости и сильного пожелтения бумаги. *Сост.*

³¹ (с.344) – Далее одно или несколько слов в конце строки не читается ввиду ветхости и сильного пожелтения бумаги. *Сост.*

³² (с.344) – Читаются только две последние буквы слова, остальные восстанавливаются по смыслу. *Сост.*

³³ (с.346) – Конец л.4, начало л.5 рукописи. Вверху л.5 напечатано: «Письмо В.Ф. Булгакову. 5.». *Сост.*

³⁴ (с.346) – Исправлено. В рукописи через дефис: «яко-бы». *Сост.*

³⁵ (с.346) – Исправлено. В оригинале опечатка: «расчитывать». *Сост.*

³⁶ (с.346) – Исправлено. В оригинале запятая отсутствует. *Сост.*

³⁷ (с.347) – Конец л.5, начало л.6 рукописи. Вверху л.6: «Письмо В.Ф. Булгакову. 6.». *Сост.*

³⁸ (с.347) – Ниже автограф синими чернилами. *Сост.*

³⁹ (с.347) – Далее половина листа свободна. Внизу в левом углу помета музея: «МУЯП / Оф КП 2620 / Инв.: ДК 84». *Сост.*

⁴⁰ (с.348) – Слово «Уважаемый» в оригинале зачёркнуто красным карандашом. *Сост.*

⁴¹ (с.348) – Вверху страницы синими чернилами: «Б. Мазурин – Н.Н. Арденсу (Апостолову)». *Сост.*

⁴² (с.349) – Конец л.1, начало л.2 рукописи. В верхнем правом углу л.2 напечатано: «2—». *Сост.*

⁴³ (с.349) – Конец л.2, начало л.3 рукописи. В верхнем правом углу л.3 напечатано: «3—». *Сост.*

⁴⁴ (с.350) – Исправлено. В оригинале запятая отсутствует. *Сост.*

⁴⁵ (с.350) – Конец л.3, начало л.4 рукописи. В верхнем правом углу л.4 напечатано: «4—». *Сост.*

⁴⁶ (с.351) – Конец л.4, начало л.5 рукописи. В верхнем правом углу л.5 напечатано: «5—». *Сост.*

⁴⁷ (с.351) – Исправлено. В оригинале опечатка: «но». *Сост.*

⁴⁸ (с.351) – Исправлено. В оригинале опечатка: «черезчур». *Сост.*

⁴⁹ (с.352) – Конец л.5, начало л.6 рукописи. В верхнем правом углу л.6 напечатано: «6—». *Сост.*

⁵⁰ (с.352) – Исправлено. В оригинале опечатка: «расчитаны». *Сост.*

⁵¹ (с.352) – Далее забитое литерой «х» слово «время». *Сост.*

⁵² (с.352) – Конец л.6, начало л.7 рукописи. В верхнем правом углу л.7 напечатано: «7—». *Сост.*

⁵³ (с.353) – Далее $\frac{1}{4}$ листа свободна. В нижнем левом углу помета музея: «МУЯП / Оф КП 2621 / Инв.: ДК 85». *Сост.*

⁵⁴ (с.353) – Заглавие в оригинале: «О КНИГЕ В.Ф. БУЛГАКОВА “О ТОЛСТОМ” – Приокское книжное издательство 1964 г. Тула». *Сост.*

⁵⁵ (с.354) – Далее карандашом вычеркнуто два слова: «достоверностью и». На левом поле помета: «NB». *Сост.*

⁵⁶ (с.354) – В копии с машинописи сначала было: «Ард»; последние буквы слова «денс» допечатаны поверх копии на машинке. *Сост.*

⁵⁷ (с.354) – Конец л.1, начало л.2 рукописи. В верхнем правом углу л.2 напечатано: «2—». *Сост.*

⁵⁸ (с.355) – Исправлено. В оригинале: «свое». *Сост.*

⁵⁹ (с.355) – Конец л.2, начало л.3 рукописи. В верхнем правом углу л.3 напечатано: «3—». *Сост.*

⁶⁰ (с.355) – Далее зачёркнуто: «“Лев Толстой и наша современность”». *Сост.*

⁶¹ (с.356) – Конец л.3, начало л.4 рукописи. В верхнем правом углу л.4 напечатано: «4—». *Сост.*

⁶² (с.356) – Конец л.4, начало л.5 рукописи. В верхнем правом углу л.5 напечатано: «5—». *Сост.*

⁶³ (с.357) – Конец л.5, начало л.6 рукописи. В верхнем правом углу л.6 напечатано: «6—». *Сост.*

⁶⁴ (с.358) – Конец л.6, начало л.7 рукописи. В верхнем правом углу л.7 напечатано: «7—». *Сост.*

⁶⁵ (с.358) – Ниже посередине страницы автограф Мазурина синими чернилами. *Сост.*

⁶⁶ (с.358) – В нижнем левом углу помета музея: «МУЯП / Оф КП 2622 / Инв. ДК 86». *Сост.*

Шимон Токаржевский ПОБЕГ

Печатается по: Токаржевский Ш. Сибирское лихолетье / пер. с польского Кушниковой М.М.; сост. и авт. предисл. Кушникова М.М., Тогулев В.В. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2008. – С.473-562.

¹ (с.362) – Умер в Кракове в 1891г. *Комментарий переписчицы* (так в польском издании, – пер.).

² (с. 362) – Литератор, эстет, умер в 1902г. *Комментарий переписчицы*.

³ (с.364) – *Неполным шаманом* называют татары молодого паренька, которому предстоит стать шаманом, но ещё не посвящают во все тайны шаманизма. *Прим. авт.*

⁴ (с.369) – *Чумы* – переносные жилые домики тунгусов. *Прим. авт.*

⁵ (с.370) – *Сикле* – длинные железные трубки. *Прим. авт.*

⁶ (с.370) – *Тенгри* – по верованию тунгусов, божество, опекающее их. *Прим. авт.*

⁷ (с.373) – XIX века. *Прим. переписчицы*.

⁸ (с.374) – Радости стола (*фр.*). *Прим. пер.*

⁹ (с.377) – Лакей (*фр.*). *Прим. пер.*

¹⁰ (с.378) – Как у Байрона (*фр.*). *Прим. пер.*

¹¹ (с.379) – Так называют в Сибири смерть. *Прим. авт.*

¹² (с.381) – Госпожа Тереза Булгакова, урождённая Вьежицкая. *Прим. авт.*

¹³ (с.382) – Пешком, как апостолы (*лат.*). *Прим. пер.*

¹⁴ (с.386) – *Цимес* – лакомое блюдо еврейской кухни из фасоли. *Прим. пер.*

¹⁵ (с.387) – *Варнак* – злодей, бродяга. *Прим. авт.*

¹⁶ (с.389) – См. «Семь лет каторги». *Прим. авт.*

¹⁷ (с.391) – *Биргал* – горняк, рабочий в рудниках. *Прим. авт.*

¹⁸ (с.395) – XIX века. *Прим. переписчицы*.

¹⁹ (с.395) – *Самородки* – маленькие или крупные кусочки золота, лежащие на поверхности. *Прим. авт.*

²⁰ (с.404) – XIX столетия. *Прим. переписчицы*.

²¹ (с.405) – Первых лет XIX столетия. *Прим. переписчицы*.

²² (с.405) – *Жарок* – пурпуровый цветок, в Сибири символ любви. *Прим. авт.*

²³ (с.405) – *Княженика* – очень вкусная ягода. *Прим. авт.*

²⁴ (с.415) – *Джуван* – юнец. *Прим. авт.*

²⁵ (с.415) – *Чопан* – чабан, пастух. *Прим. авт.*

²⁶ (с.417) – *Спиртонос* – заключённый, который приносит водку в каземат. *Прим. авт.*

²⁷ (с.420) – *Пельван* – силач. *Прим. авт.*

²⁸ (с.421) – *Чохир* – горилка. *Прим. авт.*

²⁹ (с.427) – XIX века. *Прим. переписчицы*.

³⁰ (с.428) – То есть совершенно своеобразной (*лат.*). *Прим. пер.*

³¹ (с.428) – XIX века. *Прим. переписчицы*.

³² (с.436) – Старания и хлопоты о переведении Юзефа в местность с лучшими климатическими условиями. *Прим. авт.*

³³ (с.438) – *Курса* – по-якутски лис. *Прим. авт.*

³⁴ (с.441) – Осуждённый как участник в другом заговоре. *Прим. авт.*

³⁵ (с.441) – События из шестидесятих годов XIX века. *Прим. переписчицы*.

³⁶ (с.451) – В наречии каторжан – «будешь осуждён на порку». *Прим. авт.*

³⁷ (с.452) – См. «Семь лет каторги». *Прим. авт.*

Ливия Которча ДОСТОЕВСКИЙ В КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ АВАНГАРДА

Литература

1. Кручёных А. Знакомство с Бурлюками, Маяковским и Хлебниковым. Первые выступления // Из литературного наследия Кручёных. – Slavic Berkeley Specialties. – Berkeley University, 1999. – С.52. В продолжении мы цитируем по этому изданию.

2. Там же. – С. 45.

3. Там же. – С.60.

4. Слово как таковое (1913) // Литературные манифесты. От символизма до «Октября» / Сост. Бродский Н.Л., Сидоров Н.П. – М.: Аграф, 2001. – С.139.

5. Пощёчина общественному вкусу // Из литературного наследия Кручёных... – С.129.

6. Письмо от авг. 1915 г. (Из переписки с Шемшуриным 1915-1917) // Там же. – С.194.

7. Предисловие к «Садок судей», II // Там же. – С.132.

8. Пощёчина общественному вкусу // Там же. – С.129.

9. *Кручёных А.* Письмо Шемшуруну от 29.09.1915 г. (Из переписки с Шемшуриным 1915-1917) // Там же. – С.195.

10. Программа на афише выступлений будетлян 1914-1915 гг. / Там же. – С.159.

11. *Кручёных А.* Декларация заумного языка (1921) // Там же. – С.194.

12. *Достоевский Ф.М.* Подросток // *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений в десяти томах. – Т.8. – М., 1957. – С.625.

13. *Кручёных А.* Декларация заумного языка // Из литературного наследия Кручёных... – С.193-194.

14. Там же. – С.194.

15. Там же. – С.193.

16. *Кручёных А.* О войне. I. Герман и Германия // Там же. – С.212.

17. *Кручёных А.* Игрок М(аяковском)у // Там же. – С.290.

18. Там же. – С.289.

19. Там же. – С.291.

Ербол Тунгышулы Усенбаев МИФОЛОГИЧЕСКОЕ И ТРАДИЦИОННОЕ ИСКУССТВО

¹ (с.512) – *Усенбаев Ербол Тунгышулы* – доцент кафедры истории философии и культурологии факультета философии и политологии КазГУ им. аль-Фараби.

Литература

1. *Виноградов В.* О музыкальной археологии // Советская музыка. – 1971. – №5. – С.89.

2. *Аль-Фараби.* Большая книга о музыке // Трактаты о музыке и поэзии. – Алматы: Наука, 1993. – С.327-382.

3. *Потанин Г.* В юрте последнего киргизского царевича // *Валиханов Ч.Ч.* Собр.соч., в 5 т. – Алма-Ата: Казэнц, 1985. – Т.5. – С.314-335.

4. *Сарыбаев Б.* Дореволюционные народные музыкальные инструменты Казахстана. Автореферат дисс. ...канд. иск. н. – Алматы, 1969.

5. *Касымжанов А.Х.* Пространство и время великих традиций. – Алматы: КазНУ, 2001. – 301 с.

Жибек Бимагамбетова К ВОПРОСУ О ЖАНРЕ ЛИТЕРАТУРЫ ПУТЕШЕСТВИЙ В КАЗАХСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Список использованной литературы

1. Краткая литературная энциклопедия. – М.: Советская энциклопедия, 1971. – Т.6. – 520 с.

2. *Конрад Н.И.* Запад и Восток. – М.: Наука, 1966. – 496 с.

3. *Ауэзов М.О.* Мысли разных лет. – Алма-Ата: Казгослитиздат, 1961. – 542 с.

4. *Каскабасов С.А.* Казахская сказочная проза. – Алма-Ата: Наука, 1990. – 240 с.

5. История Казахской ССР: В 5-ти т. – Алма-Ата: Наука, 1977. – Т.1. – 470 с.

6. *Гуминский В.* Открытие мира, или Путешествия и странники. – М.: Современник, 1987. – 286 с.

7. *Ыдырысов Т.* Очерк туралы ойлар. – Алматы: Казакстан, 1969. – 211 с.

8. *Кабдолов З.* «Эдибиет теориясынын негіздері». Мектеп. – Алматы, 1970. – 375 б.

9. *Жумалиев К.* Стиль – онер ерекшелігі. – Алматы: Казакстан, 1965. – 228 б.

10. Теория литературы. Основные проблемы в ист. освещении / Под ред. *Г.Л. Абрамовича* и др. – М.: Наука, 1965. – Кн.3. – 504 с.

11. *Белинский В.Г.* Физиология Петербурга // Полное собрание сочинений: В 13-ти т. – М.: Изд-во Акад. Наук СССР, 1953. – Т. 8. – 574 с.

12. *Борн И.* Краткое руководство к русской словесности. – СПб., 1908. – С.167.

13. Московский телеграф. Путешествия. – М., 1827. – Ч.13. – №1. – С. 27-30.

14. *Чернышевский Н.Г.* Письма об Испании // Полное собрание сочинений. В 15-ти т. – М.: Госполитиздат, 1948. – Т.4. – 540 с.

15. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир / *Львова Э.Л.* и др. – Новосибирск: Наука, 1988. – 224 с.

16. *Матвеев А.В.* Традиционная культура путешествия. Общие вопросы // Народная культура Сибири: Материалы X научно-практического семинара Сибирского регионального вузовского центра по фольклору. – Омск, 2001. – С.225-230.

17. *Маданова М.Х.* Актуальные вопросы литературной компаративистики. – Алматы: Гылым, 1999. – 268 с.

18. *Гачев Г.* Национальные образы мира. – М.: Советский писатель, 1988. – 500 с.

Гулжахан Орда
ТОЛЕГЕН АЙБЕРГЕНОВ
(1937-1967)

¹ (с.531) – *Гулжахан Орда* – с.н.с. Института литературы и искусства им. М.О. Ауэзова, к.ф.н.

² (с.531) – Перевод приведённых в наст. статье песен подстрочный. Перевёл *Мухтар Бекмуратов*.

Айнур Машакова
АЛИ АББАС ЧИНАР – ТУРЕЦКИЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬ КАЗАХСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

Список использованной литературы

1. Ali Abbas Cinar. Kazak Kulturu ve Edebiyati Arastırmaları. – Mugla, 2006. – 220 s.

Елена Мордовина
ВОСКОВЫЕ КУКЛЫ

¹ (с.549) – *Елена Мордовина* (Украина, Киев) отмечена специальным дипломом председателя жюри Шестого Международного Литературного Волошинского конкурса в номинации «Пройти по всей земле горящими ступнями...».

Андрей Поляков

* * *

¹ (с.561) – *Андрей Поляков* (Симферополь) – лауреат Волошинской премии 2008 г.

Ирина Евса

* * *

¹ (с.565) – *Ирина Евса* (Харьков) на Шестом Международном Литературном Волошинском Фестивале в 2008 г. отмечена специальной премией Союза российских писателей.

Валерий Прокошин

* * *

¹ (с.568) – *Валерий Прокошин* (Обнинск) – финалист Шестого Международного Литературного Волошинского конкурса (2008).

Сергей Соловьёв
ГУРЗУФ

¹ (с.569) – *Сергей Соловьёв* (Гурзуф) – финалист Шестого Международного Литературного Волошинского конкурса (2008).

Мария Ватутина
КЕРКИНИТИДА

¹ (с.570) – *Мария Ватутина* (Москва) – финалист Шестого Международного Литературного Волошинского конкурса (2008).

Станислав Минаков

* * *

¹ (с.570) – *Станислав Минаков* (Харьков) – финалист Шестого Международного Литературного Волошинского конкурса (2008).

² (с.570) – *Щебетовка* (греческое название – *Отузы*) – посёлок у горы Карадаг (Киммерия), где в начале 1920-х О. Мандельштам, спасаясь от голода, работал на виноградниках. По преданию, с лишком тысячу лет назад мимо Отуз проходили славянские первоучители Кирилл и Мефодий, возвращавшиеся с проповеди из Хазарского царства.

Андрей Баранов
ИЗ ЦИКЛА «О ЖИДКОСТЯХ»

¹ (с.571) – *Андрей Баранов* (Ижевск) – финалист Шестого Международного Литературного Волошинского конкурса (2008).

Андрей Егоров

* * *

¹ (с.575) – *Андрей Егоров* (Петропавловск-Камчатский) – финалист Шестого Международного Литературного Волошинского конкурса (2008).

Виктор Казан
ЕВА

¹ (с.578) – *Виктор Казан* (Даллас, США) – финалист Шестого Международного Литературного Волошинского конкурса (2008).

Владимир Монахов

* * *

¹ (с.580) – *Владимир Монахов* (Братск, Иркутская область) – финалист Международного Литературного Волошинского конкурса (2008).

Мария Кошкина

* * *

¹ (с.581) – *Мария Кошкина* (Санкт-Петербург) – финалист Международного Литературного Волошинского конкурса (2008).

Владимир Ермолаев

* * *

¹ (с.582) – *Владимир Ермолаев* (Рига, Латвия) – финалист Международного Литературного Волошинского конкурса (2008).

Анастасия Кедрова
СЕВЕРНЫЕ ЭТЮДЫ

¹ (с.586) – *Анастасия Кедрова* (Тюменская область, г. Мегион) – финалист Международного Литературного Волошинского конкурса (2008).

Виктор Коллегорский
ИЗ КНИГИ «ВЕРЛИБРОСЛОВ
МНОГОЦВЕТНЫЙ»

¹ (с.588) – *Виктор Коллегорский* (Москва) – финалист Международного Литературного Волошинского конкурса (2008).

Валерий Митрохин

* * *

¹ (с.591) – *Валерий Митрохин* (Симферополь) – финалист Международного Литературного Волошинского конкурса (2008).

Вячеслав Суриков
ПИСЬМА В ЦЕНТР ЛЮБВИ

¹ (с.592) – *Вячеслав Суриков* – финалист Международного Литературного Волошинского конкурса (2008).

Анатолий Мохонько
«ПЕСНИ ЗЕМЛИ КУЗНЕЦКОЙ»

¹ (с.597) – *Анатолий Мохонько* – заслуженный работник культуры России, профессор.

Содержание

Слово к читателю	3
------------------------	---

Из первых уст

Марина Саввиных: «Диалог культур – содержание и смысл современного искусства»	13
---	----

Изящная словесность

Виктория Кинг. Катерина	31
Евгений Асташкин. Временщик машдвора	47
Александр Аханов. Лёша	56
Виктор Богданов. Собаки на кладбище	63
Вольдемар Горх. Два голоса	65
Никита Данилов. Повесть о деньгах	75
Наталья Елизарова. Город Зерон	80
Елена Зейферт. Никого	90
Галина Кудрявская. Виють витры... ..	97
Мэри Кушникова. Маленький дачный роман	110
Сергей Лексотов. Игра в фанты	151
Виктор Медведев. Из книги «Пилигримы»	160
Любовь Начева. Грусть	165
Борис Телков. История болезней, колдовства и врачевания	168

Подковы для Пегаса

Евгений Асташкин. Ненаречённая	195
Виктор Голков. Из сборника «Парад теней»	249
Елена Зейферт. «В ладони господней рыбка я...»	262
Галина Кудрявская. Я песенку пела про чудо... ..	264
Пётр Кузнецов. Из сборника «In alis temporis»	265
Зоя Соснина. Yedes, yedes hat nur seine... ..	268
Олег Чертов. Стихотворения	272

Рецензии

Андрей Дёмин. Читая заново	277
Елена Зейферт. Культурные слои литературы	285

Дора Черашняя. «Вечно незаконченное...»	290
Лидия Трубицына. Предназначенная стезя	294
Ксения Тилло. О «Живой памяти» Вольдемара Горха	296
Наталья Елизарова, Ирина Елизарова. Сказки Игоря Петрова глазами педагога	298

Цветы усопшим

Андрей Дёмин. О поэзии Олега Чертова	307
Жамиля Мухамеджанова. Памяти отца	317

Лев Толстой и Сибирь

Кузнецк – Ясная Поляна	327
------------------------------	-----

Памятки истории

Шимон Токаржевский. Побег	361
---------------------------------	-----

Транскультурный собор

Мирослава Метляева. Гравитация сближения	455
Светлана Ананьева. Форум в Минске	466
Ливия Которча. Международный симпозиум «Европейская цивилизация: единство, своеобразие, открытость»	484
Ливия Которча. Достоевский в культурной памяти авангарда	497

Сибирь – Казахстан

Предисловие к коллективной монографии «Международные связи казахской литературы в период независимости»	507
Ербол Тунгышулы Усенбаев. Мифологическое и традиционное искусство	512
Жибек Бимагамбетова. К вопросу о жанре литературы путешествий в казахской литературе	519
Гульжахан Орда. Толеген Айбергенов (1937 – 1967)	531
Айнур Машакова. Али Аббас Чинар – турецкий исследователь казахской литературы	539

Литературный фестиваль в Коктебеле

<i>Елена Мордовина. Восковые куклы</i>	549
<i>Андрей Поляков</i>	561
<i>Ирина Евса</i>	565
<i>Валерий Прокошин</i>	568
<i>Сергей Соловьёв. Гурзуф</i>	569
<i>Мария Ватутина. Керкинитида</i>	570
<i>Станислав Минаков</i>	570
<i>Андрей Баранов. Из цикла «О жидкостях»</i>	571
<i>Андрей Егоров</i>	575
<i>Виктор Каган. Ева</i>	578
<i>Владимир Монахов</i>	580
<i>Мария Кошкина</i>	581
<i>Владимир Ермолаев</i>	582
<i>Анастасия Кедрова. Северные этюды</i>	586
<i>Виктор Коллегорский. Из книги «Верлиброслов многоцветный»</i>	588
<i>Валерий Митрохин</i>	591
<i>Вячеслав Суриков. Письма в центр любви</i>	592

Фестиваль сибирской песни

<i>Анатолий Мохонько. «Песни Земли Кузнецкой»</i>	597
---	-----

Свет рамп

<i>Андрей Дёмин. Тайны записной книжки</i>	607
--	-----

По ту сторону реальности

<i>Ирина Юсупова. Обретение души, или Чёртовы коты</i>	617
--	-----

Возвышенное и земное

<i>Александр Цыганков. В саду золотых Гесперид</i>	649
<i>Владимир Янчев. Памяти Ивлины Во</i>	656

Роман с продолжением

<i>Николай и Светлана Пономарёвы. Город без войны</i>	661
--	-----

Детям и родителям

<i>Игорь Петров. Сказки</i>	683
<i>Наталья Елизарова. Сказки</i>	687
<i>Игорь Егоров. Находка</i>	702

<i>Примечания</i>	749
-------------------------	-----

ГОЛОСА СИБИРИ

Выпуск девятый

Подписано к печати Формат
Бумага офсетная № Печать офсетная. Усл. печ. л.
Тираж экз. Заказ №

Издательство «Кузбассвуиздат».
650043, г. Кемерово, ул. Ермака, 7. Тел. (384-2)-58-34-48
internet: www.kvi.bip.ru e-mail: 58293469@mail.ru